

Наталья Сергеевна Автономова – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ, профессор кафедры истории философии РУДН. Область научных интересов – проблемы структурализма и постструктурализма в гуманитарном познании, исследования, посвященные отдельным персонажам (Фуко, Лакан, Леви-Строс, Деррида и др.) и проблемам (язык и бессознательное, язык и рациональность, психоанализ и науки о человеке, соотношение вербального и аффективного в человеческом опыте, проблема понимания и др.). В последнее десятилетие обосновывает первостепенную роль перевода для развития философии и научно-гуманитарного познания, изучает проблемы русского концептуального языка. Автор свыше 200 статей в научных журналах, энциклопедиях, монографиях и пр.

Среди монографий выделяются: Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (критический очерк французского структурализма), 1977 (*премия Ленинского комсомола, 1978*); Рассудок, разум, рациональность, 1988; Познание и перевод. Опыты философии языка, 2008 (*премия Посольства Франции за лучшее исследование, посвященное Франции, 2008*); Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров, 2009 (*премия Андрея Белого в номинации «Гуманитарные исследования», 2009*).

Автор переводов фундаментальных произведений западной (французской) философской и научно-гуманитарной мысли со вступительными статьями, в том числе: *М. Фуко. Слова и вещи; Ж. Деррида. О грамматологии; Ж. Лапласи и Ж.-Б. Понталис. Словарь по психоанализу (два издания), П. Серю. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе 1920 – 1930-е гг.; Л. Шерток, Р. де Соссюр. Рождение психоаналитика: от Месмера до Фрейда и др.*

Приглашенный профессор в университетах Париж-7, Париж-3, Париж-10, Париж-8, Безансона, Орлеана, Нанси, Страсбурга, Лозанны (Швейцария), Оттавы (Канада).

Участник международных экспертных комиссий по созданию во Франции Сети Домов наук о человеке (Reseau MSH); по оценке деятельности Фонда «Дом наук о человеке» в Париже (FMSH); по организации во Франции системы институтов продвинутого образования (RFIEA), университетской Библиотеки языков и цивилизаций (BULAC).

Н.С. Автономова – Кавалер французского национального ордена «За заслуги».

См. стр. 139

Подписные индексы в Объединенном каталоге «Пресса России»:

- журнала «Философские науки» – 45490
- приложения «Библиотечка молодого ученого» – 36960

Подписка в редакции – по электронному адресу: academyRH@list.ru

ФН

- ◆ ТРАНСЛЯЦИЯ ПАМЯТИ
- ◆ ТАЙНОБЫТИЙСТВОВАНИЕ
- ◆ ДУХ-ЭСПРИ
- ◆ ХАРИТЫ АФРОДИТЫ
- ◆ КЛАССОВАЯ ДЕЭРОТИЗАЦИЯ
- ◆ РЕКРЕАЦИЯ VS ПРОКРЕАЦИЯ
- ◆ ЭПИСТЕМОФИЛИЧЕСКОЕ ВЛЕЧЕНИЕ

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

4/2010

Москва
Гуманитарий

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Редакционный совет журнала “Философские науки”

Алексеев П.В., Апресян Р.Г., Губин В.Д., Гусейнов А.А.,
Доброхотов А.Л., Журавлев А.Л., Кристиан Д., Кузнецова Т.Ф.,
архимандрит Макарий, Мариносян Х.Э. (председатель),
Миронов В.В., Павлов А.Т., Пивоваров Ю.С., Розин В.М.,
Рыбаков Р.Б., Рябов В.В., Солонин Ю.Н., Степанянц М.Т.,
Степин В.С., Толстых В.И., Турбовской Я.С., Фельдштейн Д.И.

Редакция журнала:

Аршинов В.И., Водолазов Г.Г., Пантин В.И., Порус В.Н.,
Розин В.М., Северикова Н.М., Сиземская И.Н.,
Тульчинский Г.Л., Шевченко В.Н.

Научный редактор Комиссарова Л.Б.

Ответственный секретарь Пружинина А.А.

Верстка: Русак И.Ф.

Шеф-редактор: Мариносян Х.Э.

<http://www.academyRH.info>

E-mail: academyRH@list.ru

Журнал включен в «Реферативный журнал»
и в базы данных ВИНТИ РАН.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся
изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.
Изд. лиц. ИД № 03821 от 25.01.2001 г.

Подписано в печать 20.04.2010 г. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП

«Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

© Философские науки, 2010

© Академия гуманитарных исследований, 2010

© Издательский дом «Гуманитарий», 2010

ISSN 0235-1188

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Зарубежная философия. ■

Современный взгляд

Три силуэта в свете двойной звезды – жизни и культуры

- В.П. ВИЗГИН* Жизнь как философская идея:
Дильтей – Ницше – Бергсон.
К постановке проблемы 5

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ

Психоанализ: ■

анатомия творчества

- Н.С. АВТОНОМОВА* Словарь по психоанализу.
Концептуальные языки
и проблема перевода 16
- В.В. СТАРОВОЙТОВ* Психоанализ
и художественное творчество 35

Из истории психоанализа: ■

неизвестное прошлое

- А.А. ПРУЖИНИНА* Арон Залкинд. Манифест
сексуальной революции 43
- С.Н. КОРСАКОВ* Новые факты
о А.Б. Залкинде 51
- А.Б. Залкинд: Автобиография;
Личный листок;
Характеристика* 56
- Ю.С. ПЕТРОСЯН
(Тверь)* «Маленький человек»
без футляра (*Графологический
портрет*) 63

Феномен сексуального ■

- ОТ РЕДАКЦИИ* Сексология: наука ли? 74
- Е.А. КАЩЕНКО* Сексуальная культура 76
- Л.М. ШЕГЛОВ
(Санкт-Петербург)* Эрос в зеркале культуры 84
- С.Т. АГАРКОВ* Эволюционная теория
и нарциссизм 94

Гендерный подход ■

- М.А. ПРОНИН* Женская сексуальность:
философско-
антропологический очерк 99
- О.Н. ПАВЛОВА* Кризис женской
идентичности 111

Философское измерение ■

- В.А. СУЛИМОВ
(Сыктывкар)* Самообоснование
в интеллектуальном
пространстве современности 119

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Педагогический поиск ■

<i>А.О. КАРПОВ</i>	Современное образование и знание	126
--------------------	----------------------------------	-----

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

<i>Н.С. АВТОНОМОВА</i>	Речь на вручении премии Андрея Белого	139
------------------------	---------------------------------------	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзоры, объявления, сообщения ■

<i>Н.Д. ШМЕЛЕВА</i>	Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала	143
---------------------	---	-----

Памятные даты ■

К 135-летию со дня рождения И.Д. Ермакова	152
К 120-летию со дня рождения В.Ф. Шмидт	

Издательский проект ■

Архив профессора И.Д. Ермакова	154
--------------------------------	-----

Memoria ■

Анатолий Соломонович Кармин	157
-----------------------------	-----

■ Наши авторы	159
---------------	-----

■ Contents	160
------------	-----

От редакции

Редакция принимает для рассмотрения только материалы, отправленные по электронной почте с обязательным указанием Ф.И.О. автора, места работы, ученой степени и звания, домашнего адреса, телефона и e-mail. Объем принимаемых материалов – до 40 тыс. знаков с пробелами вместе с аннотациями и ключевыми словами на русском и английском языках.

В тексте должна обозначаться лишь надстрочная сплошная нумерация ссылок, в соответствии с которой в конце текста должна приводиться цитируемая литература, оформленная в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.

Авторы материалов несут ответственность за точность приведенных цитат, достоверность данных и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут быть сокращены и отредактированы, разумеется, без искажения идей автора и с условием сохранения его основных мыслей.

Позиция редакции и автора не всегда совпадают.

ПАНОРАМА МИРОВОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИЗарубежная философия.
Современный взгляд

*Три силуэта в свете двойной звезды – жизни и культуры**

ЖИЗНЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ИДЕЯ:
ДИЛЬТЕЙ – НИЦШЕ – БЕРГСОН*
К постановке проблемы

В.П. ВИЗГИН

Увы, чего не мог постигнуть ты душой
Не объяснить винтом и рычагами!

Гете

Мы интуитивно чувствуем, что жизнь и культура как предельные, самые важные ценности, должны быть непременно соединены: жизнь должна быть культурной, а культура – жизненной, т.е. живой творческой силой современного человека. Но наши эмпирические констатации, как правило, говорят совершенно об ином. Ведь почти всегда духовно чуткие люди отмечали, напротив, их резкое расхождение: жизнь открывалась им в ее дикости, варварстве, безумии и абсурде, одним словом, в своей антикультурности, а в культуре они подмечали немощь, отвлеченность, манерность, самопогруженность и стерильность для нужд восходящей, ищущей своего преобразования жизни. Кажется, что в жизнь проникающими флюидами входила скорее не культура, а цивилизация, хотя у последней тоже не простые отношения с жизнью, но все же не столь, можно сказать, антагонистические. Редкие же моменты гармонии жизни и культуры – пусть относительной и неполной – предстают новым поколениям как вершины и того и другого одновременно и нераздельно. Подобные звездные часы человечества связываются у нас с такими немногочисленными именами, как Гомер, Пушкин, Гете...

Но после романтиков в немецкой культуре наступает какой-то особенно кричащий разрыв жизни и культуры, если, конечно,

*Вниманию читателей предлагается серия из четырех статей. В настоящем номере публикуется постановочная статья. Статьи о Дильтее, Ницше, Бергсоне см. в последующих номерах журнала.

культуру и жизнь мерить мерками эпохи Гете, а не логарифмической линейкой утилитаризма и позитивизма середины XIX века. Наука и техника в это время шагнули далеко вперед, а вот про культуру этого сказать никак нельзя, особенно, если иметь в виду эпоху политико-милитаристского триумфа Германии после ее победы во франко-прусской войне. Именно в этот период на арену своей творческой деятельности и выходит один из наших главных героев, Фридрих Ницше.

Как же кратчайшим образом можно пояснить, что такое жизнь в луче философского вопрошания о ней? Жизнь — подвижное единство многообразия, устремленное к трансцендентной по отношению к нему цели. Это — самое предварительное определение жизни. К нему можно, конечно, кое-что добавить, скажем, присутствие в ней невыразимой тайны, наличие спонтанно возникающей упорядоченности, приводящей к возникновению у нас чувства прекрасного и т.д. Правда, здесь нас ждут осложнения: ведь в жизни мы обязательно обнаружим и ужасное, трагическое, страшное... Но всегда мы найдем в ней подвижное единство многообразного, способное к метаморфозе, и связанную с ней устремленность к запредельной цели, что может, однако, и не сознаваться.

Присутствие в жизни невыразимой тайны, лучше сказать, *тайнобытийствование* жизни как ее подлинная сущность было особенно ярко выражено немецкими романтиками. Одна из повестей Людвига Тика носит характерное название «Жизнь льется через край». Но мощь творческой избыточности жизни находит свое выражение не только в поэзии, но и в философии. Философское постижение жизни как неукротимого в своей силе творческого потока нисхождения Единого и возвратного восхождения к нему в развернутой форме, пожалуй, впервые встречается у неоплатоника Плотина. Можно сказать, что философскую идею жизни мы обнаруживаем именно у него. Вот как формулирует генезис этой идеи Пьер Адо, с которым в данном случае мы вполне согласны: «По-видимому, в первый раз в истории мысли идея интеллектуального созерцания, способного уловить динамическую непрерывность потока жизни, текущего от первоисточка вещей до самых нижних пределов универсума, появляется вместе с Плотинем, и затем подхватывается немецким романтизмом и Бергсоном»¹.

Каким образом *сверхчувственная природа*, спрашивает Плотин, *присуща всей чувственно данной вселенной?* И отвечает: «Она присуща ей как *единая нераздельная жизнь*; ведь в живом существе жизнь простирается не до известных только границ, за которыми ее уже нет, но находится в нем везде. А кто захотел бы спросить,

как же она может находиться везде, тот должен вспомнить, что сила жизни не есть какая-либо определенная и ограниченная величина, но, напротив, она такова, что как бы далеко ни простиралось в мысленном анализе ее деление, она всегда сохраняет характер бесконечности. Кроме того, она не содержит в себе никакого вещества, а это значит, что она не может быть, подобно массе, раздроблена на части и путем постепенного деления приведена к ничто. И если вы поняли и можете представить себе эту *бесконечную и вечную жизнь, эту природу неустанную, неистощимую и настолько полную, что она, кипит жизнью, переливается через край*, то, куда бы вы ни направили свой взор, на чем бы ни сосредоточили свое внимание, разве вы можете сказать, что ее нет там или здесь... Кому удастся погрузиться своей мыслью во всеобъемлющее сущее и очутиться в его лоне, тот пусть не ищет ничего больше сверх этого»².

Эта динамическая самопереполняемость, не знающая ни конца, ни края, получившая, начиная с Плотина, философское имя жизни, может быть также названа и *духом*. Остановимся на двух моментах. Первый момент: жизнь льется через край, спускаясь вниз, и пределов этому спуску нет. Жизнь еще не оглянулась на Единое как Предел и поэтому поистине не знает ни конца, ни края, будучи безоглядной и неудержимой. И в этом проявляется скорее ее материальность, чем духовная природа. Духовное начало по-настоящему обнаруживается в жизни лишь тогда, когда она в точке поворота, через оглядку на Единое *преображается* и вместо безмерности неудержимой стихии обретает меру и внутреннюю границу. «Но с того момента, — говорит Адо, — как она увидела Единое, она является уже ограниченной». Можно сказать, что эта точка поворота есть точка превращения жизненного хаоса в космос, в жизнь как космос, или прекрасный порядок.

Второй момент: жизнь, оглянувшись на Единое-Предел, вбирает в себя абсолютную меру — меру абсолютном. Оглядка и поворот ведет к эпистрофическому³ движению к истоку, что на языке христианской культуры будет означать возвращение в Отчий Дом. Именно этот поворот, возврат к истокам пережили многие из немецких романтиков, вернувшись в католическую Церковь. «Как-то раз, — пишет в своих черновиках Ницше, — старые романтики, бог весть зачем, пали ниц перед крестом да так и остались лежать: эту картину застал еще Вагнер. Зрелище *вырождения* подобных людей — одно из самых мучительных моих переживаний: и то, что в Германии это не ощущалось как мучение, стало для меня веским поводом еще больше не доверять тому духу, что ныне царит в Германии»⁴. Ницше верен своей установке снижать духовные смыслы, выдвигая на первый план в качестве объясняющего сред-

ства физиологической словарь в духе позитивизма и материализма XIX века. Поэтому и его идея жизни получает, соответственно, сниженное, отсылающее, пусть в какой-то мере, к биологическому уровню значение.

В личности Ницше практическая устремленность радикального реформатора доминирует над созерцателем. Совсем другой тип личности философа жизни мы находим у Бергсона. У него, напротив, созерцательный дух преобладает над морально-профетическим, теоретик — над учительствующим преобразователем. Да, и Ницше знает героику познания, считая себя запретным познавателем жизни, находящим самые потаенные, вытесненные и запрещенные для продумывания мысли, в которых, как он считает, раскрывается глубокая правда о ней и о культуре. Но в Ницше помимо этого пафоса запретными путями идущего первооткрывателя присутствует и типично гуманистическо-германская тема воспитания, образования, формирования, идущая от эпохи Гете. Греки как школа будущего — такими словами можно передать то кредо Ницше, ту его установку, которую он наследует от немецкой культуры той великой эпохи. У Бергсона же этот дух отсутствует. Корни его мысли и стиля лежат совсем в других культурных и философских традициях. В его случае велико влияние англо-саксонского эмпиризма, выразившееся у него в пафосе *опытного* характера метафизики. А Дильтей? Он сочетает романтическое начало и универсалистский пафос немецкого классического идеализма с научным позитивизмом своего века.

Творчески бурлящая жизнь, кипение незримого созидания, приходящего к самосознанию — все это по-немецки называется Geist, т.е. духом. У французов же мы находим другие оттенки или тональности в том, что они называют esprit. Дух-эспри — начало жизненной активности, нечто незримое, но самодеятельностное, то, что одушевляет и воодушевляет людей и пронизывает весь мир. Например, Декарт говорил о les esprits animaux, т.е. о животных духах, животворящих духах, которых в его эпоху представляли как активных деятелей, наделенных очень тонкой материей. Все это мы найдем и в немецком духе-гайсте. Как и у немцев гномы, тролли, эльфы и прочие незримые существа мифов называются духами (Geister), так и у французов это — эспри (esprits). Какая же здесь разница? А разница есть и она существенна. У немцев дух не становится так радикально в оппозицию *чувству* (Gefühl). Для этого у них есть Verstand (рассудок) и в меньшей степени Vernunft (разум). А вот французское понимание духа более интеллектуалистично и рационалистично, обнаруживая более явную связь с умом-интеллектом. Поэтому, если одним словом выразить это различие, то французский дух-эспри — это дух классический, или

дух классики, т.е. дух ясности, отчетливости, дух конечной и эстетически прекрасной размеренной формы. У немцев же, напротив, дух-гайст весь в громокипящем бурлении творения, созидания. В нем мощно звучит мотив хаотического кипения первоуданных сил. А у французов в их «эспри» мы, напротив, находим способность к быстрому оформлению хаотического состояния, остроту ума, проявляющуюся прежде всего в остроумии, сноровку в действии и уравновешенность, трезвость вкуса, умеренность и проницательность.

Итак, если Ницше персонифицирует в европейской философии жизни немецкий романтизм, то Бергсон, соответственно, — французский классицизм (в той мере, в какой последний вообще соединим с такой философией, как философия жизни).

Подведем итоги нашему краткому очерку философской идеи жизни: жизнь заряжена мощным тонусом, выразительна и устремлена за свои наличные в данное время пределы. Это означает, что она *экзистенциальна* по природе своей. Ее можно определить как способ бытия всеединого, как взаимопроникновение того, что на поверхности только разнородно, распадается на части внеположные друг к другу. Это означает, что в понятии жизни тематизируется прежде всего динамическое и целевое *всеединство*. Экзистенциальность⁵ и всеединство — два полярно противоположных фокуса мысли как таковой. И жизнь их объединяет в себе. На мой взгляд, это залог того, что жизнь еще встанет в центр философской мысли, что философия *будущего* или, точнее, философия в будущем будет *новой* философией жизни.

Жизнь, если посмотреть на нее глазами аксиологически значимой геометрической метафоры, имеет и горизонталь и вертикаль, ибо она всегда — открытый *объем* сущего. Жизнь наделена степенями своей высоты, своего качества, о котором много говорит пресса, правда, снижая и концепт качества и идею жизни. Подъем философии жизни в истории мысли связан с изживанием культа отвлеченного, устремленного ко все более «чистым» абстракциям интеллекта, с попыткой преодоления единовластия в философской культуре интеллектуализма, традиции которого очень сильны в новой европейской философии, особенно начиная с Декарта. Но интеллектуализм может преодолеваться сверху, в опыте живого познания высшей жизни как жизни духа, как божественной жизни, и он же может преодолеваться снизу, когда ему противопоставляется грубая биологическая витальность инстинкта и материальной потребности. Итак, рассудок, или интеллект, имеет свои пределы как в трансрациональном (ему отвечает ценностно самое высокое значение многозначного слова «жизнь»), так и в иррациональном измерении (это невысокий

смысл того же слова). И Бергсон периода «Творческой эволюции» с его погружением в универсализируемые им биологические сюжеты, как замечает С.Л. Франк, склоняется «к сближению живой интуиции скорее с инстинктом, с энтелехией биологического созидания»⁶. Но в поздний период своего творчества французский мыслитель подчеркивает динамические мистические и религиозные глубины и *высоты* жизни, которые в своем творческом прорыве ориентируют движение мировой жизни. Биологизм же у Ницше звучит в более грубой, более приземленной тональности, чем у Бергсона.

Жизнь менее всего похожа на мертвую материю, доступную неизменным схемам и окостеневшему словарю. Поэтому такие дихотомии и оппозиции, как, например, высокое и низкое, в свете жизни надо понимать с поправкой на возможность их парадоксального сближения. В жизни далекое легко становится близким, а «низкое» может показать свою высоту. И эта внутренняя подвижность жизни связана с тем, что в ее состав входит не просто объективность вещного и вещественного, но и духовно значимое настроение, оценка и толкование явлений и событий. Иными словами, жизнь — не столько объект, сколько субъект.

Философия жизни как тенденция в истории культуры подразумевает следующий фундаментальный проект: наполнив текущую жизнь философией, сблизить тем самым философские поиски с повседневной жизнью людей для того, чтобы улучшить, углубить, усовершенствовать и ее, и саму культуру, являющуюся выражением жизни и средством ее развития. Таким образом, в данном проекте нерасторжимо соединяются *жизнь, философия и культура*. Конечно, к этому базовому треугольнику подтягивается все то, с чем связаны эти слова и стоящие за ними реалии. Как подобный проект философия жизни складывается вместе с кризисом идеализма, прежде всего классического немецкого идеализма. И в рамки такого проекта мы можем включить все постидеалистические философии, пытающиеся радикально преодолеть идеализм и интеллектуализм с их безальтернативной фокусировкой мысли на познавательной проблеме как таковой и рассматривать их как философии жизни в *широком* смысле слова.

Классификационные рубрики школьной истории философии помимо учебных целей нужны лишь библиотекарям и составителям каталогов — и не более того. Приведу один пример. В традиционной истории философии Кьеркегора зачисляются в основоположники экзистенциальной мысли. Но на самом деле в не меньшей мере он должен быть признан и философом жизни, ибо главное для него *не знание* о том, что такое истина, что такое христианство, а реальное становление христианином, нацеленное на

то, чтобы *жить* по истине и в истине. Точно так же и Маркс — не только теоретик исторического материализма, но и представитель философии жизни в указанном широком смысле слова. Ведь его цель — *изменение самой жизни* в свете знания законов общественного развития. Поэтому свою теорию он понимает как средство практического преобразования жизни, не довольствуясь ею как чисто теоретическим знанием. Подобная же интенция на преобразование самой жизни, причем еще радикальнее выраженная, была у такого мыслителя, всеми признанного за философа жизни, как Ницше. Эта тенденция присутствовала и у Бергсона и, быть может, в меньшей степени у Дильтея. Но и он представлял свою задачу обретения надежных основ для наук о духе как задачу нормализации всей культурной *жизни*.

Философия жизни — устоявшаяся классификационная ниша академической истории философии. Постараемся обойти свойственную ей столь же устоявшуюся и столь же стандартно академическую манеру рассказа о ней как малопродуктивную в силу ее *безжизненности*, в данном случае особенно кричащую.

Двойная звезда в астрономии характеризуется трансцендентным по отношению к образующим ее объектам центром своего единства. Подобно астрономической двойной звезде сочетание жизни и культуры имеет свой центр, являющийся источником и жизни и культуры. Дильтей к этому центру шел по романтическому следу, оставленному прежде всего Шлейермахером с его пие-тистской религиозностью, культивировавшей тонкость и возвышенность чувств и переживаний. Ницше же со своим характерным неверием пасторского сына мучился и страдал от сделанного им атеистического выбора, стремясь обрести достойную замену утраченного им подобного центра, объединяющего жизнь и культуру. Он хотел вернуть жизнь культуре, но жизнь он истолковывал по радикально языческим канонам самоцельной силы и земного эстетически толкуемого величия. Бергсон же, питаясь витоцентристской спиритуалистической струей, идущей от Плотина, постепенно шел к признанию трансцендентного центра связи жизни и культуры, обретая, в конце концов, его прообраз в христианском мистицизме. Но прежде чем говорить о наших героях, попробуем продумать сначала, как же может пониматься такое словосочетание, как *философия жизни*.

«Спорт — это не мода! Спорт — новая философия жизни!» Это — реклама с наших сегодняшних улиц, установленная у спорткомплекса. Если спорт действительно — новая философия жизни, то какова же старая философия жизни? Если бы в былые года так увлекались рекламой, как сейчас, то, быть может, мы могли бы встретить на улице такую: «Культура — это не мода! Культура —

вечная философия жизни!» Такой рекламы я лично никогда и нигде не видел, но не в ней ли выражена упомянутая нами «старая» философия жизни? Спорт — это физическая культура, а просто «культура» означает культуру в широком смысле слова с духовной культурой в качестве ее центра, в зоне притяжения которого физическая культура — только один из ее моментов. «Физическое» и «духовное» — абстракции, отсылающие в данном случае к чему-то единому. Только это единое и *есть по-настоящему* культура и по-настоящему человеческая жизнь. Только оно реально в полной мере.

Вот с этого и следует начать разговор о философии жизни в ее проявлении в трех названных фигурах. На рекламном щите «философия» означает значимое постижение жизни, которое в данном случае видится локализуемым в спортивном образе жизни. Слово «философия» здесь исполняет скорее вспомогательные и несобственные функции при главном слове — «спорт», чем раскрывается в своей собственной роли. Но когда мы говорим, что Дильтей, Ницше, Бергсон — представители и даже основоположники философии жизни, то здесь у нас подразумевается, напротив, что жизнь не разгадана в своей тайне (как она якобы разгадана в претенциозном рекламном утверждении, будучи беспроблемно сведена к спорту), а, напротив, загадана как непостижимая тайна, самая близкая к человеку и, быть может, самая далекая от него именно в силу этой *невероятной* близости. Ведь мы легче знакомимся с тем, что отстранено, что дистанцировано, что абстрагировано от нас самих — число, минерал, звезда и т.п. Поэтому расхожую формулу истории философии (философия жизни) надо понимать так: с определенного времени некоторые философы решили поставить в центр философии, в фокус своего продумывания мира *жизнь*, феномен жизни как таковой. Упомянутое рекламное выражение призывает наполнять философией в ее значении спорта жизнь. А в принятом историей философии выражении, напротив, речь идет о том, чтобы саму философию наполнить жизнью как ее предметом и целью. Что это значит? Почему философия пришла к такому требованию? И как это возможно? Что это может дать для самой жизни, для культуры и, в частности, для самой философии? Вот об этом и пойдет у нас речь.

Скажем сначала, почему возникло такое требование к философии — наполнить ее жизнью, положить жизнь в ее основание. Вспомним, что родоначальником всей новой европейской философии явился Рене Декарт, давший для нее до сих пор активно действующее направление мысли, задавший некий ее эталон, с которым невозможно не считаться. Но каков же этот эталон? Это — жесткий, последовательный рационализм и механицизм, кладу-

щий рычаги, винты и т.п. в основание понимания человека и природы. Это — раз. И, во-вторых, это обоснование достоверного в мышлении через субъективное, правда, не просто эмпирически-индивидуальное субъективное, а через *трансцендентальное* субъективное, через «я мыслю» (*cogito*), составляющее нерв и душу, если так можно сказать, этого трансцендентального субъективизма. Ясное и отчетливое (*claire et distincte*) самосознание мыслящего положено в качестве критерия достоверности (а значит, и реальности) таким образом помысленного.

В природе действие провоцирует противодействие. Но так же обстоит дело и в сфере духа, в мире мысли. В науке механицизм стал давать трещины примерно с середины XIX века. Но как долго он еще существовал в ней! И продолжает, кстати, существовать и по сей день. Дело в том, что Декарт указал на по сути дела инвариантные или почти инвариантные условия мыслимости, рациональной постижимости вещей как таковых. Ведь математика, на основе которой он хотел воздвигнуть целостное здание наук, — это, можно сказать, воплощенный разум, ум в его постигающей вещи способности в ее самом чистом виде. Математически-систематический дедуктивный масштаб мысли задал стиль всей новоевропейской философии (*main stream*, как сейчас говорят). И Кант, продолживший линию Декарта, здесь достаточно близок к нему. Это — один стиль мысли, один тип философского мировоззрения. А вот уже Фихте, Шеллинг, Гегель — несмотря на существенные различия между ними — это уже другой стиль, хотя еще и в общих рамках классического немецкого идеализма. Что же вклинилось в декартово наследие, в картезианскую традицию? Вклинилась *жизнь*... У Фихте это обнаруживается в его апофеозе *воли*, что еще ярче проявится у Шопенгауэра, учителя Ницше. У Шеллинга — в его сближении философии не с математикой, а с искусством и религией, позволившем ему создать подчеркнута антимеханистическую, динамическую философию. Гегель сам в молодые годы испытал сильное влияние романтиков, которые и были основным культурным кругом, оппонирующим картезианскому механицизму. Это в их творческом общении философское измерение культуры стало подпитываться антимеханическими флюидами, которые источала сама жизнь. Книга позднего Фридриха Шлегеля, одного из вождей немецкого романтизма, так и называлась «Философия жизни» (1827).

Что же главное в отношении романтиков к жизни? То, что для них жизнь есть *стихия бесконечности*, а значит, она *льется через край*. Жизнь избыточна, наделена бесконечной творческой потенцицией. Пенясь в неукротимости своего напора, она перетекает за свои собственные пределы, являя собой сам творящий дух в его

энергии созидания и метаморфозы. Кипение, кипение, кипение ради самосохранения рода, но и стремление за свои наличные пределы и ввысь — оба эти момента нельзя отделить от жизни. Жизнь в силу подобного своего богатства поэтому неуловима для рассудка, по отношению к которому она выступает прежде всего как *чувство*. Если познающий ум все опосредует, сводит одно к другому, находит для явления сущностную причину и удостоверяется в ней с помощью целой технологии специальных средств, то жизнь живет *непосредственно* и творит как бы в полусне или даже бессознательно. Своим спекулятивным гением Гегель сумел синтезировать идею бесконечной творческой жизни с идеей логически абсолютно ясного для себя духа. Мистическое, что было в жизни в ее романтическом восприятии, у него поглотилось спекулятивным логически себя выражающим духом. Сила Гегеля в том, что он в значительной степени преодолел Декарта, шагнув от трансцендентального субъективизма и механицизма к постижению разумности изменчивого исторического мира, в котором субъективное и индивидуальное подчинено объективному духу, его целостностям, его диалектике. Гегель при этом считал свою логическую науку универсальным наукоучением, действительным даже для математического и эмпирически ориентированного естествознания. Но здесь его ждала столь значимая для судеб европейской философии и культуры неудача — его вывод о бесплодности предположения о возможности новых планетных тел между Марсом и Юпитером в представленной им в 1801 г. диссертации «*De orbitis planetarum*» был в том же году опровергнут настоящей, т.е. *не-философской* (не спекулятивной, не-натурфилософской) наукой. Европейской культуре не оставалось другого выбора, как броситься в объятия позитивизма. Однако наследие Гегеля в целом оказалось крайне важным достижением мысли в мире познания человека как исторического существа, которое с небывалым ускорением и разносторонне стало развиваться именно к середине XIX в., в послегегелевской философской атмосфере. Это время становления целого ряда гуманитарных научных дисциплин, найти единое обоснование которым своей жизненной задачей сделал Вильгельм Дильтей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Nadot P.* Études de philosophie ancienne. — Paris, 1998. — P. 66.

² *Плотин.* Эннеады. VI 5, 12 / Пер. Г.В. Малеванского. — Киев, 1995 (Курсив мой. — В. В.). Перевод незначительно отредактирован мной.

³ От *ἐπιστροφή*, обозначающего такое изменение направления движения, которое ведет к истокам движущегося, к возврату его к самой его

глубочайшей сути (см.: *Шичалин Ю.* Ἐπιστροφή, или Феномен возвращения в первой европейской культуре. — М., 1994. — С. 97.

⁴ *Ницше Ф.* Полное собр. соч. Т. 12. — М., 2005. — С. 50. Курсив мой — В. В.

⁵ Экзистенциальность как термин и слово производно от *экзистенции*. Слово это означает не просто «существование». Этимологически экзистенция (буквально «экс-систенция») значит «вы-ставление», даже «ис-ступление» и «стояние вовне», т.е. выход за свои пределы, самотрансцендирование. Семантически это слово родственно слову «экстаз» (см., например: *Михайлов А.В.* Вместо введения // *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет. — М., 1993. — С. XX).

⁶ *Frank S.* L'intuition fondamentale de Bergson // *Bergson H.* Essais et témoignages recueillis par A. Beguin et Thevenaz. — Neuchatel, 1943. — P. 193.

Аннотация

Статья представляет собой вступление к трем философским портретам (Дильтей, Ницше, Бергсон). Автор изображает трех философов как фигуры, ключевые в аспекте пересечения философских понятий жизни и культуры, что составляет центр анализа автора. Рассматривается философское понятие жизни и его краткая история.

Ключевые слова:

Жизнь, культура, философия жизни, немецкий романтизм, Единое, духовное начало, Дильтей, Ницше, Бергсон.

Summary

The article is introduction for three philosophical portraits (Dilthey, Nietzsche, Bergson). The intersection of the idea of life and that of culture is a centre of author's analysis. From this point of view the key figures are Dilthey, Nietzsche and Bergson. The philosophical idea of life and its short history is considered.

Keywords:

Life, culture, philosophy of life, German Romanticism, the One, Spirit, Dilthey, Nietzsche, Bergson.

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ

Психоанализ: анатомия творчества

СЛОВАРЬ ПО ПСИХОАНАЛИЗУ. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА*

Н.С. АВТОНОМОВА

Непосредственным поводом для размышлений на эту тему стала для меня работа над новым изданием Словаря по психоанализу, созданного французскими психоаналитиками Жаном Лапланшем и Жаном-Бертраном Понталисом¹. Этот знаменитый Словарь выдержал во Франции 18 стереотипных переизданий и был переведен на многие языки, причем в XXI веке круг переводов продолжает интенсивно расширяться. Когда в начале 1990-х годов я взялась за перевод Словаря, российский читатель страдал от нехватки информации, от скудости психоаналитической литературы. Нынешнее издание выходит в свет в иную эпоху: психоанализ в России динамично развивается, выходит много переводов, и читатель страдает не от нехватки, но скорее от хаотического изобилия жаргонов и диалектов и соответственно – от непонимания, от неспособности опознать за этим разнообразием общность исходных понятий.

С самого начала 1990-х годов, в период работы над первым изданием Словаря, передо мною возникали многочисленные терминологические проблемы: ранние русские переводы Фрейда не были систематическими, в советское время всякая работа в психоанализе надолго прервалась, а потому теперь переводчикам требовались повышенное внимание и требовательность к себе – к тому, чтобы не упустить смысловые переключки, сохранить понятийные гнезда, сложившиеся вокруг одного корня, а подчас решиться на изобретение новых терминов. Сейчас, в этом новом издании Словаря мне пришлось заново проанализировать сделанные ранее концептуальные выборы, подтвердить или, иногда, изменить ранее предложенные русские эквиваленты (все случаи замен рассматриваются в послесловии к Словарю²). Я уверена, что в наши дни актуальность Сло-

варя только возросла – даже в сравнении с первым русским изданием 1996 года. У нынешнего издания Словаря более широкий круг читателей: людей, интересующийся психоанализом, сейчас в России гораздо больше, чем пятнадцать лет назад, и к тому же это – читатель более образованный, способный воспринять не только элементарные терминологические соотнесения, но и те концептуальные сложности, которые связаны с разными переводами психоаналитической литературы. Вместе с тем – и в этом важном обстоятельстве нужно дать себе отчет – российский психоанализ объективно оказывается в наши дни впереди планеты всей – в смысле динамики терминологической ситуации и объективной заинтересованности в том, чтобы разобраться в пересечениях терминологии различных европейских языков психоанализа, которые предстают перед нами в переводах на русский язык. И этот интерес богат новыми смысловыми возможностями, которые могут быть использованы, а могут остаться невостребованными, выбор – за читателем.

Словарь Лапланша и Понталиса – это классический словарь фрейдовской терминологии и ее ближайших ответвлений; в его основе лежат франко-германские концептуальные соотношения. Вместе с тем Словарь характеризуется установкой на многоязычие: в нем приводятся концептуальные эквиваленты психоаналитических понятий на семи языках: немецком, английском, французском, итальянском, испанском, португальском, а теперь и на русском. Сам акцент на классическом учении Фрейда, вкупе с широкой языковой панорамой терминологических языков психоанализа обеспечивают удивительную жизнеспособность Словаря на фоне целого ряда других ценных источников. С течением времени Словарь не устаревает: чем больше нового появляется в психоанализе, тем сильнее ощущается потребность в соотнесении этих новшеств с фундаментом, с истоками. Хотя, конечно, в Словаре есть и моменты, явно нуждающиеся в модернизации: это относится, прежде всего, к библиографии, которая составлялась еще до того, как начало выходить Полное собрание сочинений Фрейда на французском языке, и потому в ней используются ссылки на более ранние издания. Ряд эквивалентов на французском и других европейских языках тоже претерпевают некоторые изменения; хочется надеяться, что будущие французские издания смогут отследить эти процессы, а будущие русские переиздания – в полной мере учесть их.

Постановка проблемы

Итак, в центре внимания здесь сочлененность, артикуляция между концептуальными языками психоанализа и переводом (как процессом и как совокупностью результатов, воплощенных в совокупностях терминов психоанализа на русском языке). Концептуальный

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 08-06-00215-а

язык — это язык понятий, концептов, та часть общенационального языка, которая представляет собой ансамбль профессиональной лексики в широком смысле слова. Вместе с тем концептуальный язык психоанализа — это не все слова, употребляемые в психоанализе, но ядро взаимосвязанных концептов, используемых в психоаналитической теории и практике. При этом концептуальный язык психоанализа, уже в оригинале, неоднороден: в нем существуют более и менее специализированные слои и уровни. Концептуальные языки психоанализа — это те открытые понятийные системы, которые сложились в рамках определенных национальных традиций освоения и развития психоанализа (английский, французский, испанский и др.). Впрочем, и внутри тех или иных национальных психоаналитических языков существуют особые «наречия» или подсистемы, обслуживающие различные подходы и способы их концептуальной организации. Эти отдельные психоаналитические дискурсы по-разному организуют основной психоаналитический язык, акцентируют в нем те или иные ресурсы, вводят новые понятия и пр.

Между существованием и развитием концептуальных языков и переводом, его приемами и его ресурсами, существует как логическая, так и хронологическая связь. Взяв за основу сравнительно небольшой временной отрезок — постсоветский период — мы видим, что после открытия дверей в западный мир создание русского концептуального языка, связанное с освоением концептуальной лексики современной западной мысли в процессе перевода, стало одной из главных задач русской культуры. Для русского психоанализа границей между «до» и «после», между периодом замалчивания психоанализа и периодом его переоткрытия, стал 1989 год, когда публично отмечалось 50-летие со дня смерти Фрейда и вышли в свет некоторые из его фундаментальных работ. Психоанализ был одной из тех областей культуры и познания, которые наиболее сильно пострадали в период отчуждения между советским и западным миром. Рано и ярко начав еще в конце XIX — начале XX века, он был вытеснен за пределы общественного и профессионального внимания на весь советский период и потому вопрос о (пере)сотворении русского (русскоязычного) Фрейда встал на повестку дня с особенной остротой. При этом «царский путь» развития и обогащения концептуального языка — это именно перевод. Под переводом Фрейд во многих случаях подразумевал процессы, происходящие в человеческой психике при переходе с одного уровня на другой (например, с уровня бессознательных процессов на уровень вторичных процессов, в известной мере, осознанных) или же процессы расшифровки ребусных иероглифических записей сновидений, переноса их в язык словесного линейного пересказа. Но в данном случае речь у нас пойдет не о таком, метафорическом переводе, но

прежде всего о переводе в собственном смысле слова — о переводе с языка на язык, из одной психоаналитической культуры в другую, с одного психоаналитического дискурса на другой.

Итак, присмотримся к этому процессу заново. Термин «концептуальный язык» в указанном выше смысле я некогда ввела в докладе на XX Бостонском Всемирном философском конгрессе, провозгласив развитие и (пере)сотворение русского концептуального языка одной из важнейших задач современного культурного развития в России³. Буду счастлива узнать, что кто-то сделал это раньше; отмечу, что достаточно распространенный в наши дни термин «интеллектуальный язык» представляется мне менее удачным, потому что он, в отличие от термина «концептуальный язык», обозначает лишь общий тип языка, но не его элементы. В наши дни о необходимости развития русского литературного языка, возможности которого не совпадают с реализациями, нам неустанно и самоотверженно напоминает американский литературовед и культуролог М. Эпштейн. Фокус моего внимания — не русский литературный, но русский концептуальный язык; а предлагаемые мною средства берутся не из экспериментов по расширению лексического состава русского языка, но из культурных практик перевода, из реального столкновения с Другим. Перевод для меня это реальный, содержательный, необходимый культурный процесс, а не просто более или менее виртуозная техника словесных перевоплощений.

Концептуальный язык психоанализа исторически возник в немецком языковом субстрате, однако, как уже отмечалось, в рамках других языков и других культур в процессе перевода возникли свои психоаналитические языки. В настоящее время в России существуют и в пространстве психоаналитических дискуссий взаимодействуют переводы с немецкого, английского, французского, других концептуальных психоаналитических языков. Современной задачей психоаналитика, переводчика, эпистемолога является соотнесение разрозненных смыслов, потерявших свои связи с оригиналом, распутывание смысловых переплетений, связанных с неузнаванием понятий, выступающих в разных означающих оболочках, но возводимых — в принципе — к общему понятийному прообразу.

Перевод это не только техническая опора коммуникации. Это важнейшая культурная и познавательная операция, механизм трансляции культурной памяти. В целом практика переводов в культуре подчиняется некоторым закономерностям. Они явно прослеживаются в тех случаях, когда повышено значимые тексты культуры переводятся по несколько раз. Как правило, в первый раз они переводятся более вольно, с большим вниманием к читателю, который только начинает знакомиться с новым произведением, нежели к означающему слою языка оригинала. Позднее возникает

иное культурное устремление, при котором нас начинает больше интересоваться «сам Фрейд», его мысль, вербальные средства ее воплощения, а потому и возникает потребность в переводе, приближающем нас к означающей плоти и фактуре оригинала. Здесь я постараюсь показать тот понятийный и коммуникативный контекст, в котором формируется концептуальный язык российского психоанализа, его соотношения и переклички с другими концептуальными языками, пути выработки содержательной самостоятельности, немислимой без создания концептуального языка.

Что считать психоанализом?

Характеристика того, с чем мы имеем дело, должна, так или иначе, влиять на переводческий подход. Что такое психоанализ? Должны ли мы видеть в нем одну из медицинских профессий или скорее более мягкую форму социального вмешательства (иногда добавляют: герменевтического типа – на стыке филологии и мягких форм психологии)? Существует достаточно жесткий психиатрический язык с постановкой диагнозов, существуют и более гибкие формы обозначения недугов («истерические проявления»), не прибегающие к строгой классификации и диагностике. Определенная патология (страдание человека, душевные расстройства) по-разному описывается в разных языках. В психоанализе взгляд на эти душевные расстройства – динамический: речь идет о конфликте сил влечения с силами вытеснения и защиты, о чрезмерных энергетических нагрузках на тот или иной отдел психики или орган, о силах, которые нарушают равновесие между различными потоками психической энергии и мешают восстановлению нарушенного равновесия. Противодействие этим перегрузкам осуществляют защитные силы и механизмы *Я* и *Сверх-Я*. Психоанализ, который, с энергетической точки зрения, призван поддерживать или восстанавливать равновесие между различными силами, использует в качестве основного аналитического воздействия толкование поступков и речи пациента, его рассказ, так или иначе устремленный к осознанию, которое может быть достигнуто в результате перевода возбуждений и переживаний на словесный язык.

Как уже отмечалось, язык психоанализа не одномерный: в нем есть слои и уровни, по-разному организованные. Находясь на стыке различных областей, он не может совпадать ни с одним другим дисциплинарным языком. Спрашивается: кто же тогда способен отвечать за перевод психоаналитических терминов? Ответ на этот вопрос отчасти зависит от того, как видится место психоанализа в обществе, среди других дисциплин (гуманитарных и естественнонаучных), как определяются его отношения с медициной и психологией, с другими «эмансипационными» или герменевтическими

практиками. В глазах современного специалиста в области душевного здоровья некоторые психоаналитические классификации (например, типов истерии или невроза) выглядят странно: роды и виды, соподчинения терминов и понятий происходят в этих областях по-разному. А потому современным психологам или психиатрам приходится в определенных ситуациях переводить фрейдовский язык на свой собственный, соотносить его реалии со своими предметами изучения, так или иначе адаптировать классический язык психоанализа к своему языку. В целом это не значит, что классический фрейдизм – совершенно архаический язык, который нужно модернизировать любой ценой, хотя кое-что в нем действительно устарело: некоторые широко мыслящие психиатры скорее признают, что классический фрейдовский язык может в чем-то обогатить современный психиатрический язык, недостаточно гибкий для описания всего многообразия душевных расстройств.

Опыт перевода заставляет нас быть трезвыми: уметь использовать свои возможности и признавать свои ограничения. Это выражается, в частности, в такой формуле: мы никогда не переводим все, и рефлексивное мастерство переводчика проявляется в том, чтобы дать себе и другим отчет в том, что мы сохраняем и что теряем. В этой связи возникает и проблема так называемой неперево-димости. Акцент на неперево-димости, который стал все чаще выдвигаться в специальной и общепсихологической литературе, я считаю неправомерным. Случаи неперево-димости, вслед за Барбарой Кассен, французским лингвистом и эпистемологом, главным редактором «Словаря неперево-димостей» европейских философий⁴, я считаю случаями трудного, постоянно возобновляющегося перевода сопротивляющихся этому слов и понятий. Фрейдовский многодисциплинарный подход открывает путь разным прочтениям и интерпретациям, которые могут подчеркивать (или наоборот оставлять в стороне) различные аспекты его наследия.

Иначе говоря, у нас могут быть разные подходы к Фрейду, но не может быть такого единственного подхода, который бы включал сразу все и на всем делал равные акценты: для того чтобы подчеркнуть медицинские, философские или, скажем, литературно-стилистические аспекты, нужно в принципе делать различные переводы. Но это не значит, что никаких критериев перевода вообще не существует. Выполнение задач перевода, в число которых входит одновременно и верность оригиналу, и решение определенной просветительской задачи, предполагает осознание специфики своего переводческого выбора и рефлексивное соотношение своего подхода с другими возможными подходами. При этом очень важно помнить также и о том, что не существует ни одного эквивалента, который одинаково хорошо укладывался

бы во все конкретные контексты употребления слова. Поэтому при пользовании Словарем вполне возможны случаи, когда предлагаемый в Словаре термин не подходит к какому-то конкретному случаю и читателю приходится самому приспособлять его к данной ситуации: причина этого в том, что семантические объемы значений, актуализированных в тех или иных контекстах, в разных языках и в разных случаях употребления данного термина в пределах одного языка, не совпадают.

Вершиной переводческой рефлексивности в разных языках и культурах выступает работа над «каноническим» Фрейдом, фиксирующим определенный срез развития психоаналитической проблематики в данной культуре и в данный период — разумеется, на фоне не прекращающейся динамики. Сейчас, когда в России ведется работа по созданию Полного собрания сочинений Фрейда на русском языке⁵, психоаналитическая проблематика, отрабатываемая в Словаре Лапланша и Понталиса, может стать экспериментальным участком публичной работы над русским Фрейдом. И естественно, в ходе этой работы нам предстоит в максимально возможной мере учитывать опыт концептуального многоязычия. Первостепенное значение при этом имеет наследие других психоаналитических культур, издавна принявших за проработку своих переводов и построение своих концептуальных языков (прежде всего, это англоязычный и франкоязычный психоанализ) и положивших этот опыт в основу соответствующих собраний сочинений Фрейда.

Фрейд в английских переводах

В течение десятилетий англоязычный Фрейд⁶ считался в мире Фрейдом как таковым. Для знакомства с психоанализом именно его рекомендовали читать в первую очередь. Казалось, что он чуть ли не лучше оригинала и во всяком случае более адекватно выразил универсальную суть фрейдовского учения, а потому надежно служит консолидации международного психоаналитического сообщества. Изредка звучали отдельные критические голоса, однако они не делали погоды. Правда, вскоре после выхода в свет Стандартного издания ставился вопрос о необходимости издания заключительного, 25 тома, в котором были бы собраны неточности и ошибки по всем 24 томам, но издатели на эту самоотверженную работу, разумеется, не решились. Кстати, ничего зазорного в этом не было бы, совсем наоборот: ошибки и неточности бывают во всех переводах, недаром по столько раз исправлялись даже самые совершенные и в тот или иной момент канонизированные переводы Библии. В 1980-е годы оборона была так или иначе прорвана сразу несколькими мощными ударами, и в первую очередь это были книга Бруно Беттельхайма⁷ и сборник статей «Фрейд в изгнании»⁸. Об-

щий взгляд на Стандартное издание стал меняться. Отныне оно уже не выглядело как единственно возможный перевод Фрейда на английский язык и тем более как универсальный Фрейд — поверх языковых и культурных барьеров. Стандартное издание предстало как явление историческое, отвечавшее определенным потребностям своего времени и места, но не как перевод на все времена.

Конечно, Стандартному изданию Фрейда нужно отдать должное. Ценность его и в самой установке на интеграцию психоаналитического сообщества, и в том, что это — критическое издание с большим комментаторским аппаратом, тогда как, например, в немецкой культуре настоящего критического издания до сих пор не существует, а новое французское полное собрание сочинений Фрейда ссылается на критический аппарат Стандартного издания и использует его. Все это — результат организаторских и издательских талантов Джеймса Стрейчи. Однако в его адрес можно обратить и упреки, тоже вполне заслуженные. Прежде всего, дело в том, что в совокупности своих переводческих выборов и решений, достаточно последовательных, англоязычный Фрейд предстает как Фрейд медиализированный, сциентизированный, направленный в сторону унификации терминологии, систематизированный и несколько упрощенный. Можно сказать, что перевод под редакцией Стрейчи, будучи почти идеальным в своем роде, дает лишь одну, притом гиперболизированную, проекцию взглядов Фрейда-ученого — в том понимании науки и учености, которое было у Стрейчи и его сподвижников. Что же касалось Фрейда, то он к этой проекции, разумеется, не сводился. Ошибочность позиции Стрейчи была в том, что он провозглашал себя единственно истинным переводчиком (или иначе, переводчиком с определенным артиклем — *the translator*): и Эрнст Джонс, и Стрейчи чувствовали себя апостолами, получившими учение прямо из рук учителя и потому облеченными правом передать его дальше. На какой-то период эта интерпретация захватила весь свет: кое-кому действительно могло показаться, что читать Фрейда по-немецки бесполезно или даже вредно.

Однако Фрейд не был сам себе тождественным во все времена: развивались его взгляды, на его пути были повороты и возвраты, менялось состояние дисциплины, позиции в борьбе за лидерство. Возникает вопрос: почему эти известные упрощения языка и тем самым проблематики были допущены Фрейдом? Можно полагать, что в какой-то период главными для Фрейда действительно были институциональные соображения и что несколько упрощенный, сциентизированный язык, в котором, например, слово «влечение» (нем. *Drang*) переводилось как «инстинкт» (англ. *Instinct*), представлялся ему удобной формой компромисса с медицинскими кру-

гами, который он на определенной стадии искал. Но остается вопрос: можно ли считать английского Фрейда единственной формой языка психоаналитического сообщества? Вряд ли.

Как известно, одной из очевидных форм упрощения в англоязычном Фрейде был перевод фрейдовских *Я*, *Оно*, *Сверх-Я* (*Ich*, *Es*, *Über-Ich*) их латинскими формами *Ego*, *Id*, *Super-Ego*. Кажется, по пути латинизации этих основных граней человеческой души за английским не пошел ни один другой концептуальный психоаналитический язык⁹. При этом, замечает Беттельхайм, у Фрейда *Я* и *Оно* нередко выступают не как местоимения, но как существительные, точнее субстантивированные местоимения (*das Es*, *das Ich*) которые сохраняют свои аффективные смысловые нагрузки, скажем, *Оно* — темная часть души, которая входит во взаимодействие со столь же субстантивированным *Я*. В латинском переводе эти слова становятся холодными и техничными, не возбуждающими никаких ассоциаций персонального свойства.

Далее, шагом на пути интеллектуализации фрейдовской терминологии был также английский перевод «души» (*die Seele*) как *the mind*, «душевного» (*Seelen-*, *seelisch*) как *mental*: душа и душевное при этом начисто исчезали. Признавая совершенно справедливым этот упрек, отмечу, однако, что Беттельхайм все же напрасно думает (а он на этом настаивает), что именно в употреблении слова «душа» сосредоточен «гуманизм Фрейда» или что в современном Фрейде споре «герменевтико-спиритуалистической» и «прагматико-позитивистской» позиций Фрейд занимает первую. И сама эта антитеза слишком прямолинейна, и из эволюции Фрейда, полагаю, нельзя выбросить его активное стремление к построению научной психологии, от которого он, по сути, никогда не отказывался.

Одно из странных предпочтений английского перевода Фрейда — использование на месте фрейдовского понятия *Besetzung* (в моем переводе — нагрузка) греческого слова «катексис». Прежде всего употребление этого слова порождает впечатление, будто речь идет о чем-то странном и необычном, коль скоро повседневный язык не нашел средств для обозначения этого явления¹⁰, тогда как речь идет о феномене вполне доступном для понимания. *Besetzung* — это экономическое понятие, в основе которого лежит Фрейдова гипотеза о психической энергии, главным образом — энергии либидо, направляемой на тот или иной объект влечения — телесный или духовный. Либидо свободно перемещается по проторенным путям, а в случаях, когда возникают защитные процессы, эти пути оказываются заблокированными и необходимой разрядки не происходит. «Энергетическая гипотеза» была сформулирована Фрейдом в 1895 г. в работах «Исследования истерии» и «Набросок научной психологии», однако это понятие так или иначе присутствует во

всем его творчестве. В свое время Стрейчи перевел *Besetzung* как *cathexis*, а Фрейд, поморщившись (есть исторические свидетельства того, что этот термин, по крайней мере, поначалу, ему не нравился), не стал публично возражать, видимо предпочитая не портить отношения со Стрейчи как своим главным терминологическим душеприказчиком. Однако в наши дни, отчасти в связи с распространившейся критикой английского Стандартного издания, «катексис» выглядит в международном масштабе как устарелое и проблематичное терминологическое решение. Зачем же русскоязычному психоанализу его заимствовать, не попытавшись придумать свой собственный вариант, как это сделали другие европейские языки?

Несмотря на все трудности, удовлетворительная передача этого термина на другом языке не является невозможной задачей. Так, в английском языке существовали и существуют достаточно простые и обычные слова для выражения того, о чем шла речь. Для этого предлагались, например, глаголы *to invest* или *to charge with energy*¹¹. В немецком языке соответствующие термины Фрейда предполагают, прежде всего, военную метафору (завоевание, занятие, захват, оккупация), во французском — банковско-финансовую метафору (различные формы вложения денег). Однако русскоязычным психоаналитикам больше нравится англо-греческий «катексис» со всем букетом производных терминов, не несущих ни в русском (ни в английском) никаких смысловых ассоциаций.

Конкретных примеров здесь можно привести десятки. В целом интенсивное использование англизированной психоаналитической терминологии, вследствие влияния переводов с английского, остается характерной чертой современного российского психоанализа. В наши дни, когда период российского неопитства в отношении психоанализа прошел, эта «лояльность» представляется, однако, явлением скорее регрессивным. тем более что и в английском концептуальном психоаналитическом языке намечается тенденция к переосмыслению некогда введенной терминологии и вызревает потребность в новых переводах.

Фрейд во французских переводах

Принимаясь за работу над Полным собранием сочинений Фрейда¹², французские издатели, во главе которых стоял Жан Лап-ланш (к тому времени их пути с Понталисом давно разошлись, хотя Понталис в течение ряда лет выпускал в издательстве «Галлимар» переводы Фрейда), с самого начала стремились извлечь из всего вышесказанного урок. Одним из принципов их подхода к переводу был запрет на употребление слов, непонятных в повседневном языке, без особой на то необходимости, а критерием

неологизмов должна была служить их способность включиться в ткань родного языка. Французское полное собрание сочинений Фрейда стало выходить значительно позже английского, уже в 1980-е годы. Административной причиной задержек с этой работой было в данном случае рассредоточение авторских прав между различными издателями. В целом установкой при создании французского Фрейда (до этого существовали лишь отдельные, несистематизированные переводы) был отказ от навязывания оригиналу каких-либо внешних ему заданий и принципов. Впрочем, можно сказать, что такое задание все же было, только оно не было внешним. Вслед за известным французским переводчиком и теоретиком перевода Антуаном Берманом его можно охарактеризовать как «испытание иностранным»¹³. Эта новая цель противопоставлялась тому, что ранее делалось в области переводов Фрейда, а также общим принципам французской культуры перевода, которая в течение долгого времени ставила во главу угла усовершенствующий или же украшающий перевод, а фактически – подгонку оригинала под вкусовые представления языка и культуры переводящего. В любом случае, эти требования – быть как можно ближе к Фрейду и вместе с тем быть уместным и понятным во французском языке – не соединяются друг с другом беспроблемно и порождают конфликты, правда, вполне продуктивные.

Сам принцип близости к означающему слою оригинала не берется ниоткуда. Опыт послевоенных французских переводов немецкой философии – Гегеля, Маркса, Ницше – принес во французский язык немало новых слов и понятий, сделал использование уже существовавших более гибким. В 1980-е годы выражением новых культурных установок стало своего рода возрождение переводческой традиции немецкого романтизма, ярко изложенной в работах уже упоминавшегося Антуана Бермана. В данном случае можно сказать, что французский Фрейд Полного собрания сочинений не был традиционно французским и не мыслился как «традиционно французский» в вышеуказанном смысле. Издатели Собрания решили не противопоставлять друг другу французский и немецкий как типы переводов, не стремиться приручить чужой текст, но перевести максимум его особенностей – стилистических, семантических, концептуальных, найдя для них приемлемые аналогии в своем языке, создавая в родном языке такое письмо, которое бы вбирало в себя чужое письмо, выявляло в нем (и в себе) ресурсы, еще не открытые. Отсюда – неизбежные странности, изобретения, деривации, стилистические новшества¹⁴. К сожалению, у нас сейчас нет возможности их сколько-нибудь подробно рассматривать, это отдельная интересная переводческая и историко-культурная задача. Сразу отмечу: требование следовать означающему языка

подлинника подчас оборачивалось пуризмом, которого в отношении к языку не терпит ни один, даже самый хороший принцип. В частности, лингвистической нелепостью было стремление следовать синтаксису оригинала, что, как известно, противоречит естественному течению речи и мысли на другом языке.

Мне доводилось беседовать с теми исследователями, которые делали переводы для французского Полного собрания. Они образовывали рабочие группы до 4 человек, члены которых должны были знать немецкий, английский, французский (литературный и научный) и, конечно, Фрейда. Каждая опция, каждое предложение подвергались дискуссии, в которой лингвистика сталкивалась с фрейдологией, причем в большинстве случаев удавалось достичь итога, удовлетворявшего обе стороны. Правда, такой оптимистический взгляд был свойствен скорее редакторам, нежели переводчикам, по крайней мере, известно, что в случае сохраняющихся разногласий окончательное решение принимал сам Жан Лапланш. Результатом лексикологической работы, проходившей в 1986 – 1987 годах, было создание немецко-французского глоссария из 5000 слов, который стал матрицей последующих действий. При этом термины, которые уже были проработаны в Словаре Лапланша и Понталиса, специально не приводились в глоссарии: точнее, приводились лишь те из них, которые были изменены впоследствии, уже при работе над Полным собранием сочинений Фрейда.

Рассмотрим лишь несколько примеров нового французского подхода, они подробно разбираются в подготовительном томе к изданию французского Фрейда – в книге «Переводить Фрейда». Выше уже говорилось о том, что стало с понятием «душа» в английском переводе. Существует мнение, что Эрнст Джонс и Анна Фрейд считали понятие «душа» архаичным и стремились избавиться от него, не поднимая громких дискуссий. Известно, что Фрейд сам предложил немецкое слово Seele как перевод греческого Psyche. Слово «душа» было нужно Фрейду как опора для целого ряда различений. С одной стороны, душа – опора как осознанных, так и бессознательных процессов, так или иначе связанных с проблемами метафизики, перенесенными на уровень фрейдовской метапсихологии. С другой стороны, это конечно, важнейшее противопоставление душевных и телесных явлений. Сохранение в новых (теперь уже и не столь новых, но в России совершенно не известных) французских переводах терминов «душа» и «душевный» отныне позволяет читателю видеть, в какие оппозиции включались соответствующие термины у Фрейда (прежде из-за отсутствия терминов «душа» и «душевный» это было совершенно незаметно). Так, употребительным для Фрейда является противопоставление «душевный – телесный» (seelisch – körperlich)

и «психический – материальный» (psychisch – materiell). При этом французский читатель видит, что слово «психический» в его концептуальном языке может относиться к инстанции, системе, организации, топике, материалу, но прежде всего – к энергии, травме, реальности, а слово «душевный» – к жизни, действию, феномену, движению, деятельности, процессу, состоянию и др. Таким образом, распределение этих понятий во фрейдовском немецком вполне упорядоченное и глубоко продуманное.

Вообще в переводе нет ничемных затрат времени: апробированный, но затем отвергнутый перевод – тоже результат. Но еще важнее оказываются случаи, когда некогда отвергнутое вновь возвращается в круг внимания и даже принимается как предпочтительный вариант. Так, при подготовке Полного французского Фрейда был реабилитирован французский термин *fantaisie*, который в свое время предлагал Лагаш для перевода фрейдовского *Phantasie*. Раньше в терминологическом строе французского психоанализа безраздельно господствовал термин *fantasme*, приобретший даже громкую международную репутацию, мешая при этом видеть основное, что было связано у Фрейда с соответствующей группой терминов, – деятельность воображения, способность к фантазированию. Греческое слово «фантазм» у Фрейда употребляется редко и означает ошибочный образ, вводящий в заблуждение, фантазмагорию, галлюцинацию, фантом: фантазм – это результат соответствующей деятельности. Когда Лагаш в свое время предложил переводить *Phantasie* как *fantaisie*¹⁵, на это возражали, что французское *fantaisie* означает нечто произвольное и предполагает каприз, причуду, нерегулярность. Однако теперь было решено вновь обратиться именно к этому предложению Лагаша как меньшему злу, причем у Литтре был даже найден глагол, соответствующий немецкому *phantasieren*: это *fantasier*. Мне приятно, что уже в первом издании русского перевода Словаря Лапланша и Понталиса, несмотря на сплошное употребление во французском оригинале слова «фантазм», я уже провела определенную терминологическую сортировку и оставляла эту форму слова лишь в редчайших случаях (например, «фантазм материнской груди»), в других контекстах пользуясь изначальными немецкими «фантазия», «фантазировать». В целом это поучительный пример того, как некогда отвергнутые эквиваленты могут вновь постучаться в дверь и даже найти себе место в концептуальном языке, победив своих конкурентов. Это свидетельствует о том, что идеальных переводов нет и что жизнь перевода, как и жизнь мысли, к счастью, никогда не заканчивается.

А вот и еще один интересный пример из нового французского Фрейда – он связан с понятиями «культура» и «цивилизация». До последнего времени «культура» во французском языке была до-

вольно узким понятием, ограниченным совокупностью интеллектуальных аспектов, а цивилизация понималась как совокупность разнообразных приобретений человеческих обществ (в противоположность природе, варварству). Однако Фрейд использует понятие «культура» именно в этом последнем смысле, что, казалось бы, требовало переводить немецкое слово «культура» французским словом «цивилизация», как это и делалось в предыдущих переводах: так, немецкое «Недовольство культурой» (*Das Unbehagen in der Kultur*) систематически переводилось на французский как «*Malaise dans la civilization*». Однако, за последние десятилетия, под влиянием других переводов использование понятия «культура» стало более гибким и вместительным, что и позволило решиться на следующий эксперимент: вернуть фрейдовские понятия «цивилизация» и «культура» на те места, которые они занимают в оригинале, в расчете на то, что теперь уже продвинутый французский читатель сможет освоить подобные употребления терминов и построить в своей голове такие новые понятия, как «культура в понимании Фрейда».

Здесь необходимо уточнить одну важную вещь: термины, вводимые в новые переводы, не могут быть законом к немедленному употреблению для практикующих психоаналитиков. Тем самым мы делаем вывод: перевод психоаналитических текстов, апробирование и ввод новых эквивалентов в языке перевода – это совсем не то, что работа по уже установленным правилам и с привычной терминологией: между этими видами работы возникают неизбежные разрывы, которые с течением времени, по мере привыкания к новому, обычно сглаживаются.

Фрейд на русском языке: перевод как средство построения концептуального языка

Эстафета построения своего концептуального Фрейда сейчас, можно сказать, переместилась в Россию, именно здесь осуществляется амбициозный замысел издания Полного собрания сочинений Фрейда, и несколько томов этого издания уже вышли их печати. Так что теперь мы не по книжкам, а на собственном опыте и в большом формате видим, как взаимодействуют процессы перевода с процессами выработки концептуального языка. Я не буду здесь анализировать сделанные переводчиками этого собрания терминологические предпочтения; работа продолжается, и дискуссии на эту тему, как во всяком цивилизованном психоаналитическом сообществе, еще последуют. Расскажу вкратце о том, что я сделала сама – при подготовке второго русского издания Словаря Лапланша и Понталиса, так как я рассматриваю эту работу как вклад в выработку концептуального языка, в формиро-

вание русскоязычного Фрейда. Разумеется, русский психоаналитический язык не ограничивается русскоязычным Фрейдом: психоаналитических дискурсов должно быть много, сообразно тем подходам и тенденциям, которые осмысляются, практикуются, укореняются в России. Здесь я лишь приведу несколько примеров моего пересмотра терминологии во втором издании Словаря: он связан и с жизнью языка, и с динамикой психоанализа как дисциплины и культурного явления, в котором за два десятилетия накопилось немало нового.

Так, во втором издании я перевожу нем. *Übertragung* (франц. *transfert*) как «перенос, трансфер», тогда как в первом издании порядок терминов был прямо противоположным: «трансфер, перенос». В первых русских переводах Фрейда пользовались термином «перенесение». Позднее, под влиянием переводов с английского и французского в России распространился термин «трансфер»¹⁶. Его преимущество в том, что он позволяет использовать однокоренное прилагательное (трансферентный или трансференциальный: любовь, невроз и др.), тогда как термин «переносный», который используется в некоторых современных переводах на русский язык, вряд ли можно считать удовлетворительным, особенно в таких словосочетаниях, как «переносная любовь»; во всяком случае, ждать, пока неуместные коннотации выветрятся, в подобных случаях придется еще долго, так что более удачными представляются такие варианты, как «любовь в ситуации переноса». Решение поставить «перенос» на первое место перед «трансфером» было мотивировано сверхшироким использованием слова «трансфер» в различных современных контекстах, включающих перевозку пассажиров, перевозку грузов, пересылку денег, перевод игроков из команды в команду и т.п., т.е. иначе направленной материальной конкретизацией смысла.

За последние два десятилетия большое распространение приобрел термин «идентификация». В наши дни он употребляется и в тех случаях, в которых в 1980 г. о переводе французского «*identification*» как «идентификация» никто даже не помышлял. Так, заглавие книги Броделя «*Identité de la France*» было некогда переведено «Что есть Франция?», тогда как недавний доклад в РГГУ на ту же самую тему французского историка Пьера Нора («*Y a-t-il une identité historique de la France?*») в переводе был назван: «Существует ли историческая идентичность Франции?». Следуя этой нынешней тенденции, я ставлю «идентичность» на первое место, оставляя частичные синонимы «тождество», «самотождественность» лишь в философских и некоторых близких к философским контекстах. Соответственно, в сторону «идентичности» и «идентификации» сдвигается весь ряд составных терминов, употребляемых у Фрейда, например, «идентификация первичная» (*identification primaire*),

«идентификация проективная» (*identification projective*), «идентификация с агрессором» (*identification à l'agresseur*). В эту же группу изменений попадает у меня и термин «перверсия» (*perversion*), который я ранее ставила на второе место (извращение, перверсия). Иными словами, в данном случае, хотя это вовсе не мой принцип, скорее, наоборот, я произвожу «латинизацию» термина — по аналогии с уже существующими терминами (версия, интроверсия, экстраверсия, конверсия, инверсия). Разумеется, из этого не следует, что писать нужно «перверЗия», как это подчас делается, хотя в немецком языке именно так и произносится. В таких парах терминов, как «извращение» и «перверсия», «отклонение» и «девиация», латинский ряд, как это свойственно русскоязычному употреблению, подчеркивает научное значение соответствующих словесных единиц, а русскоязычный ряд — более обыденное и менее терминологизированное значение соответствующих слов.

А теперь вновь вернемся ненадолго к вопросу о фрейдовском *Besetzung*: несмотря на полное изобилие «катексисов» или «инвестиций», я сохраняю и во втором издании Словаря ранее предложенный мною вариант «нагрузка». Соответственно, различные аспекты экономико-энергетических отношений, закрепленные в таких германоязычных терминах, как «*Gegenbesetzung*», «*Überbesetzung*», «*Widerbesetzung*» и др. (во французской терминологической традиции — «*contre-investissement*», «*des-investissement*», «*sur-investissement*» и др.) представлены мною как соотношения энергетических процессов нагрузки, разгрузки, противонагрузки, сверхнагрузки (перегрузки) и др. Судя по перечню терминов, приводимых в Международном психоаналитическом словаре, вышедшем под редакцией А. де Мижола, наряду с английским вариантом понятия «*Besetzung*» — катексисом, в европейской психоаналитической терминологии все больше завоевывает права гражданства и термин «*investment*»: это отмечается относительно английского (не только «*cathexis*», но и «*investment*») и других европейских языков¹⁷.

Обычно исследовательская мысль и практическое употребление понятий, а также процессы перевода идут параллельно и питают друг друга. Однако когда возникает потребность в радикальной замене концептов, практики, опирающиеся на привычные понятия, поддержать подобные изменения не в состоянии. Нынешние новые издания Фрейда, если они осуществляются в старых психоаналитических сообществах и требуют пересмотра привычных понятий и терминов, возможны только при относительной независимости от традиции и повседневной практики. Здесь мы видим, как фундаментальный научный интерес вырывается вперед и отрывается от всех конкретных манифестаций психоаналитической работы. Эта логика может показаться парадоксаль-

ной: она порождается потребностью во временной автономии уровня анализа. Оказывается, что исследовательская, терминологическая и практическая работа могут мешать друг другу, и тогда требуется отвлечься от практики, чтобы построить новую терминологическую систему, предоставив практикующему психоаналитику полную свободу действий при выборе терминов и понятий.

Общий принцип перевода: переводить надо максимально близко к оригиналу, осознавая при этом смысл интеллектуального запроса собственной культуры, а также учитывая опыт других языков и познавательных традиций. Что это значит в данном случае? Задача русскоязычного психоанализа не только перевести что-то и как-то, но при этом выработать свой концептуальный язык, который неизбежно будет отличаться от других концептуальных языков, подобно тому, как сейчас английский, французский и испанский Фрейд отличаются друг от друга — в некоторых особых модальностях перевода основных понятий: ведь перевод — не прозрачное стекло, через которое нам виден оригинал. Задача, которая стоит перед русскими переводчиками Фрейда — выработать русский концептуальный язык психоанализа, не удовлетворяясь кальками, прямыми транслитерациями, тем более — вторичными, взятыми не из оригинала, а их других переводов. Тем самым я выступаю против буквалистски понимаемого принципа постмодернистского перевода: я не считаю, что оригинала нет, и что все дозволено. Однако своя правда есть и у такой установки на вторичное использование, причем в моей собственной работе есть тому пример. Это как раз тот случай, когда пресловутый немецкий *Besetzung* я переводила, так сказать, не прямо с немецкого, но учитывая те смысловые разветвления, которые этот термин приобрел в других языках (прежде всего — романских, использующих слова, с корневым элементом, означающим «нагрузку»: это *carga* — исп., *carica* — итал.). Этот случай не значит, что я поддерживаю принцип перевода без оригинала, но он показывает, что путь к оригиналу иногда лежит не на магистральных, а на боковых тропах смысла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу / Пер. с франц. и науч. ред. Н.С. Автономовой. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. Первое французское издание Словаря вышло в свет в 1967 г.: *Laplanche J., Pontalis J.-B.* Vocabulaire de la psychanalyse / Sous la dir. de D. Lagache. — Paris: Presses universitaires de France. Первое русское издание появилось в 1996 г. в издательстве «Высшая школа» (пер. Н.С. Автономовой / Под ред. А.М. Руткевича). Презентация нового издания Словаря российскому психоаналитическому сообществу состоялась во время Всероссийской научно-практической конференции «Феномен

нарциссизма в клинической практике и в политике, бизнесе, искусстве: современные психоаналитические концепции» 12 декабря 2009 г., организованной Русским психоаналитическим обществом (Москва).

- ² Принципиальных смысловых замен среди них нет, но есть замены, произведенные с целью достижения большей смысловой точности и большей морфологической гибкости, а также замены, связанные с интуитивно ощущаемым изменением частоты употребления тех или иных слов в русском языке. Кроме того, в Словаре дается более широкая технологическая база для самостоятельной работы пользователей. Так, Словарь снабжен новыми указателями терминов, а также развернутыми оглавлениями томов английского (Standard Edition) и немецкого (Gesammelte Werke) изданий собрания сочинений Фрейда, для того, чтобы читатель мог в любой момент содержательно расшифровать библиографические указания, приводимые Лапланшем и Понталисом в сокращенной форме (издание, том и страница).
- ³ *Autonomova N.* On the (Re)creation of Russian Philosophical Language // The Proceedings of the Twentieth World Congress of Philosophy. Volume 12. Philosophy Documentation Center, 2000. — P. 83 — 94. См. об этом также: *Автономова Н.С.* Познание и перевод. Опыт философии языка. — М.: РОССПЭН, 2008.
- ⁴ *Vocabulaire européen des philosophies.* Dictionnaire des intraduisibles / Sous la direction de Barbara Cassin. — Paris: Seuil-Robert, 2004.
- ⁵ *Фрейд З.* Собр. соч. В 26 т. / Пер. с нем. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2005.
- ⁶ *Freud S.* The Standard Edition of the Complete psychological Works / Translated from the German under the General Editorship of James Strachey. In 24 vol. — London: the Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1953 — 1966; 1974.
- ⁷ *Bettelheim B.* Freud et l'âme humaine. De la traduction à la translation. — Paris: Robert Laffont, 1984 / Пер. с англ.
- ⁸ См.: *Freud in Exile. Psychoanalysis and its Vicissitudes / Timms E., Segal N.* New Haven and London: Yale University Press, 1988. В этом сборнике см., прежде всего, следующие статьи: *Pines M.* The Question of Revising the Standard Edition // *Ibidem.* — P. 177 — 180; *Ornston D.G.* How standard is the «Standard Edition»? // *Ibid.* — P. 196 — 209; *Steiner R.* Die Weltmachtstellung des Britischen Reichs // *Ibid.* — P. 181 — 195; *Holder A.* Reservations about the Standard Edition // *Ibidem.* — P. 210 — 214; *Junker H.* On the Difficulties of Retranslating Freud into English // *Ibid.* — P. 215 — 219 и др. Об этом см. также: *Мазин В.* Переводы Фрейда // Психоаналитический вестник. 1999. № 1 (17); *Мазин В.* Рождение психоанализа в переводе (послесловие) // *Фрейд З., Брейер Й.* Исследования истерии // *Фрейд З.* Собр. соч. В 26 т. Т. 1. — СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2005.
- ⁹ Более удовлетворительными вариантами английского перевода этих терминов Б. Беттельхайм считает такие эквиваленты, как *Over-I*, *Above-I*, или, скорее — *Upper-I*.
- ¹⁰ *Bettelheim B.* Freud et l'âme humaine. — P. 176.
- ¹¹ *Ibid.* — P. 177.
- ¹² *Freud S.* Œuvres complètes — Psychanalyse. — Paris: PUF. Если в английском Стандартном издании порядок публикации смешанный (то хро-

нологический, то тематический), то во французском издании тексты публикуются в порядке выхода, с минимальными вступительными заметками, с показом страт текстов, которые подвергались переделкам. Сносочный аппарат минимален, в этом смысле Стандартное издание сохраняет свое значение и для французского. Заметим, что немецкое собрание сочинений (см., например: *Freud S. Gesammelte Werke chronologisch geordnet. Band 18. Frankfurt-am-Main: S. Fischer Verlag. Vierte, korrigierte Auflage, 1986*) включает тексты, которых в Стандартном издании нет и которые учитываются во французском Полном собрании сочинений Фрейда.

- ¹³ Это заглавие известной книги о переводе: *Berman A. L'épreuve de l'étranger. Culture et traduction dans l'Allemagne romantique. — Paris: Gallimard, 1984.*
- ¹⁴ О принципах подхода к французскому переводу Фрейда в Полном собрании его сочинений см.: *Bourguignon A., Cotet P., Laplanche J., Robert F. Traduire Freud. — Paris: PUF, 1989.*
- ¹⁵ *Bourguignon A., Cotet P., Laplanche J., Robert F. Traduire Freud. — P. 105.*
- ¹⁶ Существует мнение, что слово «трансфер» (transfert) первично в создании этого термина, что Фрейд впервые встретил его у Бернгейма и перевел как Übertragung («перенос») (см.: *Bettelheim B. Freud et l'âme humaine. — P. 47*), но это любопытное историко-терминологическое обстоятельство никак не влияет на наш выбор русскоязычного термина.
- ¹⁷ *Dictionnaire international de la psychanalyse / Sous la dir. de A. de Mijolla. Concepts, notions, biographie, oeuvres, événements, institutions. — Paris: Calmann-Lévy, 2002. T. 2. — P. 1852.*

Аннотация

В статье показано соотношение между процессами перевода и процессами выработки концептуального языка в такой важнейшей области знания и практики, как психоанализ. Материалом для размышлений послужила для автора работа над вторым изданием русского перевода французского «Словаря по психоанализу» Лапланша и Понталиса (2010). Автор рассматривает сделанные им терминологические изменения на фоне тех тенденций терминологической динамики, которые наблюдаются в английских и французских переводах Фрейда.

Ключевые слова:

Концептуальный язык, перевод, терминология, «испытание иностранным», перенос, идентичность, культура, цивилизация.

Summary

The article shows the correlation between the process of translation and the process of elaboration of a conceptual language in psychoanalysis as a substantial field of practice and cognition. The author's reflexion is inspired by working on the second edition of the Russian translation of the French «Vocabulary of Psychoanalysis» by J. Laplanche and J.-B. Pontalis. The author is analyzing the terminological modifications that she made in light of the terminological trends and dynamics noted in the French and English translations of Freud's works.

Keywords:

Conceptual language, translation, terminology, «the challenge of the foreign», transference, identity, culture, civilization.

ПСИХОАНАЛИЗ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

В.В. СТАРОВОЙТОВ

Взгляды Фрейда на искусство были связаны с описанием бессознательных конфликтов художника в первые годы его жизни и их отражением в его творчестве. Распространение особенностей психологической структуры человека на область культуры происходило из важнейшей предпосылки его культурологии, согласно которой онтогенез повторяет филогенез. Все это приводило основателя психоанализа к отсутствию у него интереса к исследованию специфики художественного творчества.

Исследуя взаимоотношение между искусством и фрейдовской систематикой, Рикер приходит к выводу, что подлинным намерением психоанализа является выход на уровень герменевтики культуры. Однако психоаналитическое истолкование тех или иных произведений культуры, согласно французскому философу, ограничено тем, что их анализ проводится с точки зрения экономики влечений и сопротивлений. Это приводит к тому, что центральным моментом генетического объяснения становится теория иллюзии, где архаическое воспроизводится как «возвращение вытесненного»¹.

Согласно Рикеру, позитивистское представление Фрейда об иллюзии как о чем-то таком, чему не соответствует никакая реальность, вело к недооценке символической функции воображения, которая может приводить к созданию новых смыслов и к психологическому синтезу. «Фантазия, — пишет Рикер, — в отличие от чисто бессознательного фантазма, обладает способностью интегрировать в единое целое настоящее, заключенное в актуальном впечатлении, инфантильное прошлое и будущее, которому предстоит осуществиться»². Для понимания создаваемого художником «кладезя символов», по мнению Рикера, требуется иная методология, отличная от психоаналитической, например, феноменологическая, гегелевская, или даже теологическая.

«В структуре символа, — пишет Рикер, — необходимо увидеть основу для других подходов и возможность их сравнения с психоанализом»³. В частности, французский философ предлагает объединить «регрессивный анализ» Фрейда с «прогрессивным анализом» последовательных образов духа в качестве двух аспектов одного и того же процесса творчества. «Не в том ли подлинный смысл сублимации («регрессивной прогрессии»), — задается вопросом Рикер, — чтобы вызывать к жизни новые значения, мобилизуя прошлые энергии, первоначально принадлежащие архаическим образам?»⁴. В противном случае, согласно Рикеру, мы получим «дурной психоанализ искусства — психоанализ биографический»⁵.

Данную точку зрения французского философа в полной мере разделяет российский литературный критик И. Григорьев, который считает, что так как исследование художественного произведения не является психоанализом в точном смысле этого слова, то нельзя высказывать какие-либо предвзятые предпосылки относительно природы поведения художника⁶.

1. Психоанализ как художественное творчество

В своей книге «Археология психоанализа» немецкий психоаналитик Альфред Лоренцер называет психоанализ скорее «анализом переживаний», чем психологией. Радикальным переворотом Фрейда в отношении «врач – пациент» Лоренцер считает предоставленное пациенту право самовыражения, предметом сообщений которого отныне становится социальная конкретность его жизненного мира, представленная в виде «сценически разыгранных рассказов». Будучи сценическим пониманием, новое понимание аналитика «должно было следовать нити рассказа, сохранять его фигуры, чтобы затем, шаг за шагом их интерпретировать во всей их непосредственной данности. Тем самым врачебное понимание и картина понятого, которая записывается врачом, сами должны были обрести характер рассказа».

Эту особенность психоанализа отмечал Фрейд в «Исследованиях истерии»: «Меня доныне занимает, что написанные мною истории болезни читаются как повести, ведь это лишает их серьезной научной чеканки. Я должен здесь утешиться тем, что ответственность за этот результат несет скорее самая природа предмета, а не мои предпочтения; локальная диагностика и электрические реакции маловажны в изучении истерии, тогда как представление душевных процессов, привычное для писателя, позволяет мне достичь видения хода истории болезни, применяя незначительное количество психологических формул»⁷.

Следует также сказать, что способ художественного творчества в высшей степени сродни свободному ассоциированию, основному инструменту психоанализа для проникновения в глубины бессознательного. Так, Шиллер в письме Кернеру от 1 декабря 1788 г., говоря о сути творческой работы художника, писал: «Мне кажется очень пагубным, если разум чересчур придирчиво критикует появляющиеся мысли, подстерегая их и следуя за их возникновением. В изолированном состоянии идея может быть очень ничтожной и предательской, но в связи с другими последующими (в контексте) она может иметь громадное значение. Связанная с другими идеями, из которых каждая такая же ничтожная, как она, такая идея может обусловить чрезвычайно интересное и важное последование мыслей... Обо всем этом рассудок не в си-

лах судить, особенно если он отвергнет идею прежде, чем рассмотрит ее в связи с остальными идеями. В творческом мышлении, наоборот, рассудок отказывается от оценки, идеи возникают беспорядочно, и он только затем уже окидывает их взором, осматривая как целое, как скопление. Те, кто критикуют – стыдятся и боятся быстро преходящего безумия, которое можно наблюдать у всякого творческого мышления. Продолжительность этого безумия отличает мыслящего художника от мечтателя. Вот почему вы жалуетесь на то, что творчество ваше непродуктивно; вы слишком рано отстраняете возникающие мысли и слишком строго их отбираете».

В психоанализе мы сталкиваемся с аналогичной ситуацией. Согласно основному правилу классического психоанализа, организуемому психоаналитическую работу, пациента просят высказывать предельно откровенно и в той последовательности, в которой это приходит ему в голову, все, что он думает и чувствует, даже если это кажется ему тривиальным, не относящимся к делу, бестактным, смущающим или унижительным. Если же у пациента возникают возражения по поводу высказывания некоторых вещей, то ему следует выражать вслух эти возражения, вместо того чтобы использовать их для утаивания определенной мысли или чувства. Свободное ассоциирование позволяет аналитику выбирать из сообщаемого материала то, что представляется ему существенно важным для понимания бессознательных мотиваций пациента и установления между ними причинных связей и, в конечном счете, для понимания структуры личности пациента.

2. Терапевтические аспекты художественного творчества

Фрейд рассматривает творчество как продолжение и замену старой детской игры, где поэт создает мир, к которому относится очень серьезно, внося в него много увлечения, в то же время, однако, резко отделяя его от действительности. При этом творит отнюдь не счастливый человек, а только неудовлетворенный. Ибо чтобы в душе писателя или поэта развился образ, его должны обуревать сильные чувства, вызванные действием нерешенных внутренних конфликтов, которые ему необходимо отреагировать, чтобы от них освободиться, так как если бы бессознательное писателя не находило своей реализации в художественной фантазии, то энергия бессознательного тратилась бы на создание невроза. Не случайно, поэтому, Гете любил говорить, что непреодолимое желание освободиться от собственных душевных мук заставило его написать роман «Страдания юного Вертера». Бунин также писал, что поэт не должен быть счастливым, ибо это «хуже для писания».

Свои конфликты поэт (писатель) может прорабатывать с помощью создаваемых им образов, наделяя (путем проекции и эк-

стернализации) своих героев противоречивыми чертами своей личности. Чем глубже проработка характеров героев, тем больше вероятность освобождения поэта (писателя) от конфликтов и достижения им более зрелого отношения к жизни. Так, например, И.Д. Ермаков, характеризуя творческую манеру Пушкина, пишет о том, что «отзываясь и углубляясь во всякое свое побуждение, умея проецировать его вовне, в форме образов, всматриваясь в них, ища в них правды, художник снова приходит к правильному пониманию себя, а через себя и всего громадного окружающего его мира со всеми его сложностями и запутанностями»⁸.

Рикер также считал, что в телеологической диалектике образы черпают свой смысл из движения тотализации, которое устремляет их вперед за их пределы, что приводит к углублению самосознания, или Духа⁹. При меньшей глубине проработки образов имеет место катарсис и временное освобождение от конфликтов, а при еще меньшем осознании временное облегчение наступает вследствие простого отыгрывания своих эмоций. Так как глубинные конфликты личности поэта (писателя) не прорабатываются достаточно глубоко и всесторонне в последнем случае, то каждое новое жизненное переживание снова может превращаться в патогенное, и для временного оздоровления поэту (писателю) вновь требуется художественное творчество, как об этом писала Лу Андреас Саломе, рассматривающая стихи Рильке как спонтанно найденный и ничем другим не заменимый способ излечения. Фрейд также считал, что человек может находить замену действию в языке, и благодаря этой замене аффект может быть отреагирован почти столь же эффективно. Если же человек лишен такой возможности отреагирования, сильные аффекты могут закончиться для него плачевно. Так, Гете был потрясен гибелью молодой аристократки Кристель Лассберг, покончившей самоубийством на романтической почве, в кармане которой нашли «Страдания юного Вертера».

Говоря о помощи художественного творчества в адаптации к реальности в противовес простому «фантазированию», Х. Хартманн в качестве наиболее важного отличия между ними говорит о том, что процесс художественного творчества является прототипом синтетического решения, в котором всегда присутствует тенденция к «порядку». «Такая тенденция к “порядку” неотъемлемо присутствует в каждом произведении искусства, даже когда его содержание или намерение представляет “беспорядок”. Это является, следовательно, еще одним примером “регрессивной адаптации”: умственное достижение (чьи корни архаические) приобретает новую значимость как для синтеза, так и для отношения к внешнему миру вследствие того, что идет именно окольным путем — через архаическое»¹⁰.

Хартманн также отмечает еще один фактор огромной биологической ценности: возрастание подвижности Я в художественной деятельности и в художественном наслаждении, связывая ее с подвижностью Я в игре и в комическом. По мнению Хартманна, эта «подвижность» обусловлена свободой от регуляции со стороны внешнего мира. А так как художественное творчество дает доступ к внутреннему миру, оно может иметь также аутопластические воздействия.

Взгляды Хартманна созвучны современному восприятию многими западными аналитиками психики как разновидности паутины, где все взаимосвязано. Встав на позицию признания всеобщей внутренней связи, можно предположить, что Я, обретая в процессе художественного творчества более высокую внутреннюю согласованность и гибкость, способно справляться с конфликтами без дополнительной аналитической терапии. Собственно говоря, психоанализ также содействует достижению пациентом большей гибкости и внутренней согласованности, ибо с герменевтической точки зрения психоанализ представляет собой процесс дескриптивного конструирования, в ходе которого «аналитик и пациент совместно работают над созданием все более сложных, связанных и совершенных версий истории жизни пациента»¹¹.

Однако следует сказать, что сильные чувства зависти, восходящие к фрустрированным и неблагоприятным взаимоотношениям с первичным объектом (осуществляющим уход лицом, обычно матерью), ведут как к негативной терапевтической реакции в психоанализе, так и к удушению творческого процесса. Что касается анализа, то испытывающий зависть пациент может терпеть лишь введенного в заблуждение аналитика и ослабленный анализ, поскольку при контакте с эффективно действующим и полным жизненных сил аналитиком его зависть обостряется. Такие пациенты пугаются всякого очевидного прогресса в ходе лечения, обостряющего их неконтролируемую зависть. Что касается творчества, то, по мнению М. Кляйн, зависть к творческой способности — это главный элемент, разрушающий творческий процесс.

Столкнувшись с проблемой, вызванной желанием пациентов разрушать и уничтожать благополучный, а не фрустрирующий, объект из-за присущих им реакций зависти, современные психоаналитики пришли к выводу, что зависть — это чувство, которое может появляться во время сложного процесса образования жизненной схемы «давать и брать», в которой одинаково существенна роль как дающего (родителя), так и получающего (ребенок). Возникновение зависти, по их мнению, тесно связано с проблемой разъединения, сепарации от матери. Только что «отделившийся» объект является всемогущим владельцем всего самого добро-

го, без чего ребенок не может жить, поскольку ему грозит опасность распада. С этой точки зрения зависть понимается как некая примитивная защитная реакция, «которая пытается уничтожить объект, когда он становится источником невыносимых переживаний унижения и беспомощности. Лишь уничтожение — вычеркивание такого объекта может уменьшить невыносимую боль. Для ума ребенка опасен не только объект, который уходит и которого больше нет, но и объект, который хотя и есть, но не отвечает его нуждам»¹².

Если сложности в отношениях между матерью и ребенком проявляются достаточно часто и интенсивно, то через переносную экстерниоризацию зависть может включаться во все более поздние отношения. Завистливый человек постоянно находится в трагической коллизии, ибо любой человек, превосходящий его в каком-либо отношении, порождает в нем депрессивное чувство того, что по сравнению с ним он не имеет никакой ценности, что возбуждает в нем невыносимую боль и желание унижить и уничтожить благополучный объект. Карен Хорни писала о том, что игнорирование личности другого человека частично является выражением базальной враждебности невротика к людям, наиболее частое проявление которой — презрение и зависть, ибо у человека, страдающего неврозом, разрушительный аспект сильнее созидательного: для него важнее видеть других побежденными, чем преуспеть самому.

В этой связи интересно отметить, что в первоначальной редакции пьеса Пушкина «Моцарт и Сальери» называлась «Зависть», т.е. Сальери выведен Пушкиным в образе завистника, удушающего и омертвляющего все, что выше него. Творчество Моцарта мешает Сальери действовать и заставляет видеть собственное ничтожество — всю бесплодность всех его стремлений. Гений Пушкина позволил ему вложить в уста Моцарта гениальные и пророческие слова: «А гений и злодейство две вещи несовместные». Этот вывод целиком подтверждается современными клиническими и теоретическими находками психоанализа. Как считает Мелани Кляйн, способность получать полное удовольствие от первого отношения с грудью образует основу переживания удовольствия из всех прочих источников. «Полное удовлетворение от груди означает, что младенец чувствует, что он получил от своего объекта исключительный дар, который он хотел бы сохранить. Это и составляет основу благодарности. Благодарность тесно связана со щедростью. Внутреннее богатство возникает благодаря усвоению хорошего объекта, так что индивид становится способен поделить его дарами с другими людьми. Это позволяет интроецировать более дружественный внешний мир, и чувство обогащения усиливается»¹³.

Данные размышления можно было бы подытожить, высказав предположение, что неспособность к установлению удовлетворительных объектных отношений в первые годы жизни делает человека во многом асоциальным существом с ярко выраженной потребностью в сверхкомпенсации. Он заботится единственно о собственных узкокорыстных интересах, руководствуясь чисто формальным рассудочным мышлением, в то время как человек, благоприятно прошедший этот период развития, развивает гармоничные и здоровые отношения с объектным миром, и находится на пути превращения в человека разумного, творческого, для которого забота о своем будущем и будущем своего потомства неразрывно связана с заботой об общем благе.

3. Психоанализ и художник

Успешный психоанализ снимает накал страстей человека, делает его более здоровым, но одновременно лишает его стимула для поэтического творчества, вынимая из его души огонь конфликтов, переплавляемых им в творчество. Именно об этой опасности рассказала Лу Саломе своему кенигсбергскому пациенту в ходе анализа. «Однажды, — говорила Лу, — мы сидели с Рильке в поезде и играли в свободные ассоциации. Вы говорите слово, и партнер говорит любое слово, какое придет в голову. Мы так играли довольно долго. Неожиданно мне пришлось в голову объяснить, почему Рильке захотел написать свою повесть о военной школе, и я сказала ему об этом. Я объяснила ему природу бессознательных сил, которые заставляют его писать, потому что они были подавлены, когда он был в школе. Он сначала засмеялся, а потом стал серьезным и сказал, что теперь он вообще не стал бы писать эту повесть: я вынула ее из его души. Это поразило меня, тут я поняла опасность психоанализа для художника. Здесь вмешаться — значит разрушить. Вот почему я всегда отговаривала Рильке от психоанализа. Потому что успешный анализ может освободить художника от демонов, которые владеют им, но он же может увести с собой ангелов, которые помогают ему творить»¹⁴.

Данная дилемма может приобретать трагическую окраску, как это видно на примере известной писательницы Вирджинии Вульф, впоследствии покончившей жизнь самоубийством. Ее муж, Леонард Вульф, не позволил ей быть проанализированной, так как опасался, что вместе с прекращением ее заболевания могло бы прекратиться и ее творчество¹⁵. В этой связи интересно отметить, что Фрейд высказал аналогичную точку зрения. Когда к нему на консультацию пришел поэт Бруно Гец с жалобами на тягелую, похожую на мигрень головную боль, не поддающуюся никакому лечению, Фрейд внимательно его выслушал, а затем

принял решение не анализировать молодого человека. Фрейд полагал, что поэт «должен сохранить свой сложный внутренний мир и продолжать писать стихи. Головную боль следовало лечить медикаментами»¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рикер П. Конфликт интерпретаций. — М., 2002. — С. 171.
² Там же. — С. 259.
³ Там же. — С. 269.
⁴ Там же. — С. 191.
⁵ Там же. — С. 262.
⁶ См.: Григорьев И. Психоанализ как метод исследования художественной литературы // Психоаналитический вестник. 2002. № 10. — С. 150 — 151.
⁷ Freud S. Studien über Hysterie // Gesammelte Werke. Bd. 1. — S. 227.
⁸ Ермаков И.Д. Этюды по психологии творчества А.С. Пушкина. — М., 1923. — С. 164.
⁹ См.: Рикер П. Конфликт интерпретаций. — С. 231.
¹⁰ Хартманн Х. Эго-психология и проблема адаптации. — М., 2002. — С. 106.
¹¹ «Конечный и бесконечный анализ» Зигмунда Фрейда. — М., 1998. — С. 169.
¹² Фонда П. Какой бывает зависть // Архетип. 1997. № 14. — С. 39.
¹³ Кляйн М. Зависть и благодарность. — СПб., 1997. — С. 45.
¹⁴ Эткинд А. Эрос невозможного. — М., 1994. — С. 30.
¹⁵ Розен П. Фрейд и его последователи. — СПб., 2005. — С. 378.
¹⁶ Энциклопедия глубинной психологии. — М., 1998. Т. 1. — С. 207.

Аннотация

В статье рассматривается проблема творчества и самотворчества человека, а также намерение психоанализа выйти на уровень герменевтики культуры. Показывается, что истолкование символов, нацеленное на предшествующие образы (герменевтика бессознательного), должно быть дополнено прогрессивным истолкованием символов в качестве двух аспектов единого процесса творчества. В противном случае мы получим дурной психоанализ творчества - психоанализ биографический.

Ключевые слова:

Творчество, самотворчество, герменевтика.

Summary

The author discusses the problem of creative work and self-creation of man, as well as the desire of psychoanalysis to rise to the level of hermeneutics of culture. The author shows that interpretation of symbols from the point of view of hermeneutics of the unconscious (regressive analysis) must be added by progressive interpretation of symbols as the two aspects of one creative process. Otherwise, we shall receive an incorrect psychoanalysis of creative work - a biographical psychoanalysis.

Keywords:

Creative work, self-creation, hermeneutics.

Из истории психоанализа: неизвестное прошлое

АРОН ЗАЛКИНД. МАНИФЕСТ СЕКСУАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А.А. ПРУЖИНИНА

Представляется весьма важным и даже поучительным обратиться к осмыслению творческого наследия Арона Залкинда, оставившего заметный след в отечественной невропатологии и педологии, психоанализе и психологии. Попытки проследить его творческую биографию предпринимались рядом исследователей¹. Но сказать с уверенностью, что она близка к завершению, а тем более — написана, никак нельзя, и удастся это, по всей вероятности, не скоро... Подтверждение тому, в частности, — представленные в данном блоке статей новые документы.

Начнем, пожалуй, с конца биографии А. Залкинда. Его жизнь трагически оборвалась в 1936 г., и ее цель и смысл ученый сформулировал еще в далекой дореволюционной юности в своем личном программном манифесте — *перевоспитать все человечество*. Это была не столь, на его взгляд, утопичная задача. Свою миссию врача, а тем более невропатолога, который сталкивается с изломами и не столько физическими, сколько, главным образом, душевными, он определил так — помочь человечеству быть чуть счастливее. Только нужно было найти для этого путь. И, как полагал Залкинд, он был найден.

В 1933 г. (!) в Большой советской энциклопедии выходит статья о А. Залкинде, в которой он квалифицируется как «педолог, врач-психоневролог, автор работ по вопросам педологии, психологии и педагогики, чл. ВКП(б)»; «один из учредителей общества психоневрологов-марксистов. Его работы по проблемам трудового детства и сексуальной педагогики заслуживают всяческого внимания»; «уклон в сторону механистического понимания учения об условных рефлексах и тяготения к фрейдизму». Эта сухая информационная справка для многих так и останется справкой. Но за этими словами скрыты смыслы всей его жизни.

С чего же все начиналось? Начало прошлого столетия, и особенно 20 — 30-е годы, во многом стали поворотными в истории психологических исследований. В Советской России, практически сразу после окончания Гражданской войны, в начале 1923 г., собирается I Всероссийский съезд по психоневрологии, где констатируется, что за прошедшие годы в данной области отечествен-

ной науки наблюдался прогресс, поднявший ее до уровня «других культурных стран». И прогресс, как подчеркивалось, был достигнут благодаря расширению области прикладной психологии — окрепли педагогическая психология и педология, развивалась криминальная психология, сложился ряд исследовательских направлений, тесно связанных с задачами научной организации труда, в частности, психотехникой².

Съезд зафиксировал также новую, принципиально иную, по сравнению с дореволюционной, структуру психоневрологических исследований. Хотя в работе съезда далеко не второстепенную роль играли выступления представителей традиционной «философской» психологии, все же внимание было приковано главным образом к исследованиям по преимуществу практического толка — **психоанализу, педологии, психотехнике**.

И совершенно не удивительным было то, что уже через год, в 1924 г., когда в Петрограде собрался II психоневрологический съезд, в центре всеобщего внимания была психоаналитическая тематика. Подчеркнем, что психоанализ был воспринят благосклонно не столько как медицинская, терапевтическая практика, хотя у его истоков стояли именно психоневрологи, психиатры, земские врачи, но в первую очередь как практика социально-гуманитарная, как определенный тип терапии, выполняющий и определенные социальные и культурные функции. Практический, утилитарный интерес скрывался и за методологическими установками психоаналитических исследований. Российские психоаналитики с самого начала понимали, что основанная на психоанализе терапия имеет целью восстановить душевное равновесие индивида. Но при этом само обращение к индивиду имело для них очевидное социокультурное значение, и они шли к пациенту, осознавая, что **его проблемы имеют и общественный смысл**.

А. Залкинд был достаточно влиятельной фигурой как в своей профессиональной среде, так и в формирующемся отечественном психоанализе. При этом его интересовали прежде всего не теоретические разработки, а возможности практического применения концепции. У него был еще один путь непосредственного погружения в социальную среду — через педологию, задачи которой в 20 — 30-е годы были определены, как задачи науки о ребенке, — формировать, обучать, воспитывать нового человека. Оригинальность подхода А. Залкинда была в том, что в качестве важнейшей составляющей общего воспитания, находящейся в центре теоретических исследований и практических применений, он видел половое воспитание.

С психоаналитической концепцией Фрейда А. Залкинд, как и многие дореволюционные земские врачи, был знаком не понаслышке.

Более того, он принадлежал к группе специалистов (Ю. Каннабих, Л. Белобородов, Н. Осипов) во главе с Н.А. Вырубовым — врачом-психиатром, основателем уникального издания «Психотерапия (обозрение вопросов психического лечения и прикладной психологии)», выходявшего с 1910 года и основное направление которого можно было бы определить как психоаналитическое.

Ярким примером его непосредственного погружения в политическую практику был предпринятый Залкиндром, как он сам называл, социально-биологический анализ отрицательных сторон партии. В 1925 г. он опубликовал работу, которая называлась «О язвах Р. К. П.»³. Безусловно, называть эту работу психоаналитической было бы большой натяжкой. Да, наверное, сам Залкинд вряд ли бы согласился с таким предположением. Сам он назвал эту масштабную по замыслу, глубокую по сути и наивную по форме работу **схематической**. Кратко, резко, внятно и совсем не по-революционному — эмоционально, с горечью и болью, он демонстративно обнажает круг проблем, на которых должно быть заострено внимание партии.

Вряд ли кто с большим пониманием, нежели Залкинд, смог бы вчувствоваться в проблемы той категории людей, которых сотрясал мощный взрыв эмоций (чувствований) в совершенно новой стране, находящейся уже не в революционно-военных условиях, начавшей жить по каким-то новым законам и правилам, с какими-то своими, иными целями и задачами. А. Залкинд писал о той категории людей, которых он считал крупнейшей движущей силой революционного (и контрреволюционного) исторического процесса, эмоциональный послереволюционный порыв которых не находил применения, выхода, не встречал со-чувствия, со-понимания со стороны других. Другими были и общество, и государство, и отдельные группы людей, и отдельные индивиды. И все они должны были столкнуться и столкнулись с асексуальным поведением, как мужчин, так и женщин, растерянных и потерянных... Такие последствия были не только обозначены, классифицированы А. Залкиндром. Для него современники, включая партийную «элиту», по сути, — пациенты. И «болезни» их вызваны социальными причинами, внешними обстоятельствами, личной повседневной необустроенностью, соответствующим вытеснением, сублимированием, замещением. Здесь А. Залкинд выступал как «врач партии», проводя «ревизию» того контингента, который называл бродилом общества, вызвавшим его критическое состояние.

Еще в 1913 г. в своей сразу замеченной статье — «К вопросу о факторах, сущности, терапии психоневрозов»⁴ — в поисках при-

чин психоневротических заболеваний он концентрирует свое внимание на таком факторе психической жизни, как сексуальность. Да, соглашается он с Фрейдом — психосексуальные влечения вступают в конфликт с остальным душевным миром невротика. Но являются ли они доминирующим фактором в психической жизни индивида? И только ли здесь надо искать первоисточник страданий невротика? Ведь в таком случае весь душевный облик личности окажется выкроен по масштабу его сексуального «я». Но тогда как быть с иными факторами — питания, самосохранения, социальными факторами, наконец?

Было бы странным увидеть в А. Залкинде противника фрейдовского понимания сексуальности, но и без критико-рефлексивной оценки он его не мог принять. Определенно одно — Залкинд ставит акцент на другом, нежели Фрейд: не на сексуальном типе личности, а на сексуальной морали. Именно она, как часть общего морального склада личности, является источником невроза. Сексуальное — равноправный компонент, равноценный с другими источник морали общей. Этот тезис он проносит через все свои выступления, через все свои статьи на протяжении своей жизни.

Вместе с тем А. Залкинд был согласен, что сексуальное — отнюдь не «равноценно» другим факторам в происхождении невротических заболеваний, что оно занимает значимое место в душевной жизни индивида любого возраста. Он видел в сексуальном важную, не до конца объяснимую и тем самым — опасную силу в формировании личности, интенсивно взаимодействующую с конкретными историческими, социокультурными реалиями, практико-идеологическими запросами...

Что касается идеологически и практически дезорганизованных людей (о которых он писал в «О язвах Р.К.П.»), направлявших свою богатую эмоциональность в сторону «полового прорыва», он выделил их в отдельную, особо хрупкую, группу, и писал о том, что следовало бы озаботиться о скорейшей сублимации их эмоциональности, т.е. подумать «о переводе ее снова на революционно-творческие рельсы». Помочь надо изголодавшемуся не только «по чувственной стороне любви, но и по лирической (“эротической”) ее части, — “тоскующих в одиночестве”, любовно пришибленных и пр.». И только признание тесной связи между *«сексуальностью, в ее исчерпывающем понимании, и социальностью, и пониманием между ними глубочайшей функциональной зависимости»*, позволяет ему говорить, что один из важных вопросов гигиены, а то и партэтики⁵ (может быть, Залкинд был одним первых и немногих, кто заговорил о нужности ее, о необходимости ее разработки) как раз и состоит в том, чтобы поймать эту зависимость и управлять ими.

Можно сказать, что если бы этого очерка, вызвавшего тогда у многих неприятие, и даже агрессию, а сегодня — вызывающего легкую иронию, снисходительную улыбку, не было, то его следовало бы написать. В медицинских и психоаналитических терминах, ярко и не без художественного воображения, А. Залкинд прописывает проблемы, затрагивающие самые основы партийной работы — ее недостатки, проявляющиеся в работе с массой, характеризует их как «биологические минусы» партии и надеется на ее благоразумие, которое позволит партии не бояться обнаружить свои болячки, если не гнойники.

Почему это так важно для понимания позиции Залкинда в контексте обсуждения проблематики, которая практически полтора десятилетия, как сказали бы газетчики, не сходила с первой полосы в тот период? Годы войны и революции создали в стране фактически кризисную ситуацию в сфере, касающейся здоровья населения. А конкретно-исторический момент требовал решительного практического поворота, требовал практических рекомендаций по оздоровлению населения. Созданный в 1918 г. Наркомздрав сразу взялся за внедрение широкомасштабной программы санитарного просвещения населения, была сформирована целая отрасль санитарной пропаганды, ставившая в качестве первоочередной своей задачи половое просвещение, с которой по масштабности и значимости мало что могло сравниться. Одной из самых болезненных, тяжело поддающихся решению проблем была проблема сексуального здоровья того самого населения, которое и призвано было построить новое общество. Насколько эта задача была масштабна и важна, говорит хотя бы тот факт, что это направление санитарного просвещения вобрало в себя предписания по всем аспектам человеческой сексуальности с момента достижения половой зрелости и до последних лет репродуктивной жизни. Использовались даже самые примитивные, но точно попадавшие и эффективные на тот момент, такие просветительские техники, как плакаты. Они были понятны и брали на себя функцию «визуальной репрезентации здоровья» среди безграмотного и в значительной массе своей не совсем здорового населения⁶.

Попытки регулировать социальную политику в области сексуальности, задачи перестройки «половых отношений» совершенно естественно вплелись в общую задачу построения нового общества новыми людьми⁷. В партийной печати по этому вопросу выступали первые лица государства, партии, представители различных общественных организаций, в том числе и женских.

Таким образом, выступление Залкинда в середине 20-х годов с серией программных работ по вопросам полового воспитания отнюдь не было случайным. То, что после выхода статьи «Поло-

вой вопрос и красная молодежь СССР» по просьбе различных просветительских организаций, в частности, московского пролеткульта, Залкинд публикует очерки «О классовом подходе к половому вопросу» и «О нормах полового поведения с классовой точки зрения» не было и не могло быть делом частным. И длившиеся два года дискуссии по половым вопросам по этим материалам – еще одно тому подтверждение. Все эти публикации вызвали мгновенную и неоднозначную реакцию. В «Правде» (1924, № 241; 1925, №187; 1926, № 20), в «Известиях ЦИК СССР» (1925, № 1), в «Красной молодежи» (1925, № 1), в «Книгоноше» (1925, № 42) незамедлительно появляются рецензии, и то, что отклики носили в большей степени критический характер, и что именно так строились дискуссии в этот период, было естественно. Темы дискуссий ведь не были придуманы или надуманы, и далеко не все диспутанты были искушенными спорщиками, не все могли похвастаться знаниями истории и теории вопроса, и вряд ли готовы были со всей глубиной и ответственностью рассуждать о половом воспитании.

Предпринятая Залкиндром попытка выработать новую, марксистскую модель полового поведения опиралась на идеологическую позицию, согласно которой не должно было в новых условиях ограничиваться старыми неврологическими толкованиями того, что происходит в «организме молодежи». Иными словами, разъяснял Залкинд, нельзя подходить к нервно-психическим процессам у молодых людей исключительно с «докторским молоточком и микроскопом, без всестороннего учета совершенно нового содержания среды, ее окружающей, без анализа внутреннего содержания ее совершенно специфических, неизвестных пока неврологии, переживаний»⁸. Эта позиция была сформулирована еще резче: «Октябрьская революция проделала чрезвычайно сложную ломку в идеологии масс, достаточно сложные сдвиги вызвала она и в психофизиологии. Меняющаяся социальная среда изменяет не только сознание, но и организмы»⁹.

Залкинд никогда не был абстрактным теоретиком, не был он и фигурой молчаливой – его выступления на съездах, конференциях – психологических, педологических, были яркими, эмоциональными и, при всей видимой горячности, они были жестко структурированы. Эта черта проявлялась везде и во всем, о чем бы ни шла речь. Впрочем, если быть точным, речь всегда шла об одном и том же. На протяжении всей своей практической деятельности свое предназначение врача – и в прямом и в метафорическом смысле – он выполнял не просто добросовестно, он жил этим, и жил этой жизнью вместе со своим «контингентом» со всеми его проблемами.

В 1926 г. Залкинд читает курс лекций по половому вопросу на центральных педологических курсах при Наркомпросе. Матери-

ал этих лекций накапливался долгие годы, как пишет он сам, с 1919 г., и читался среди широких педагогических и врачебно-педологических кругов. По настоянию Отдела подготовки персонала Наркомпроса он объединяет их и издает отдельной книгой под названием «Половое воспитание».

Как проводить половое воспитание? Как связать половое воспитание с учебно-воспитательной работой? Как быть со школьным флиртом, с детским кокетством, с влюбчивостью ребят, с их онанизмом, порнографией, с вопросами на половые темы? Каково место врача в области полового воспитания, каковы его права и обязанности в этой ответственной части педологии? Отвечая на эти наиболее часто задаваемые вопросы, Залкинд пишет:

а) Нет особого, специального полового воспитания, оторванного от обычной учебной и воспитательной работы.

б) Нет ни одного момента учебно-воспитательной работы, где бы ни включался в той или иной степени элемент полового воспитания.

в) Нет ни одного возраста детства, где в той или иной степени не учитывался бы среди других факторов воспитания также и половой фактор»¹⁰.

Так на что же, по мнению А. Залкинда, следует обратить внимание? На то, что *предвестники* половой жизни появляются у ребенка *зادолго* до того периода, когда он уже вполне созревает в половом отношении. На то, что следует учитывать болезненные отклонения в половом поведении детей в разные этапы его развития, особенно в переходный. На то, что серьезным фактором формирования полового поведения являются чуть ли не все дисциплины – обществоведение, естествознание и смежные с ним науки, искусство, а также труд, физическая культура, пионерская работа и пр.

Все эти вопросы могли бы быть заданы именно в такой формулировке и сегодня. Впрочем, и ответы на некоторые базовые вопросы мы могли бы найти, предварительно «профильтровав» – не будем считать, сколько раз менялись за это время лики страны, менялся «контингент» – в его работах. Мы – это педагогические работники и родители, мы – это чиновники и врачи, мы – это сексологи и психологи, мы – это просто рядовые рода человеческого. Что же мешает сегодня взяться за развитие этой темы?

В конце 1923-го года А. Залкинд писал: «Марксистский пересмотр психофизиологии, психофизиологическое обоснование марксистской педагогики, биологический анализ РКП(б), основы коммунистической этики, сексуальности и пр. – вот вопросы, прорабатываемые мною сейчас... В этой же области знания у меня очень крупные и вполне оригинальные... и перспективы научных открытий в этой области у меня большие. Только бы успеть».

ПРИМЕЧАНИЯ

НОВЫЕ ФАКТЫ О А.Б. ЗАЛКИНДЕ*

- ¹ См., в частности: *Лейбин В.М.* Репрессированный психоанализ: Фрейд, Троцкий, Сталин // Российский психоаналитический вестник. 1991. № 1. – С. 32 – 55; *Пружинина А.А., Пружинин Б.И.* Из истории отечественного психоанализа (Историко-методологический очерк) // Вопросы философии. 1991, № 7. – С. 87 – 108; *Овчаренко В.И., Лейбин В.М.* Антология российского психоанализа. Т. I – II. – М., 1999; *Пружинина А.А., Пружинин Б.И.* Психоанализ в России – между прошлым и будущим // Вопросы философии. 2000. № 10. – С. 20 – 26; *Маглыш И.В.* Почему запрет? О причинах сопротивления психоанализу в Советской России // Часопис. 2005. № 1 (6). – С. 111 – 124; *Психоанализ: новейшая энциклопедия / Сост. и общ. ред.: В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов.* – Мн.: 2009.
- ² См.: *Психологический журнал.* 1989. № 2.
- ³ См.: *Залкинд А.* О язвах Р.К.П. // Вопросы философии. 1991. № 7.
- ⁴ См.: *Залкинд А.* К вопросу о факторах, сущности, терапии психоневрозов // Психотерапия (обозрение вопросов психического лечения и прикладной психологии). 1913. № 1 – 6.
- ⁵ См.: *Партийная этика: Дискуссии 1920-х годов.* – М., 1990.
- ⁶ См. подробнее: *Бернштейн Ф.Л.* Представления о здоровье в революционной России: гендерная политика в плакатах по половому просвещению в 1920-е годы // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. – М., 2009. – С. 215 – 244.
- ⁷ Подробнее см.: *Пушкарев А., Пушкарева Н.* Ранняя советская идеология 1918 – 1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920-х – 1930-х годов: идеология и повседневность. – М., 2007. – С. 199 – 227.
- ⁸ *Залкинд А.* Революция и молодежь. – М., 1925. – С. 5.
- ⁹ *Залкинд А.* Половой вопрос в условиях советской общественности. – Л., 1926. – С. 8.
- ¹⁰ *Залкинд А.* Половое воспитание // *Залкинд А.* Педология. Утопия и реальность. – М.: АГРАФ, 2001. – С. 143.

Аннотация

В 20-е годы Залкинд предпринимает попытку построения модели полового воспитания. Он предлагает регулировать социальную политику в области сексуальности, встроить задачи перестройки «половых отношений» в общую задачу построения нового общества новыми людьми.

Ключевые слова:

Сексуальная мораль, половое поведение, психоанализ, педология, психоневрология, Залкинд.

Summary

In twenties, Zalkind tried to build up a pattern of sex education. He suggested that the social politics concerning sexuality should be regulated to integrate the tasks of refurbishing of «sexual relationship» into general task of making of a new society by new people.

Keywords:

Sexual morals, sexual behavior, psychoanalysis, paedology, psychoneurology, Zalkind.

С.Н. КОРСАКОВ

Аарон Борисович Залкинд, главный теоретик отечественной педологии и ведущий идеолог советского фрейдизма, был лидером советской психологии 1920-х гг. Но, говоря словами Юрия Тынянова, «время вдруг переломилось; раздался хруст костей» и «перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой»¹. А.Б. Залкинд умер от инфаркта выйдя на улицу с собрания, где возвещали постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов».

Нельзя не отметить, что ему повезло со смертью. «Известия» даже поместили траурную рамочку по случаю его кончины². Похоронен он был на Новодевичьем кладбище, неподалеку от могилы своего оппонента Льва Семеновича Выготского³. Безусловно, А.Б. Залкинду была уготована иная смерть – пуля в застенке и безымянная могила. Но преднамеренное, организованное забвение настигло его и очень скоро. Работы по педологии и психоанализу изымались из библиотек, статьи вырывались из журнальных подшивок, имя ученого было облито грязью. Он стал символической фигурой для бичевания, подобно И.И. Рубину в политэкономии, М.Н. Покровскому в исторической науке, Е.Б. Пашуканису в правоведении, А.М. Деборину в философии. Кстати, Залкинду припомнили и его близость с «диалектиками», деборинцами. Так, директор НИИ психологии и зав. сектором диалектического материализма Института философии В.Н. Колбаковский клеймил «псевдомарксистские теории психологии, созданные нашими доморощенными “теоретиками”», подчеркивая, что «в особенности это относится к работам Залкинда, Франкфурта, Сапира, Куразова и других, примыкавших вплотную к “теоретикам” меньшевистствующего идеализма»⁴.

Потом имя А.Б. Залкинда просто было запрещено упоминать. Красноречивый пример: третье издание фундаментальной «Истории психологии» М.Г. Ярошевского вышло в 1985 году, в канун перестройки. Оно было специально расширено за счет материалов по истории советской психологии 1920-х годов. Имя Залкинда там не названо вообще! Можно себе представить, каких трудов стоило историку психологии писать о 1920-х гг., всячески обходя имя главного действующего лица советской психологии тех лет.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «История Института философии РАН: идеи и люди (1929 – 1931)», грант № 09-03-00611а.

Только в начале 1990-х годов началось возвращение А.Б. Залкинда в отечественную науку. В 1990 г. была переиздана, пожалуй, самая известная работа Залкинда «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата»⁵. В том же 1990 г. А.М. Эткинд в «Вопросах психологии» назвал А.Б. Залкинда «организатором и общепризнанным лидером советской педологии, практически забытым сегодня». Эткинд кратко, но достаточно информативно прослеживает творческий путь Залкинда, особенно выделяя его роль в руководстве научными съездами тех лет. Верно показана трагедия глубокого ученого, искренне вовлеченного в атмосферу социальных преобразований⁶.

Психоаналитические работы А.Б. Залкинда, как дореволюционные, так и советские, подробнейшим образом проанализировали А.А. Пружинина и Б.И. Пружинин в 1991 г. на страницах журнала «Вопросы философии»⁷. Исследователи воссоздали идейный и социальный контекст появления этих работ Залкинда, в особенности публикаций 1920-х гг. 1920-е годы – время острых дискуссий и широкого плюрализма школ и направлений в советской психологии, открывали перспективу создания фрейд-марксизма на отечественной почве. Совершенно верно авторы определяют 1930-й год как точку насильственного обрыва научных и философских поисков в советской психологии, «когда характер общественно-исторической практики в стране изменился круто и однозначно, когда бессмысленным и ненужным сделался и вопрос о личности, и вообще проблема человеческой субъективности»⁸.

В приложении к статье была перепечатана знаковая работа А.Б. Залкинда «О язвах Р.К.П.»⁹. В 1993 г. содержательная статья о А.Б. Залкинде появилась в первом томе «Российской педагогической энциклопедии»¹⁰. В статье были критически раскрыты основные психоаналитические и педологические идеи Залкинда. В 1994 г. в подготовленном В.М. Лейбиным сборнике «Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль» была воспроизведена статья А.Б. Залкинда «Фрейдизм и марксизм»¹¹. Библиографические описания дореволюционных публикаций А.Б. Залкинда можно найти в указателе по русским журналам, составленном А.А. Ермичевым¹².

В 2001 г. в издательстве «Аграф» в серии «Символы времени» вышел сборник педологических работ А.Б. Залкинда¹³. Автор вводной статьи К. Фараджев подчеркивает утопизм исканий А.Б. Залкинда¹⁴. Педологию Залкинда он интерпретирует не просто как комплекс научных идей, но видит в ней поэтику, отражающую научно-революционное мироощущение. С. Степанов в опубликованной в Интернете рецензии на эту книгу счел подбор представленных в сборнике работ А.Б. Залкинда неудачным¹⁵. Наиболее одиозные из его сочинений ныне создают его окарикатурен-

ный облик. С. Степанов совершенно справедливо утверждает, что «современные психологи до обидного мало знают об этом интересном человеке, который по праву может быть назван одной из ключевых фигур в становлении отечественной психологии в первой трети XX века. Его личная и научная судьба глубоко противоречива и драматична, а по-своему и поучительна». Отклик С. Степанова фактически являет собой весьма краткий, но интересно написанный популярный очерк, благодаря которому заинтересованный читатель может составить первое и в целом верное представление о Залкинде.

Идеи и сама личность А.Б. Залкинда оказались настолько «затемнены», что уже в наше время, когда наконец-то стали издавать его работы, возникли трудности с установлением фактов его биографии и поиском его изображения. С. Степанов в своей рецензии обреченно констатирует: «Биография Арона Борисовича Залкинда нам известна лишь в ее основных вехах, которые даже не всегда удается достоверно датировать. Безуспешными оказались и поиски хоть какого-нибудь его портрета, – похоже, ни одного и не сохранилось. Так, в собственноручно заполненном Залкиндром личном листке, хранящемся в архиве МПГУ им. Ленина (в этом вузе, именовавшемся в ту пору 2-м МГУ, он несколько лет работал), фотография отсутствует. Зато точно указана дата рождения – 5 июня 1889 года. Ту же дату находим и в первом издании Большой Советской Энциклопедии, где Залкинду посвящена персональная статья. Впоследствии почему-то приводилась другая дата – 1888 год. В недавно изданном справочнике “Российские психоаналитики” указан 1886 год. Уточнить ее сегодня уже не представляется возможным. А день его смерти и вовсе не известен. Умер он в июле 1936 года от обширного инфаркта – по одной из романтических версий, прямо на улице, возвращаясь с партсобрания, на котором было оглашено постановление “О педологических извращениях...”. В какой день это произошло и вообще так ли это было на самом деле – мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Вместо скорбно-патетических некрологов ему вослед прозвучала ангажированная статья с критикой его личных “педологических извращений”. Не сохранилось никаких свидетельств и воспоминаний о личности этого человека»¹⁶.

С. Степанов верно обозначил реальные трудности в реконструкции биографии А.Б. Залкинда. Но искусный поиск позволяет продвинуться вперед даже в практически безнадежном вопросе. День смерти Залкинда можно приблизительно определить по некрологу «Известий», который, как мы видели, все же был опубликован.

Арон Залкинд

Фотографию А.Б. Залкинда нам удалось найти. Она была опубликована в ленинградском журнале «Человек и природа» в обзоре, посвященном Всесоюзному съезду по изучению поведения человека (Ленинград, 1930), съезду, ставшему апогеем его научной деятельности¹⁷. Вот, например, как оценивался тогда доклад Залкинда на этом съезде: «Центральное место в серии этих докладов занимает несомненно доклад проф. Залкинда. Построенный на учете всей имеющейся в настоящее время русской и иностранной литературы по данному вопросу, а также на значительном фактическом материале, имевшемся в распоряжении докладчика, этот доклад явился не

только синтезом всего того, чем в настоящее время располагает педология в области изучения детского коллективизма, но и выдвигающим целый ряд новых проблем. Докладчик намечает пути, по которым должны пойти дальнейшие исследования в этой области»¹⁸. Мы воспроизводим эту никогда с тех пор не публиковавшуюся фотографию.

Что касается биографических сведений, то их поиск за 1920-е – 1930-е гг. в архиве вуза – ход вполне естественный, но малоперспективный. Значительно более результативной оказывается применение нестандартной поисковой технологии – обращение к партийным архивам. В бывшем Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – ныне Российском государственном архиве социально-политической истории, имеется на хранении личное дело А.Б. Залкинда¹⁹. Оно было оформлено в первой половине 1920-х годов, т.е. тогда, когда союз психоневролога Залкинда с Советской властью был наиболее близким и искренним с обеих сторон. В деле отложились собственноручно заполненный Залкиндом **личный листок**, собственноручно написанная автобиография, а также характеристика, данная ему ЦК профсоюза работников просвещения. Правда, вопрос о годе рождения документы не прояснили, так как в личном листке значится одна дата, а в автобиографии – другая.

Автобиография Аарона Борисовича – чрезвычайно интересный и отнюдь не формальный документ. При всем том, что текст был написан для вышестоящих партийных начальников, что, безусловно, накладывало свой отпечаток, автобиография Залкинда – интеллектуальный самоанализ, рассказ о духовных исканиях, раскрывающий мотивы его поступков, внутреннюю логику его жизни. **Характеристика** на Залкинда – интересный образчик восприятия ученого доброжелательно относящимся к нему партийцем. Частично разрешает она проблему «свидетельств и воспоминаний».

Предлагаем названные документы вниманию читателя. Почерк Залкинда весьма необычен, поэтому публикация сопровождается специально проделанным психолого-графологическим анализом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тынянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара. – М., 1988. – С. 3.
- ² См.: Известия. 1936. 17 июля.
- ³ См.: Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал. – М., 1995.
- ⁴ Колбановский В.Н. Так называемая педология // Фронт науки и техники. 1936. № 12. – С. 93.
- ⁵ См.: Залкинд А.Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Философия любви. Т. 2. – М., 1990. – С. 334 – 355.
- ⁶ См.: Эткинд А.М. Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 1920-х годов // Вопросы психологии. 1990. № 5. – С. 17 – 20.
- ⁷ См.: Пружинина А.А., Пружинин Б.И. Из истории отечественного психоанализа // Вопросы философии. 1991. № 7. – С. 87 – 108.
- ⁸ Там же. – С. 102.
- ⁹ См.: Залкинд А.Б. О язвах РКП (схематическая, частичная попытка социально-биологического анализа отрицательных сторон партии) // Вопросы философии. 1991. № 7. – С. 109 – 114.
- ¹⁰ См.: Залкинд Арон Борисович [5(17).6.1888, Харьков, – июль 1936, Москва] // Российская педагогическая энциклопедия. Т. 1. – М., 1993. – С. 320 – 321.
- ¹¹ См.: Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / Сост. В.М. Лейбин. – М., 1994. – С. 145 – 167.
- ¹² См.: Философское содержание русских журналов / Сост. А.А. Ермичев. – СПб., 2001.
- ¹³ См.: Залкинд А.Б. Педология: Утопия и реальность. – М., 2001.
- ¹⁴ См.: Фараджеев К. Педология А. Залкинда и миф о преобразовании человека // Там же. – С. 5 – 18.
- ¹⁵ Степанов С. Заблудившийся революционер // <http://psy.1september.ru>
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ А. Б. Науку и поведение человека на службу социалистической реконструкции // Человек и природа. 1930. № 4. – С. 47 – 49. Фото А.Б. Залкинда на с. 48.
- ¹⁸ Вольберг В.Я., Левина М.А. Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Человек и природа. 1930. № 6. – С. 29.
- ¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 17. Опись 100. Дело 2945.

Аннотация

А.Б. Залкинд – лидер советского фрейдизма 1920-х гг. Его работы были осуждены в 1936 г. Его жизнь и творчество малоисследованны. В публикации приводятся новые документы, в которых отражена творческая биография А.Б. Залкинда.

Ключевые слова:

Русский психоанализ, А.Б. Залкинд, архив.

Summary

A.B. Zalkind – the Freudianism leader of 20th years XX century. His works have been condemned in 1936. His life and creativity are scantily explored. In this article new documents in which A.B. Zalkind's creative biography is reflected are resulted.

Keywords:

Russian psychoanalysis, A.B. Zalkind, archive.

АВТОБИОГРАФИЯ

14/IX 1923 г.

Аарон Борисович Залкинд
Член ЦК Всеработпроса

Родился в 1888 г., Харьков. Отец – приказчик, последние 8 – 10 лет жизни разъездной приказчик, живший 3/4 времени врозь с семьёй. Мать подрабатывала шитьём белья. Всё детство – тяжёлая нужда, непрерывная борьба за право учиться, право жить в русских городах. Отца несколько раз арестовывали и высылали за «неправильную прописку». Эта борьба доконала отца – в 49 лет умер от разрыва сердца. Мать в итоге передраг – полудушевнобольная. Нас семеро детей, – все с 12 – 13 лет самостоятельны, зарабатывают мелкими уроками (у всех хорошие способности). У всех испорченные сердца или лёгкие. У меня в 34 года сердце и аорта увеличены почти в 1,5 раза, грубо – ранний склероз сосудов – эффект «спокойной» жизни.

Идеологически начал осознавать себя с 10 – 11 лет. Сначала религиозный уклон (влияние отца), 12 – 14 лет – философские интересы, с 15 лет – начало серьёзных общественных интересов и тяготение к марксизму. С 1903 г. участвовал в подпольных кружках Костромской социал-демократической организации, с середины 1904 г. руководил двумя рабочими кружками (фабричный и еврейских ремесленников) и двумя ученическими; учился в это время в Костромской гимназии. Был председателем ученической революционной организации в это время в Костроме, и «начальником штаба» боевой ученической дружины (1904 – 06 гг.). Был исключён из гимназии, но т.к. я работал сравнительно секретно и, кроме того, видимо, боялись восторжествовать учеников – к выпускным экзаменам был допущен.

1906 – 07 гг. – студент; участие в студенческих марксистских кружках, при наездах в Кострому 2 – 3 раза был использован для докладов по истории философии на учительских (подпольных) конференциях. Все эти годы (1903 – 07 гг.) был вне партии (дикий). Осенью 1907 г. – зимой 1908 г. – тяжёлый невроз, убивший на время работоспособность, бодрость, сон: истерический паралич глотания и пр. Возможно, что это был отзвук политической реакции, но я был тяжело и клинически болен.

1908 – 14 гг. – непрерывная научная, исследовательская работа. В 1911 г. кончил в Москве медицинский факультет; жил в это время материально – отвратительно. Кончив, поступил на службу врачом в санаторий. Вся сумма моих идеологических, научных и прочих интересов устремилась в сторону анализа механизмов психологической жизни. Ещё студентом был организатором и председателем криминально-психологического кружка (объединившего юридический и медицинский факультеты), гипнотического кружка, психоневрологической секции Студенческого медицинского общества и т.д. Сделал за это время несколько самостоятельных научных докладов.

Открытия конца XIX и начала XX века в области психологии (Жане, Фрейд, Адлер, гипнология и др.) произвели во мне резкий перелом.

Психология и психопатология сделались моей страстью в полном смысле. Но не самодовлеющая жажда исследования тянула меня, практика была моей целью: ещё с детства основная мечта моя – перевоспитать человечество. Сознаю, что в 1903 – 07 гг. причиной моего включения в революционную работу были главным образом философско-воспитательские (конечно, с политическим налётом) чаяния, экономическая же подпочва общечеловечности тогда меня ещё мало занимала. И в этой (1908 – 11 гг.) научной работе воспитательские цели стояли впереди всего. Потому я и стал «психотерапевтом», потому я и ненавидел частную врачебную практику, т.к. перевоспитывать всё нутро человека и брать за это гонорар – было очень уж несовместимо.

1911 – 14 гг. – напряжённая научная работа, сделано 5 – 6 больших докладов, напечатаны три довольно крупных статьи, самостоятельных вполне; психологические процессы расшифровывались пред мною всё глубже, – но, должен сознаться, что мирозерцания тогда у меня ещё не было. Общественные интересы и научные интересы ещё не синтезировались. Видимо, инстинктивно меня тянуло на все 100 % отдаться исследованию, чтоб потом уже и общественно развернуться. Дальнейшее подтверждает это.

1914 – 17 гг. – фронт, военным врачом, – огромные массовые впечатления. Не «теоретическая» психика находилась передо мной и не отдельные экземпляры человечества, а человеческие массы, давшие мне совершенно новые впечатления. Без книг (на фронте) я пытался «обобществить» мои психологические знания, связать мою «психологию» с социологией. Инстинктивно мне это сравнительно удавалось, но лишь в 1917 – 18 гг., попав в тыл, получив книги, я сумел добиться идеологического синтеза и сделался оформленным марксистом. Мой детский марксизм 1903 – 07 гг., плюс психологическая нагрузка 1908 – 14 гг., плюс социально-психологическая нагрузка 1914 – 17 гг., углублённые впечатлениями февральского и октябрьского переворотов и марксистской литературой вылечили меня от социологической наивности. Моя психология сделалась органической, неотъемлемой частью общемарксистского миропонимания, что я и сформулировал в своём докладе в начале 1919 года в Петроградском психотерапевтическом институте: «Биология, революция и воспитание» (*напечатан*).

Февральский переворот резко встряхнул меня. Несмотря на наивность в разрешении социально-политических проблем за это время, я всё же инстинктивно чувствовал, что оставив фактическую власть в руках офицерства и кадетов, мы погубим всё, и поэтому, разъезжая по дивизиям Северного фронта (главным образом 1-й армии) в качестве представителя от вновь организованного Союза врачей, я тщательно старался рядом с врачами организовывать также и сестёр, фельдшеров, чтобы скренить весь фронт влево. В Главном военно-санитарном совете, куда я вошёл представителем от 1-й армии, я занимал крайнюю левую позицию (считался большевиком, т.к. «якшался» с фельдшерской организацией и санитарями) и после бес-

полезной попытки сломить упорство коллег в августе ушёл из Совета, который, кстати, в первые же дни после Октября был разогнан.

Инстинктивно я чувствовал, что агрессивность большевиков мудра, но, будучи беспартийным, изолированный от партийных группировок, я плохо разбирался в интимных корнях политической стратегии. Глубоко убеждён, что будь у меня несколько товарищей большевиков, я тогда же включился бы активно в переворот. Доказательство — смелость, с которой я порвал резко и на фронте и в Питере (март — август 1917 г.) с моими кадетски-меньшевистскими коллегами. Небольшого толчка было бы достаточно, но затерявшийся в революции одинокий человек, не имеющий ни одного партийного приятеля, этого толчка получить не мог.

1918 г. — непрерывный рост моего политического и общемарксистского сознания. Белые восстания, отрыв интеллигенции окончательно меня вразумили. Случайная встреча с М.П. Кристи (друг т. Луначарского, ведавший тогда высшими учебными заведениями и научными учреждениями в Питере) ускорила моё отрезвление — я вступил в борьбу с интеллигентской реакцией, бросился на учительские собрания, к студенчеству, выступил с докладами, где пытался научно систематизировать свой перелом («Интеллигенция и революция», «Медицина и классовая борьба» и т.д.), включился в работу и с осени же 1919 г. получил заведывание Питерским отделом рабочих факультетов. Рабфаковцы, среди которых было 30 % коммунистов, называли меня своим «вождём». Мой отрыв от научной работы, разрыв с учёной корпорацией, «гибель» моей академической карьеры (мне предстояла кафедра) произвела на питерскую психоневрологическую профессию впечатление сумасшествия. Для меня же это было логическим развитием и обретением теоретического и общественного опыта. Психологические знания и марксистская социология замкнули круг, выход из которого был лишь в непосредственной политически-практической работе. Ясно было, что перевоспитать человечество можно лишь в процессе революционной борьбы — надо, значит, помочь общей победе революции.

1919, 1920, 1921 гг. — непрерывная работа общественная: 1920 г. — член ЦК Всероссийского союза работников просвещения, зам. зав. отделом рабочих факультетов Наркомпроса; 1921 г. — заведовал двумя отделами в ЦК Союза — большая литературная (профсоюзная) работа, политические выступления. Над своей «беспартийностью» я как-то до осени 1920 г. не задумывался. Мне партия доверяла, на собраниях коммунистической фракции допускали, ответственную работу вёл, и привыкши ещё с 1903 — 07 гг. к беспартийному бытию, я не испытывал этого отягощения: при моих выступлениях меня считали коммунистом. Но входя всё глубже и глубже в партийную работу, слыша дискуссию, познакомившись с группировками, я постепенно понял, что стоять вне партии — значит быть оторванным от живого организма, лишиться его воспитывающего влияния, и осенью 1920 г. я заявил о своём стремлении. Техническая волокита позволила мне

получить партбилет лишь с началом 1921 г. При чистке за партийную молодость я был переведён в кандидаты на год (I 1922 — I 1923), восстановлен Замоскворецким райкомом, но вследствие решения XII партсъезда оставлен всё же кандидатом до XIII партсъезда.

Конец 1921, 1922 и 1923 гг. — новый этап. Предыдущая научная работа и широкая общественная работа 1919 — 21 гг. связались. Моя «психология» превратилась в социальную психологию (или социальную физиологию), социология внедрилась в мои психофизиологические изыскания. Началось это ещё, как я указывал, на войне (1915 — 17 гг.), оформилось в 1918 г. (сформулировал отчётливо уже в докладе в январе 1919 г. — см. выше), но полное завершение нашло в 1921 — 22 гг., когда я параллельно общественной работе снова кинулся к научной систематизации своих впечатлений. По вопросам профессионального движения, политработы, коммунистической педагогики и марксистской психофизиологии много печатался в «Труде», «Правде», «Вестнике труда», «Работнике просвещения», «Призыве» и др. (1920 — 23 гг.).

Марксистский пересмотр психофизиологии, психофизиологическое обоснование марксистской педагогики, биологический анализ РКП(б), основы коммунистической этики, сексуальности и пр. — вот вопросы, прорабатываемые мною сейчас (см. материалы в выходящей очень скоро моей книге «Очерки культуры революционного времени»). В этой же области, считаю, лучше всего бы было меня и партийно использовать, так как, с одной стороны, у меня очень тяжёлое заболевание сердца и сосудов, оставляющее для жизни небольшой срок (наследственное отягощение, нужда детства и студенческих лет, фронт, питерский голод, напряжённые идеологические искания и пр.), и надо его продуктивно использовать. В этой же области знания у меня очень крупные и вполне оригинальные (кафедра мне предстояла ещё в 1918 — 19 гг.) и перспективы научных открытий в этой области у меня большие. Только бы успеть.

А. Залкинд

Источник: Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 17. Опись 100. Дело 2945. Листы 5 — 7.

**ЦК РКП (б-ов)
Учётно-распределительный отдел
Личный листок**

Фамилия — Залкинд. Имя Отчество — Аарон Борисович.
Год рождения — 1889 г. Национальность — Из евреев.
Родной язык — Русский. На каких языках ещё свободно а) говорит, б) пишет — Читаю по-французски и по-немецки.
Какие местности РСФСР хорошо знает — Обе столицы.

Социальное положение (прежнее сословие, звание, состояние и т.п.) — Отец из мелких мешан.

Основное занятие, дающее средства к существованию (до Октябрьской революции) — 1906 — 1911 гг. студент — уроки; с 1911 г. служил ординатором в санатории и занимался научной работой; в 1914 — 1917 гг. врачом на войне; в 1917 — 1919 гг. в Психотерапевтическом институте — врач и научная работа; 1919 — 1923 гг. в качестве научного работника, преподавателя высшей школы, методиста. Специалист в вопросах научной психологии, работал и как прикладник, и как педагог, и как общественник.

Профессия — Кончил медицинский факультет как психиатр; научный работник в области психологии и педагогической психологии в качестве такового работал и работаю в ЦК Союза работников просвещения, Наркомате просвещения.

Семейное положение (сколько членов семьи при себе; из них нетрудоспособных на иждивении) — Мать 60 лет, жена 33 лет (хронический нефрит), дочь 11 лет.

Образование (где учился, окончил ли курс) — Медицинский факультет, 1911 г.

Служил ли в армии — Военный врач в 1914 — 1917 гг. Когда демобилизован — С 1917 г.

Был ли за границей — Нет.

Какой партийной организацией принят в члены РКП (большевиков) — Принят Городским райкомом Москвы в конце 1920 г. (по билету с апреля 1921 г.), затем при чистке (27 января 1922 г.) на год кандидатом до 17 января 1923 г.

Если участвовал в революционной работе до 1917 г., то где, в какой области работы, как долго — Гимназистом, студентом (1903 г. — начало 1907 г.) в ученических и рабочих кружках Костромы. С января 1917 г. по сентябрь 1917 г. — один из организаторов Союза медицинских работников.

Подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции — Мелким наказаниям предостерегающего характера в гимназии (условное исключение и пр.).

Физические недостатки — Большое сердце (миокардит), сильно близорук.

Теоретическая подготовка (марксистская) — Общемарксистская: самообразование достаточно широкое (руководил марксистским кружком, есть статьи по общим вопросам); но основная квалификация — применение марксистского метода к вопросам психологии и педагогики, работа, на которую делегирован полгода назад Оргбюро ЦК (в Институте коммунистического воспитания за это время проделана большая теоретическая работа в виде научных докладов).

Партийная работа с 1917 г. — 1) По поручению парторганизации работаю постоянно лишь с этого, 1922 года (руковожу марксистским кружком); выполнял довольно часто эпизодические поручения с 1919 г. (избирательная кампания, инструктивные доклады, статьи и

пр.). 1920 — 1922 гг. почти исключительно профсоюзная работа — руководство отделом ЦК Союза работников просвещения, много статей в профсоюзной печати и пр. 2) Партработой же, по постановлению Оргбюро ЦК, считается моя научная работа по Институту коммунистического воспитания, отнимающая, по существу, 3/4 моей нервной энергии и времени, и в которой я наиболее силён.

Остальная (кроме партийной) работа с 1917 г. — 1) 1917 — 1919 гг. — заведующий Петроградским психотерапевтическим институтом; 2) 1919 — 1921 гг. — заведующий Петроградским рабочим факультетом и заместитель заведующего отделом рабфаков Наркомпроса; 3) 1920 — 1922 гг. — заведующий отделом организации и культотделом ЦК Всероссийского союза работников просвещения; 4) 1922 — 1923 гг. — преимущественно академическая работа: Институт коммунистического воспитания: «марксизация психологии и педагогики» (см. «Материалы» Института); курс введения в коммунистическую педагогику на Высших народных педагогических курсах; методическая работа в ЦК профсоюза работников просвещения. Последнее (пункт 4) — наиболее рациональная форма использования меня.

Кроме того, указать главнейшую работу, не связанную с исполнением той или иной должности — Инструкторские доклады и статьи в профсоюзной и педагогической печати, проработка научно-педагогических вопросов в коммунистическом разрезе в комиссиях Государственного ученого совета, на конференциях и т.д.

Дополнительные замечания — Полагаю (по печатным работам, накопившемуся материалу, уклону моей исследовательской работы последних лет), что обладаю серьёзными научными возможностями, вполне самостоятельными, в области построения марксистской педагогической психологии. Было бы жаль, если бы никем научно-исследовательски не обслуживаемая область не поглотила меня целиком. Тем более, что вряд ли меня в этом деле можно сейчас заменить.

А. Залкинд. 1923 г.

Дополнение к личному листку

1/X 1920 г. — 1923 г. Москва. ЦК Рабпрос. Член ЦК, инструктор организационного отдела.

1922 г. — 1923 г. Москва. Академия коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. Профессор.

1923 г. — II 1925 г. Москва. ЦК Рабпрос. Член Президиума.

Оргбюро ЦК 12/XII 1924 г. утверждён членом Правления Госмедторгпрома.

До 26/XII 1931 г. Москва. Институт психологии. Директор.

Снят с учёта. 1934 г.

Источник: Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 17. Опись 100. Дело 2945. Листы 1—4-об.

ЗАЛКИНД А.Б.¹

При наличии большой теоретической инициативы является одним из крупнейших своеобразных теоретиков марксистской подготовки, каких немного в России. В этом отношении может быть использован на более и вообще на сколь угодно ответственной работе. Несомненно имеет серьёзное марксистское образование, но слишком отвлечённое, теоретическое, чтобы правильно и просто разбираться, например, в политической обстановке.

Тов. Залкинд имеет много печатных трудов, совершенно самостоятельных, иногда очень сложного научного содержания. Владеет в совершенстве пером, легко пишет: несомненные способности серьёзного научного журналиста. При наличии столь большой теоретической подготовки отличается отсутствием умения руководить практической работой, администрировать. Однако организационные способности имеются, но только в области теоретической работы. Политическая устойчивость несомненна, и проистекает она из глубокой продуманности коммунистического мирозерцания. В меру своих особенностей энергичен. Дисциплинирован, настойчив и систематичен в проведении раз уже принятых решений, но умеет согласовывать свои решения с волей большинства партколлектива. Уменьше же владеть собой не всегда отличается. Ошибки свои признаёт охотно, если в них убеждается; в этом отношении очень честный к себе человек. Отношение к товарищам безукоризненное, к подчинённым безусловно хорошее с точки зрения человеческих отношений, но не с точки зрения административной, где интересы дела стоят на первом плане.

Наклонности к склоке или группировкам нет. Основным достоинством, делающим его совершенно незаменимым, является большая квалифицированность в области научной психологии и педагогики.

Врач-невропатолог по образованию, педагог по призванию, партизек — по убеждению. На работе ближе к массам использовать не рационально, он слишком кабинетный человек. Основной недостаток — некоторая нерешительность, неуверенность в себе и в правильности своего мнения, способность часто ошибаться в практических вопросах и несомненная кабинетность его во всём складе его натуры.

Ответственный секретарь
бюро ЦК Всероссийского союза работников просвещения
А. Коростелев

Источник: Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 17. Опись 100. Дело 2945. Листы 10–10-об.

¹ Характеристика.

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» БЕЗ ФУТЛЯРА Графологический портрет

Всякий идет туда, куда ведут его наклонности.
А.П. Чехов. Чайка

Ю.С. ПЕТРОСЯН

Введение

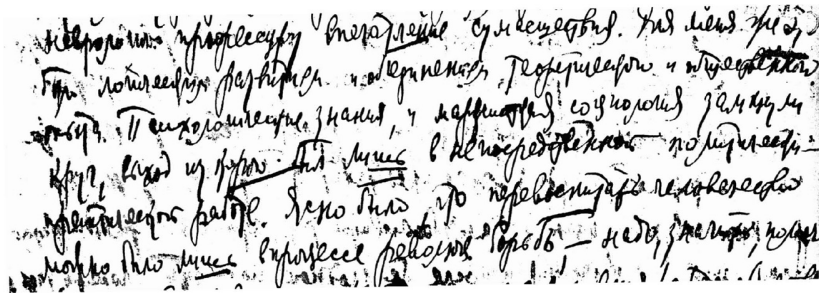
Уже беглый просмотр автобиографии А.Б. Залкинда, написанной от руки, сразу вызывает двойственное впечатление. Почерк, которым она написана, кажется единым, «отлитым» в четкие формы и даже монументальным. Одновременно возникает ощущение «непроецируемости» и непропорциональности: почерк то прямой и оттого выверенный и спокойный, то производит впечатление беспокойства и «мельтешения». Строки тоже выглядят ровными, слова в них — соразмерными, расстояния между ними — установившимися и одинаковыми. Но лишь «относительно» и «как бы». Манера письма Залкинда представляется мягкой и плавной и одновременно жесткой, рваной и даже агрессивной; аккуратной в изящных деталях и вместе с тем неряшливой. И только тут становится понятно, что в почерке присутствует некая внутренняя антиномия. В нем проступает своеобразная пульсация письма, его внутренняя ритмика.

«Хозяина» такого почерка вряд ли можно представить простым и предсказуемым человеком, раз он так сбивчиво, но настойчиво «сообщает» о себе в письме. Захотелось понять его глубинные эмоциональные основания и их корреляцию с личностными свойствами, выявить интеллектуальные наклонности и человеческую натуру. Так и возник этот личностный портрет, построенный на особенностях почерка.

Психоэмоциональные особенности

Уже поверхностный взгляд на почерк Залкинда позволяет зафиксировать некоторые характерные черты. Высота и ширина букв, формы петель и штрихов, «плавающие» строки и другие подобные признаки выказывают чувствительного человека с сильным внутренним волнением. Возможно, внешне такой человек и кажется спокойным и даже медлительным. Но поскольку при письме он может лишь отчасти контролировать свои движения, переживания и импульсивные порывы дают о себе знать. Обилие «необязательных» движений руки, незакрепленные комбинации линий, связывающих буквы, тоже говорят о возбудимости, переходящей в нервность. Будучи человеком импульсивным, он с тру-

дом контролирует свои чувства, что проявляется в почерке в виде признаков быстрой смены настроения (Илл. 1).

Илл. 1

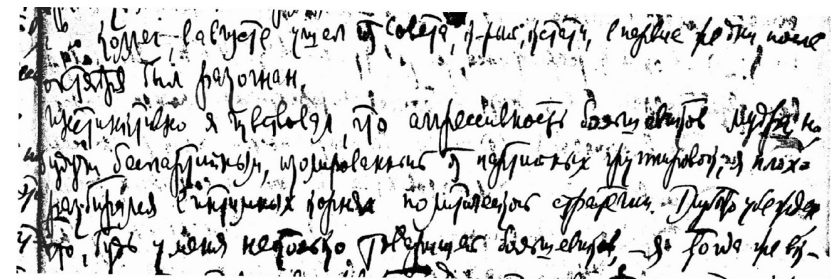
Обратимся к свойствам письма, которые непосредственно формируют неповторимый авторский стиль. Написание букв «ь» и «ы» оригинально и даже артистично (например, в словах «довольно», «статьи», «больших», «научные»). Это выражается в слитном написании мягкого знака с соседней буквой, выполняемом резким движением руки, как бы «выписывающим» единый символ. Отсюда можно заключить, что «хозяин» почерка является натурой впечатлительной, тянущейся преимущественно к духовным формам освоения действительности. Правда, тот же «ь» в сочетании с буквой «т» («понять», «развернуться») «накрывается» сверху прямым горизонтальным или куполообразным штрихом, что говорит о безотчетном желании пишущего обезопасить себя. Но как исчезающе тонок завершающий штрих в мягком знаке, и как грубо рядом с ним выглядит дубинообразный штрих в букве «ы»! В одно мгновение одухотворенность и мечтательность переходят в «приземленность» и реализм. Возбуждение и торможение наступают практически одновременно, что внешне воспринимается как частая смена настроения. Только что человек был энергичен, порывист и деятелен, и вдруг он оказывается медлительным и понурым.

Но хотя Залкинд, безусловно, представляется натурой импульсивной, он старается сдерживать свои непосредственные реакции. Как следствие, у него нередко возникают аффективные взрывы. В этом отношении следует обратить внимание на начальные штрихи разного размера и «мягкости» в буквах «р», «п», «и». Они тоже выдают склонность человека действовать по внутреннему побуждению, импульсивность и дух противоречия. Это подтверждается и формами слов, среди которых есть гиперболические, параболические, волнообразные и просто хаотические. В них нет выверенности, четкости — стилистического и динамического единства.

Неоднозначен и наклон почерка. С первого взгляда он вообще кажется прямым. Но, если внимательно присмотреться к нему, то откроется более сложная картина. У левого поля он «наклоняется» влево, ближе к середине «выпрямляется», а к концу строки «заваливается» вправо. Словом, строки тут чем-то напоминают веер. Даже в отдельных словах можно обнаружить эту веерообразную форму. Это тоже свидетельствует о том, что «хозяин» почерка, будучи весьма чувствительным человеком, всячески старается подавить свои чувства. Он безотчетно «зажимает» себя; оттого в начале строки обычно наблюдается левый наклон. Затем самоконтроль ослабляется, и буквы выстраиваются в ряд. Наконец, у правого поля он почти вовсе исчезает, и почерк приобретает естественный для автора правый наклон.

Тем самым проступает психоэмоциональное поле личности, силовыми линиями которого являются импульсивность, неуравновешенность и тревожность, с одной стороны, и подавление чувств и эмоций, — с другой. Эмоциональная неустойчивость порождает утомляемость, которая, в свою очередь, закрепляется на фоне противоречивых индивидуальных реакций.

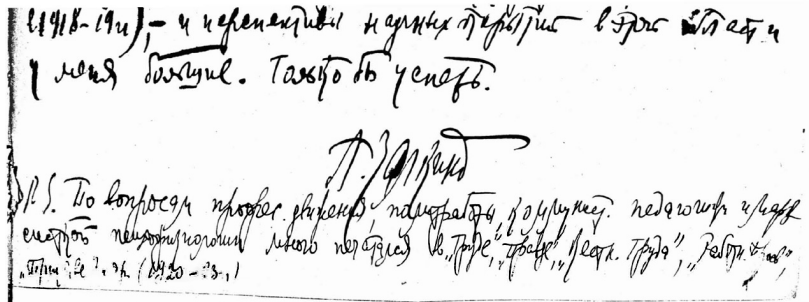
Правое поле — маленькое и неровное — тоже указывает на спонтанную натуру, слишком увлеченную собственным самоутверждением, далеко заходящую в мечтах и фантазиях. Спустившись на землю, она испытывает болезненное разочарование из-за неспособности трезво оценивать события и ближайшее будущее. Развивающаяся на этом фоне боязнь проявить себя, высказать свое мнение подтверждается еще одним свойством почерка — почти одинаковыми размерами заглавных и строчных букв (Илл. 2).

Илл. 2

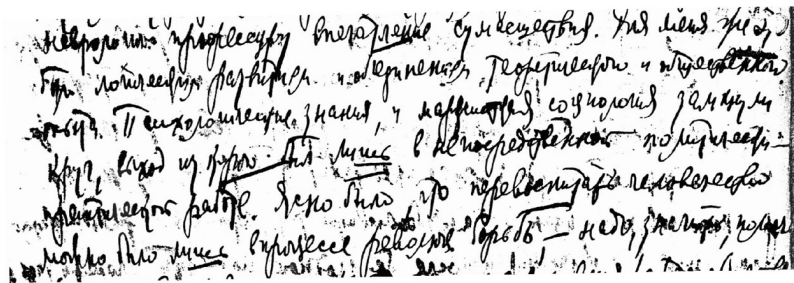
Заглавных букв, сбалансированных с общим размером почерка, немного, как немного и чересчур больших. Но они представлены в подписи, в концентрированной форме выражающей собственное «Я» в его отношении к семейно-родовой истории

(Илл. 3). Тут заглавные буквы утрированно велики, выполнены в чересчур художественной манере. И это неслучайно. Таково личное ощущение собственной значимости и веса. Размерный ряд строчных букв тоже неоднороден. В частности, иногда строчная преобладает над заглавной и выполняется с нажимом посередине (показательна в этом отношении буква «т» в любых связках, а также буквы «я» и «ж»), что также характеризует автора как человека чувственного.

Илл. 3

В почерке явно нарушена пропорция между главными и второстепенными частями букв. Автор не обладает развитым и устойчивым чувством меры и не вполне уравновешен в своем поведении и суждениях. К тому же второстепенные части букв сильно увеличены. Даже если сделать поправку на каллиграфичность, это все-таки свойство возбудимого и экспрессивного, с одной стороны, и впечатлительного, тревожного человека, — с другой. Буквы, как бусы разной величины, нанизываются на нити различной толщины, что свидетельствует о серьезной эмоциональной неустойчивости. Единообразие отсутствует и в черточках над «й» — они то сливаются с буквой, то доминируют над ней, то изображаются небольшим и не очень высоким куполом.

Илл. 4

Постоянные эмоциональные «перепады» и стремление их не допускать внешне проявляются как оживленность и даже веселость, перемежающиеся с сосредоточенностью. Если учесть также манеру чрезмерно вытягивать и даже подрисовывать горизонтальные штрихи в буквах «б», «т» (Илл. 4), станет очевидным бессознательное стремление обезопасить себя, «укрывшись» от внешнего мира. Еще один способ написания «б» — без горизонтального верхнего штриха, когда буква выглядит как зеркально выполненный «ь», т.е. вообще без верхней черточки, — намекает на экзальтированность натуры.

Заметно ниже воображаемой линии строки ставятся знаки препинания (Илл. 2, 4), что свидетельствует о невысоком состоянии духа и подсознательном чувстве вины. При кажущемся единообразии они весьма разнородны. Особенно показательны запятые и точки с запятой — чрезмерно большие, задевающие нижележащую строку, выполненные с нажимом и с волосовидным окончанием влево; прямые утолщенные; прямые тонкие, маленькие и короткие. Вряд ли это можно объяснить простой физической усталостью. Конечно, жирные точки в конце предложения означают передышку или затянувшуюся паузу перед следующим предложением. Но важнее другое — быстрая эмоциональная утомляемость на фоне противоречивых индивидуальных реакций. И чем сильнее подавляются эмоции, тем более непредсказуемо их влияние на интеллектуальный строй и поведение этого человека.

Левое поле — непропорционально маленькое и неровное. Рука пишущего в порыве так и тянется его заполнить, отчего оно становится волнистым. Человек не просто привязан к прошлому; оно довлеет над ним, заставляя снова переживать то, что хочется забыть или, по крайней мере, дистанцироваться от него. Постоянный эмоциональный «перегрев» — одно из устойчивых последствий «выяснения отношений» со своим прошлым и семьей. Именно с компенсаторной целью человек бросается в гущу событий, в работу и общение. Но это лишь еще более выпукло и больно напоминает ему о прошлом.

Этот почерк ни с каким другим не спутаешь. Его стилистическая композиция возникает не из четкой структурированности и геометрической выдержанности текста, ровности линий, одинаковости строк и полей, за которыми стоит спокойный, уверенный, самодостаточный человек. В нашем случае она скорее угадывается, «схватывается». И за ней — другой человек, чьи внутренние реакции также неоднозначны и крайне противоречивы, как и темперамент в целом. «Как все непросто в этом человеке!» — скажет любой, кто хоть мельком взглянет на его почерк. Элементар-

ное человеческое спокойствие, не говоря уже о радостной и полнокровной жизни, является для него чем-то недостижимым, ибо он буквально соткан из противоречий. Гигантская внутренняя работа — всевозможные сомнения, эмоциональные скачки от паники до самовозвеличивания и постоянное сдерживание себя — истощает и изматывает его. И все-таки письмо едино и по-особому целостно в своей «негармоничной гармонии».

Склад личности

Каким образом психоэмоциональные особенности, определяющие темперамент нашего автора, влияют на склад его личности? Какие черты характера составляют личностные доминанты?

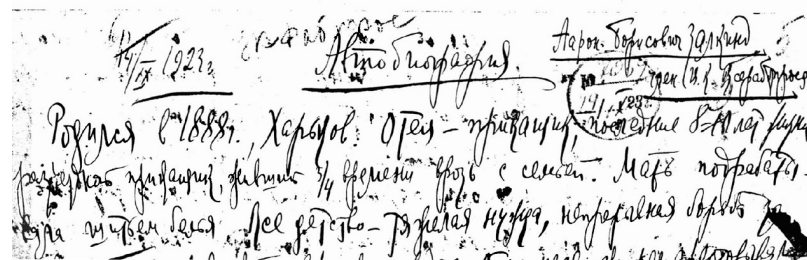
Верхнее поле мало (Илл. 5). Человек находится под ощутимым давлением внешних, принятых обществом норм. В правом верхнем углу первого листа он написал мелко, но разборчиво и подчеркнул с достаточным нажимом фамилию, имя, отчество и членство в ЦК общественной организации. Разборчивостью и подчеркиванием в данном случае пишущий обращает внимание на свой общественный авторитет и уважение собственных принципов. Свое — невысокое — место в социальной иерархии он отчетливо понимает и готов действовать по правилам, чтобы обеспечить себе безопасность.

Подпись в конце текста однозначно свидетельствует об отнюдь не скромном самоощущении (Илл. 3). В ней маркировано и крупное «А» в виде буквы имени, отделенной от фамилии точкой. Это фиксация на собственной индивидуальности и неудовлетворенность репутацией семьи. Но разборчиво написанная фамилия показывает, что прошлое и семья не перестают быть для него источником дискомфорта и тревоги.

Нижнее поле тоже мало. Пишущий подсознательно стремится конкретизировать свое место в жизни, потому что ему не хватает определенности. А в способах написания составных букв он проявляет свой диапазон самооценки. В буквах «ж», «у» заметно доминирует второй штрих. Это значит, что она невысока и связана как раз с низким социальным статусом. Зато в буквах «м», «ш», «щ» и некоторых других явно выше первый штрих, что указывает на самоуважение и позиционирование, не вытекающее из социального статуса. Таким образом, сознание своей малости тут резко контрастирует с амбициозностью.

Конечные штрихи в буквах «д» и «я» выполнены против направления движения руки. Это признак недоверчивости и тревоги в отношении будущего. Зато хаотически расположенные в тексте и очень крупно написанные слова свидетельствуют об острой жажде добиться успеха или хотя бы обратить на себя внимание.

Иногда графологическая плоскость анализа текста — «как» написано — пересекается с содержательной плоскостью — «что» написано. Кое-где отчетливо проступает бессознательная оценка автором собственных достижений (Илл. 6). Связка слов «...три довольно крупных статьи» выполнена несоразмерно мелко по сравнению с остальным предложением. И дело не в размере, а в том, что рука не смогла скрыть отношение человека к истинному весу своих «крупных» статей. Три строчками ниже, по этому же лекалу эмоциональной описки, рука укрупняет буквы в словах, где речь идет о сильном желании отдалиться любимой работе. Так письмо чутко улавливает, казалось бы, неуловимую игру чувств.

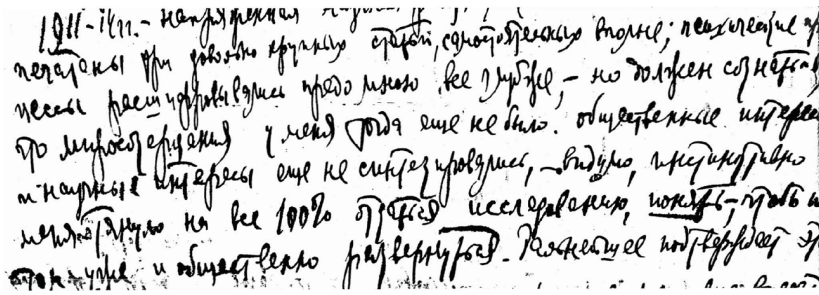

Илл. 5

Размах письма — в основном вертикальный. Горизонтальные линии в нем — в виде отдельных штрихов над «т», «б», иногда над «к» (Илл. 4). Это тоже признаки амбициозности, сдерживаемой мнительностью и повышенной тревожностью. Снова проглядывает противоположность устремлений: желание быть на людях, общаться, привлекать внимание, стяжать авторитет и славу, с одной стороны, и быть осторожным, осмотрительным, «не высываться» — с другой. Выдвинуться, добиться общественного положения, убедить себя и всех остальных в собственной полезности и незаменимости — эта ориентация подтверждается и манерой расписываться (с завышенной горизонтальной чертой в букве «А», разборчивой и монументальной, с конечным вензелем). При этом наличие имени в росписи говорит о желании утвердиться в жизни за счет собственных усилий, а не покровительства семьи.

Однако чрезмерное увеличение второстепенных деталей букв и броское, негармоничное подрисовывание некоторых штрихов выдают тщеславную натуру с неумеренной тягой к самовыражению и склонностью к внешним эффектам. Внутри этого витии и актера находится не очень уверенный в себе человек, колеблющийся и вынужденный лавировать. Это видно по преобладающей

направленности строк. Кажется, что они вытянуты вверх, но с элементами «западания» в конце и специфическими внутрискрочными гиперболами и параболами. Это характерно для псевдооп-

Илл. 6

тимистов, вынужденных на свой лад преодолевать упадок духа.

В этом отношении показателен и нажим, с которым выполняются графические знаки. Текст написан чернильной ручкой. Значит, при письме толстые и тонкие штрихи должны строго чередоваться. Это и наблюдается, но далеко не в правильном порядке. Большая часть первого листа писалась без достаточного количества чернил. Там толстые (в том числе очень толстые) штрихи заметны, но не регулярны в буквах «з», «у», «т», «к» (Илл. 1). Начиная с последней трети листа, когда в ручку были добавлены чернила, нажим (чередование тонких и толстых штрихов) практически исчез. К тому же и постскриптум выполнен полностью тонкими, волосовидными линиями (Илл. 3). Если бы писал человек волевой, напористый и по-настоящему деятельный, то текст был бы темный от нажима, а в постскриптуме из-за нехватки чернил лист был бы поцарапан. Стало быть, автор, хотя и по-своему деятелен, достаточной настойчивостью и серьезными волевыми качествами не обладает. Напряжение выражается не столько в нажиме, сколько в стягивающих движениях, Сила воли такого человека проявляется, главным образом, в упорстве.

Интеллектуальные наклонности

Огромная внутренняя работа над тем, чтобы научиться сдерживать себя, не только сильно подавляет эмоции, сказываясь на состоянии интеллекта и на поступках, но и оттягивает большую часть энергии от повседневных занятий. У Залкинда чрезмерное штрихо- и петлеобразование, отсутствие плавности, беспокойность и видимая несоразмерность движений руки указывают на

интеллектуальную неорганизованность. Необычные, оригинальные соединения букв (например, «ль», слоги с «ы») встречаются, но не преобладают, как это бывает у людей способных, не владея искусством безупречного вывода, улавливать главное, суть. Слова при письме не наползают друг на друга, но расстояния между ними неравномерные. К тому же часто попадают слова с как бы отдельно выписанной первой буквой. Стало быть, человек в явной форме (при общении, в дискуссиях) или неявной (неартикулируемой) с трудом соглашается с мнением других. Его не могут убедить даже чисто логические аргументы, потому что интеллект больше ориентирован на «авторитет».

Чрезмерные петли в буквах, каллиграфическое написание которых их вообще не предусматривает (например, «р», «ж», «ф», «к»), и отсутствие таковых в буквах с петлями («з», «у») выдают непоследовательность в интеллектуальной деятельности. Признаки же сосредоточенности и «занятости мыслью» (например, союз «и» и предлог «у» ставятся ближе к последующему слову) говорят об определенной живости мышления, но недостаточных аналитических способностях. Примечательна в этом отношении авторская манера делить текст на абзацы. На первой странице первая строка начинается с классического отступления от левого края. Человек только приступил к работе и хорошо себя контролирует. Далее следуют два «авторских» варианта — абзацы определяются уже не отступлением от левого края, а недописыванием строки справа. На второй странице, после паузы, вызванной пополнением ручки чернилами, а значит, и небольшого отдыха, к человеку возвращается самообладание. В результате перед нами три классических абзаца. Но, начиная с третьей страницы и до последней автор выдает абзацы только в своей манере. Причем четвертая их вообще не содержит; тут он полностью захвачен стихией текста. С одной стороны, нить мысли вроде не потеряна, но с другой — конец этой нити находится в тех глубоких эмоциональных пластах, где идет вечный спор с прошлым. Исчезает абзац — в споре побеждает прошлое, возвращается — выигрывает автор.

Во внешне витиеватой манере письма присутствует безотчетная попытка сообразовать свою субъективность с собственным же интеллектом. Наглядный пример — подпись, перегруженная в начале и указывающая этим на склонность к умственному труду. Однако связность трех последних букв служит свидетельством спутанности мышления. А возвратный вензель в конце подписи означает, что человеку регулярно приходится переделывать сделанное. Это тоже является выражением эмоционального «перегрева», который, естественно, мешает интеллектуальным занятиям, сказываясь на глубине и определенности мыслей.

Заключение

Доминанта этой личности — непрекращающиеся (как безотчетные, так и сознательные) попытки подогнать себя под установки, чуждые очень неоднозначному, но «родному» темпераменту, со всеми вытекающими последствиями. У нее остра внутренняя потребность укрыться, защититься, обезопасить себя. А потому она находится по своему эмоциональному складу в «группе риска». Реальный мир сгибает или вовсе ломает таких людей. Но наш герой упорно стремится закрепиться на чужом психическом поле. Возникающие по этой причине противоречивые реакции только усиливают его страдания. Чтобы их избежать, человек старается приобрести самый разнообразный опыт, дающий ему, с одной стороны, ощущение твердой почвы под ногами, с другой, — уверенность в собственной универсальности и ценности.

Стараясь быть реалистом, наш автор — человек с доминантной оборонительной установкой — настойчиво утверждает и укрепляется в фикции «ценного» человека, руководителя и даже лидера. Чтобы эта фикция приносила плоды, ему постоянно приходится развивать кипучую деятельность, обнаруживая преимущественно организационную ловкость на разных участках этой деятельности. Такому человеку, действительно, покой только снится. И не потому, что он является мятущейся натурой, а потому, что без внимания он чувствует себя невостребованным, забытым и, по сути, несчастным. Вот почему его непринужденность и общительность, желание находиться в центре внимания и даже пленять — всего лишь компенсация одиночества и страха, а серьезное внутреннее волнение внешне выглядит как деловитость, спокойствие и даже веселость.

Интеллектуальные наклонности героя таковы, что он редко создает новые идеи или открывает новые пути. Мыслительные усилия направляются в основном на расширение, углубление, применение уже имеющихся идей. На этом поприще наш автор может преуспеть, потому что им движет мощное, постоянно подстегиваемое чувством своей «малости», желание известности, пусть и в узком кругу, — так сказать, быть первым хотя бы в деревне, а Рим — впереди.

Эмоциональная зависимость нашего автора от прошлого навязывает ему безопасные варианты поведения, вынуждая постоянно приспосабливаться к внешним обстоятельствам, проявлять осторожность и осмотрительность. Это двояким способом сказывается на личности. С одной стороны, у нее развивается боязнь проявить себя, высказать собственное мнение, а с другой, — непомерное тщеславие и амбициозность. Отсюда — истошающий

человека внутренний конфликт, проявляющийся в жизни как безволие и податливость с одновременной агрессивностью.

Таким образом, перед нами личность, просто сотканная из противоречий. В ней практически нет ни одной черты, которая бы не контрастировала с другой. Это справедливо и в отношении темперамента, и в отношении личностных качеств. Сквозь почерк проглядывает «маленький человек», которого большие амбиции заставили, в отличие от известного чеховского персонажа, выйти из футляра и броситься в гущу событий. Но его там ждало разочарование — мир встретил его отнюдь не с распростертыми объятиями. Он так и не решил для себя, что хуже — прозябание в неизвестности или беззащитность перед людьми, которые видят в нем, казалось бы, только объект для нападков. И ему ничего не осталось, как уйти в себя и замкнуться, превратив в футляр дело, которому была посвящена жизнь.

Аннотация

В настоящей статье предпринимается попытка воссоздания личностного портрета Залкина на основе сохранившихся образцов его почерка. Рассматриваются психоэмоциональные особенности, склад характера и интеллектуальные наклонности «героя». Показываются сложность и противоречивость его природы и то, как они проявляются в письме. Особое внимание уделяется подписи, которая выдает его глубинные порывы и потаенные желания. В своеобразном почерке Залкина усматривается маленький человек, готовый идти навстречу превратностям жизни, но исполненный трепета перед ними и стремящийся избежать лобовых столкновений.

Ключевые слова:

Почерк, подпись, графологический портрет, психоэмоциональный строй, склад характера, интеллектуальные наклонности.

Summary

An attempt of reconstructing the personality of A.B. Zalkind on the base of his handwriting is undertaken in the present article. The psychoemotional tune, personal constitution, and intellectual dispositions of the “hero” are examined. The complicatedness and contradictoriness of his nature are displayed as well as how they manifest themselves in the script. A special attention is paid to the signature which reveals his deep bursts and undercover desires. Through the freakish handwriting of Zalkind a «petty person» peeps out, willing to meet vicissitudes of life but full of trembling in front of them and trying to avoid head-on collisions.

Keywords:

Handwriting, signature, graphological portrait, psychoemotional tune, personal constitution, intellectual dispositions.

СЕКСОЛОГИЯ: НАУКА ЛИ?

В мире научного познания регулярно появляются сообщения об основании очередной области знаний, которой дают красивое имя. Устоявшиеся за тысячелетия и появившиеся в последние годы учения по-соседски существуют, локтями расталкивая друг друга с целью доказать свою значимость. Одним это удается, иные живут в просвещенном мире без регистрации. И если такие направления как амуурология, флиртология и прочие «...логии» кажутся несколько натянутыми «научными» знаниями, то отсутствие сексологии в списке известных наук кажется абсурдным.

Между тем эта ситуация существует больше сотни лет в России и неизвестно, когда сексологию признают не только как важное явление с академическим статусом, но и как междисциплинарную область знаний, достойную внесения в перечень научных дисциплин. Странно, но для медицинской сексологии, которую полсотни лет называли сексопатологией, скромное место нашлось. А про то, что она часть сексологии, лишь одно из многочисленных ее направлений, почему-то забыли. Данная ситуация приводит к размытию понятий и терминов сексологии, которыми сто лет пользуются врачи. Растаскиваются по многочисленным смежным областям знаний сексологические категории, которые, не успев устояться в былые годы, сегодня подменяются или упрощаются.

Ветеранов, стоявших у истоков развития в СССР сексологических знаний, осталось совсем немного. Ушли из жизни Г. Васильченко, А. Белкин, С. Либих, А. Свядош, В. Кришталь, которые большую часть жизни посвятили научным исследованиям в области медицинской сексологии. Усилиями немногих людей, которые на стыке наук находят свое поле деятельности, в России утверждается правовая (А. Ткаченко, Г. Введенский) и криминальная (Г. Дерягин) сексология. В институтах на педагогических и психологических факультетах преподают основы социокультурной (Е. Кащенко) сексологии. Благодаря усилиям российских врачей и их европейских коллег получает свой статус сексология медицины. Популяризирует научные знания и своим путем добивается изучения в учебных заведениях сексологии как науки академик И. Кон. Много говорят, не меньше пишут о психологии сексуальности, но так и не в силах сформулировать ее предмет наши соотечественники.

Этого явно недостаточно. Для решения проблемы научного оформления и методологического толкования сексологии кажется вполне естественным обращение к царице всех наук – к философии. Именно она позволяет найти ответы на самые сложные вопросы познания и миропонимания. Но именно философы обходят стороной предмет

данной науки, касаясь только самого существенного в социокультурном направлении сексологии, но всего лишь единичного – любви. Эту категорию воспевали все – от Сократа и Платона до Соловьева, Бердяева и Розанова. Но из «всего, что вечно, самый краткий срок у любви»¹. А в последнее столетие мыслители не касаются мира интимных отношений, оставляя дилетантам, журналистам и обывателям обширное поле познания, которое те описывают со смаком (!), опираясь на собственный опыт и подглядывая за соседями. Хотя с развитием научных знаний, казалось бы, именно здесь – в области межполовых взаимоотношений – и необходимо раскрытие наиболее характерных и важных явлений, описание категорий, поиск тенденций и закономерностей.

Почему так происходит? Почему представители отечественной философии обходят стороной данную область научных знаний? Неужели категории влечения и желания, поведения и культуры, психосексуальной активности и развития не заслуживают более пристального внимания, чем простая декларация их существования? Неужели косность мышления, воспоминания о том, что «секса в стране нет», мешают проведению исследований в этой сфере? Что мешает молодым ученым защищать диссертации в поисках ответов на вечные вопросы мира интимных отношений? Почему нет дипломных работ и институциональных исследований?

С данного номера журнал силами представителей Российского научного сексологического общества начинает публикацию статей о проблемах сексуального в жизни современного человека. Мы призываем ученых различных областей философии и гуманитарного знания присоединиться к обсуждению проблемы и обратить более пристальное внимание на сексологию, о которой больше молчат, чем говорят из-за скользкого и влажного языка, по образному выражению Э. Берна, и способствовать тому, чтобы возможные усилия в этой сфере, не сублимируясь в сексуальную практику, направлялись на развитие теории и методологии науки.

Мы будем рады услышать от вас, уважаемые читатели, советы и пожелания по реализации обозначенного проекта, получить статьи и материалы, раскрывающие богатство мира интимных отношений, в котором все мы не только живем, но и пытаемся познать его. Надеемся, что в результате обмена мнениями выиграют все. И в первую очередь, наука – сексология.

*Е.А. Кащенко,
руководитель проекта*

¹ Вишневский Я. Одиночество в сети. – СПб., 2002. – С. 3.

Е.А. КАЩЕНКО

...эволюционируя от сырого мяса и корешков растений до разносолов нынешних гурманов, половые отношения от примитивных поднялись до высот изощренной эротики.

З. Фрейд

В научно-теоретическом и бытовом пространстве XXI в. реализуются самые разнообразные идеи и возможности, апеллирующие к многообразному миру человеческой активности. В силу привлекательности ее познания представители некоторых наук пытаются исследовать различные аспекты этой активности в ряде областей знаний, среди которых находится и сексология. К числу явлений, которые изучает эта условно выделенная дисциплина социологами, культурологами, философами, психологами, историками и педагогами, относится и сексуальная культура. Изучение этого феномена видится в разрешении широкого комплекса теоретических проблем, определяющих различные аспекты жизни человека и общества. Одни из них детально изучены, о вторых ведутся дискуссии, третьи пока – «белые пятна». К числу последних относится и сексуальная культура.

Представления о культуре половых отношений противоречивы и далеко не универсальны. До сего дня одни ученые говорят исключительно об искусстве любви, другие акцентируют внимание на сексуальности, третьи не отделяют одно от другого, четвертые констатируют наличие явления как такового, не раскрывая его сути.

В современной сексологии больше присутствует исследование содержания и проявлений сексуальной культуры, чем теоретико-методологического обоснования данного явления. О сексуальной культуре писали Э. Берн и Э. Фукс, З. Фрейд и И. Блох, А. Форель и В. Соловьев, В. Розин, К. Имелинский, З. Лев-Старович. В многообразии подходов к изучению сексуальности: от религиозно-мистического до научного – исследователи определяли понятие сексуальной культуры в зависимости от преследуемой ими в своих рассуждениях цели. Но кроме как у В. Розина, И. Кона, Л. Щеглова и автора данной статьи нет, наверное, специальных работ, посвященных этой проблеме, а зарубежные авторы рассматривают ее не в полном объеме и несколько с иных позиций.

Большинство из авторов, анализируя социокультурные аспекты пола, говорят о любви и сексе, культуре половой жизни, сексе и культуре.

И. Кон, например, выпустив солидную монографию о сексуальной культуре, не дает определения данному явлению. Он говорит о сексуальной культуре как об «очеловеченном» половом инстинкте, при котором происходит определенное подчинение сексуального поведения социальным нормам. К. Имелинский рассматривает сексуальную культуру в достаточно узком понимании – как совокупность знаний, навыков и умений, касающихся «совершения самого полового акта и всего комплекса общения с партнером для того, чтобы и ему и себе обеспечить максимальное сексуальное удовлетворение». В. Каган под тем же самым понятием подразумевает систему стандартов и норм, регулиующую психосексуальное поведение людей. А. Сосновский, описывая развитие эротической любви и сексуальных отношений, выделяет различные культурные эпохи со своими моральными приоритетами.

Однако такой социальный феномен, как сексуальная культура, охватывает не только прошлое и настоящее, выступая «очеловеченным» половым инстинктом, комплексом общения между партнерами, системой стандартов и норм, но и простирается в будущее. Он конкретизирует отношение людей к вопросам любви и пола, принятые в соответствующем обществе: от религиозных или мистических аспектов в исследовании сексуальности до ее анализа в естественноисторическом ключе, на основе достоверно установленных фактов, а не только с точки зрения религии и морали.

Ведущей методологической проблемой любого анализа научного исследования является определение понятий, раскрытие сущности и структуры тех явлений, которые эти понятия отражают. Определение понятия сексуальной культуры осложняется тем, что это – составное понятие, каждая из сторон которого требует рассмотрения.

В социокультурной сексологии существуют различные понятия для обозначения какой-то сферы деятельности или отношений, связанных с областью пола или совокупности процессов, в основе которых лежит и посредством которых удовлетворяется половое влечение. Это понятия половой и сексуальной жизни, половой морали и полового поведения, полового символизма, половой культуры, культуры секса, искусства любви и др. Они зачастую либо уже обозначенного нами явления, либо не позволяют выразить всей его сути.

Наиболее предпочтительным видится подход к понятию «сексуальная культура», который предполагает трактовать ее как часть общей культуры, акцентированной на сексуальной активности

человека. Поэтому в изучении данного понятия предлагается рассмотреть его составляющие части: «сексуальное» и «культура».

В начале о слове «**сексуальное**», которое имеет ряд значений.

Прежде всего, слово «секс» 1) обозначает биологические аспекты, связанные с размножением; 2) служит для обозначения сексуальности как всей совокупности человеческих чувств, установок и действий, связанных или ассоциирующихся с половыми отношениями; 3) используется для обозначения мужской или женской особи как биологического вида; 4) обозначает действия, связанные с половыми отношениями, или индивидуальные свойства личности и ее способность к реакции на эротическое воздействие.

На бытовом уровне обычно нет сомнений в отношении того, что следует понимать под термином «сексуальный» (в него, правда, вкладывают порой непристойный смысл, такой, о котором не следует говорить вслух). Считается, что это показатель определенной активности, своего рода деятельности, поведения, отношений, реакций и многого другого, связанного с половой сферой.

В советский период сложилось негативное отношение к словам «сексуальный» и «секс», употребление которых приписывали исключительно буржуазным авторам. Поэтому слово «секс» заменяли на более благозвучное — «пол». С одной стороны, считалось, что «чужое» слово «секс» больше свойственно капитализму в отличие от «своего» — «пол», применение которого в советской педагогике и в быту не вызывало возбуждающих ассоциаций. С другой стороны, при таком подходе появилось разнотение дефиниций понятий «половое» и «сексуальное». В результате буржуазное общество якобы осуществляло сексуальное воспитание, а социалистическое — половое.

Причиной разнотений явилась и многозначность подходов к понятию «пол».

Во-первых, по мнению, например И. Андреева, оно изначально означало дуальность, раздвоение, сокращенную форму понятия половина, содержало в себе не только силу, разделяющую целое пополам, но и силу взаимного притяжения, слияния. От половин, соединенных в одно целое в браке, — вот откуда идет понятие «пол». «Мужчина и женщина — разные элементы, и брак есть не просто двуединство, а нечто новое (подобно тому, как водород и кислород дают воду)», — утверждает И. Андреев православно-русское понимание явления.

Во-вторых, понятие «пол» выражает идею разделенности единого высшего начала на мужское и женское. По мнению Ю. Эвола, существует, по меньшей мере, три уровня проявления пола: телесный, душевный и духовный.

В-третьих, до сегодняшнего дня многие российские авторы медико-биологических публикаций под термином «пол» понимают совокупность генетических, морфологических и физиологических особенностей, обеспечивающих половое размножение организмов (или, в широком смысле, комплекс репродуктивных, соматических и социальных характеристик, определяющих индивида как мужской или женский организм).

В-четвертых, обилие переводной литературы (преимущественно англо-американской), где английское слово «sexual» иначе как «половой» не переводится, привело к тому, что термины «половой» и «сексуальный» воспринимаются как синонимы.

При всем при этом не у всех специалистов и не во всех областях знаний сегодня есть однозначное отношение как к разграничению, так и к замене одного слова на другое. Чаще всего сексом называют совокупность телесных, психологических и социальных процессов и отношений, в основе которых лежит и посредством которых удовлетворяется половое влечение (либидо). А под сексуальностью понимается характеристика сексуального влечения, сексуальных реакций, сексуальной активности.

Последнее определение кажется несколько аморфным, но для характеристики понятия «сексуальная культура» вполне достаточным. Поэтому в данном случае под сексуальным как характеристикой изучаемого понятия понимается совокупность соматических, психологических, социальных и иных процессов и отношений, в основе которых лежит половое влечение (либидо) и посредством которых оно удовлетворяется.

Из всего многообразия подходов к такому широкому явлению, как **культура** (которую рассматривают и как совокупность созданных людьми материальных и духовных ценностей, и как качество человека, общества в целом, и как традиции, и как социальное наследие, и как характер человеческой деятельности, и как духовное состояние общества, и как способность к познанию и передаче опыта, умению любить) видится предпочтительной деятельностная концепция, которая получила свое обоснование в работах Э. Маркаряна, М. Кагана, Н. Злобина, Б. Сапунова и др.

Данная концепция культуры исходит из понимания деятельности как определенной активности живых систем (особей), направленной на преодоление их энтропийности и утверждение в окружающем мире. При этом имеется в виду, что человеческая деятельность носит чрезвычайно сложный биосоциальный характер и осуществляется как бы на двух основных уровнях. Первый уровень — биологический, инстинктивный, бессознательный, присущий человеку как всякому живому существу. Это уровень, на котором удовлетворяются его низшие потребности. Второй

уровень, исходящий из культурных особенностей человека, направлен на реализацию его познавательных, этических, эстетических побуждений.

По определению, человеческая деятельность является организованной активностью, осуществляемой по культурно установленным нормам и правилам. Она же является средством создания мира искусственных объектов и освоения заученного поведения, т.е. предпосылкой существования того, что принято называть культурой. Несомненно, что культура как категория, обобщающая имеющиеся в обществе совокупности идей, образов, вещей, технологий, регулятивных механизмов и ценностей, относима ко всем общественным структурам: материальному производству, политике, социально значимому знанию, быту, досугу. Культурное содержание можно выделить в сфере любой социальной деятельности, направленной на максимальное развитие заложенных в человеке способностей, на реализацию его социальных целей. Поэтому не возникает сомнений в том, что она применима и к таким чрезвычайно важным для человечества и для каждой личности сферам жизнедеятельности, как отношения полов, любовь, сексуальность.

Эта часть общей культуры (или субкультура) людей отражает содержание сексуальной активности человека, направленной на утверждение каждого из них в окружающем мире половой жизни. Результаты именно такой культурной деятельности служат обеспечению актуального (в настоящее время) и исторического единства общества средством общения людей. По определению В. Библера, «культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных – прошлых, настоящих и будущих культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур». Причем такое взаимопорождение культур осуществляется не только посредством полового поведения, направленного на продолжение рода. Функции сексуальности человека достаточно широки, и его сексуальная активность, проявляющаяся в соответствующем поведении, предполагает удовлетворение как биосоциальных потребностей, так и гедонистических, нравственных, эстетических интересов. С ее помощью реализуются познавательные, коммуникативные, компенсаторные, созидательные запросы.

На основании изложенного предлагается следующее определение: **«Сексуальная культура есть часть общей культуры, способ утверждения в социокультурном окружении посредством полового поведения, направленного на продолжение рода, удовлетворение биосоциальных потребностей, гедонистических, нравственных, эстетических интересов, познавательных, коммуникативных, компенсаторных, созидательных запросов».**

Данное определение трактует сексуальную культуру в *широком* смысле этого понятия, где сущность ее сводится к отношениям между мужчиной и женщиной, основывающимся на продолжении человеческого рода, социальном и духовном единстве людей как личностей, удовлетворении потребностей человека. Представляя собой единение «сексуальности» и «культуры» как многозначных явлений, этот социальный феномен сочетает такие элементы, как духовное и плотское в половых отношениях. При этом в первую очередь особое, приоритетное место уделяется любви.

В целях полного выяснения содержания того, что же понимается под сексуальной культурой, следует рассмотреть ее структуру, которая имеет две стороны: *функциональную*, подразумевающую сексуальную активность (выступающую как предметная деятельность по созданию мира искусственных объектов; как отношение цели, средств и результатов в процессе освоения заученного поведения; как общение; как единство с другими людьми) и *нормативную* (характеризуемую установками, правилами, нормами, ценностями). Эти аспекты подробно рассмотрены автором в ряде публикаций.

Но кроме данного широкого значения понятия «сексуальная культура», которое отражено в предложенном выше определении, существует и более узкое значение этого явления, отражающее его уровень. Без учета этого узкого значения «сексуальной культуры» рассмотрение содержания данного феномена было бы неполным, так как на бытовом уровне чаще всего под сексуальной культурой понимается степень освоения человеком некоей совокупности проявлений культуры, обеспечивающих сексуальное удовлетворение. Примерно в этом ключе на вопрос: «Что Вы считаете сексуальной культурой?» – отвечало большинство участников социологического опроса, проведенного автором.

Человек – существо социальное. Он живет в обществе и развивается в нем. Для утверждения человека в мире, ориентации в нем, общения с другими людьми у него должна быть целостная картина, модель окружающей действительности. Она способствует появлению определенных норм, правил, законов, идеалов, принципов, стандартов, которым он должен следовать в своем поведении. Хосе Ортега-и-Гассет писал: «Степень культуры измеряется степенью развития норм»¹.

При этом субъектом порождения и освоения культурных объектов является человек, конструктивная и деструктивная активность которого носит отпечаток социальных отношений прошлого и простирается в будущее. Степень активного освоения человеком культуры характеризует уровень его развития. Этот уровень отражает степень приобщения к ценностям сексуальной культуры, степень овладения знаниями (сексуальная осведомлен-

ность), умениями (техника «искусства любви»), навыками (сексуальное мастерство), идеями, накопленными человечеством за весь период его истории.

Составляющими сексуальной культуры, таким образом, выступают знания, навыки, чувства, умения, касающиеся как самого полового акта, так и всего комплекса общения, который обеспечивает партнерам сексуальное удовлетворение. В этом случае имеет значение знание не только техники проведения интросиссии и т.п., но и в равной мере всего комплекса сфер воздействия на партнера с целью вызвать соответствующее настроение и желание половой близости, необходимых для достижения сексуального удовлетворения в половой жизни.

Но нам особенно важно подчеркнуть здесь духовность в сексуальной культуре, когда человек растрчивает свою половую энергию не как животное с целью одного только физиологического удовлетворения, а как истинный творец «великой поэмы любви». При таком подходе знания можно охарактеризовать словами «ограниченные», «удовлетворительные» или «богатые», чувства — «незрелые», «наивные», «грубые», «возвышенные», «светлые», «несущие духовное благо», технику секса — «совершенная», «искусная», «слабая» и т.д.

Исследователи в области социокультурной сексологии различают примитивную и изощренную сексуальную культуру. Первая предполагает физиологический половой акт, направленный, как правило, на прокреацию, вторая подразумевает более высокий уровень сексуального поведения, более совершенную технику любовных игр, более разнообразное и яркое искусство любви.

Однако техника осуществления любой формы коитуса — это лишь средство, метод. Знание техники полового акта, мастерство в процессе совокупления — это лишь признак овладения «ремеслом». Необходимый, но не основной. Так, люди, даже не имеющие опыта половой жизни, интуитивно способны провести нормативный гетеросексуальный коитус. Но получить более полное удовлетворение и наслаждение в любви может только тот, кто овладел знаниями и умением их использовать на практике в «*ars amande*» (искусство любви).

Степень освоения сексуальной культуры предполагает уровень овладения целым комплексом (или сферой) отношений между партнерами, обеспечивающих утверждение человека в мире. Этот комплекс можно представить совокупностью элементов, которые были исследованы рядом авторов. Среди них наиболее характерными являются: сексуальная информированность, уровень полового влечения, удовлетворенность половой жизнью, владение техникой любовных игр, способность возбудить и удов-

летворить партнершу (партнера), широта взглядов, терпимость к сексуальной свободе и экспериментированию, чувственность, важность соприкосновения при интимных отношениях, общительность, многообразие сексуальных стимулов, отношение к любви и сексу и др. Поэтому уровень сексуальной культуры может быть высоким, средним и низким, в зависимости от степени овладения знаниями, навыками, умениями и всем комплексом общения и сфер воздействия между партнерами.

Исходя из этого, уровнем сексуальной культуры следует считать степень освоения человеком совокупности знаний, навыков, умений, касающихся половой жизни и всего комплекса общения между партнерами для обеспечения сексуального удовлетворения.

Уровень сексуальной культуры человека отражает реальное сексуальное поведение — конкретную активность индивида, позволяющую характеризовать определенную динамику его развития. Уровень сексуальной культуры человека позволяет оценивать его способность управлять своими действиями, практически и реально преобразовывать окружающую действительность, планировать и реализовывать намеченное, а также контролировать ситуацию и оценивать результаты своих действий в области половых отношений.

Итак, сексуальная культура — достаточно сложное и многоплановое явление, которое предстает в широком и узком смысле. Данный подход видится наиболее оптимальным в современной российской сексологии, так как позволяет найти компромиссное решение в половом просвещении людей различных возрастов, национальностей, вероисповедания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Omega-u-Gacet* X. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. — С. 14.

Аннотация

В статье представлена оригинальная трактовка такого явления сексологии, как «сексуальная культура». В исследовании ее сущности и содержания автор отталкивается от деятельностного подхода к понятию культуры, акцентируя внимание на сексуальной активности человека, и дает собственное определение сексуальной культуре.

Ключевые слова:

Культура, сексуальность, деятельность, уровень.

Summary

In this article the original interpretation of the term «sexual culture» is given. Adhering to the Activity Theory while studying its essence, the author defines sexual culture and concentrates on human sexual activity.

Keywords:

Culture, sexuality, activity, level.

ЭРОС В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРЫ

Л.М. ЩЕГЛОВ

Традиционно сексологию определяют как «область знаний, комплексно изучающую социальные и психологические аспекты взаимоотношений полов, а также физиологию и патологию половой жизни¹. К сожалению, чаще обыденное сознание сводит суть сексологии к заключительной фразе этого определения («... физиология и патология половой жизни»), в то время как именно социально-психологические и культурологические аспекты дают возможность вывести сексологические исследования и рассуждения из медицинских кабинетов в окружающую нас «нормальную» жизнь.

Понятно, что сексуальность соединяет в себе нечто общее, т.е. присущее человеку как биологическому виду и нечто специфическое, частное, определяемое конкретным обществом, эпохой, особенностями культуры.

О закономерностях человека как представителя биологического вида можно узнать из учебников и руководств анатомо-физиологического профиля. Воздействие социально-культурных факторов изучено существенно слабее. Культуру чаще определяют как «систему норм и ценностей», «совокупность знаковых систем», «систему продуктов духовного опыта».

Именно культура осуществляет нормативную функцию, наиболее ярко представленную в общественном сознании, идеологии, представлениях о должном поведении в данном конкретном обществе. Эта функция определяет и наличие расхожих мифов и стереотипов, составляющих существенный блок так называемого менталитета.

Во всем многообразии проявления «сексуального» в том или ином обществе можно проследить одну из трех основных тенденций:

1. Государство вводит четкие нормы индивидуального поведения, обеспечивая их соблюдение репрессивными административно-правовыми мерами.

2. Общество само контролирует и сдерживает социально нежелательные аспекты сексуального поведения с помощью профессионального опыта и знаний.

3. Индивид сам может и должен контролировать свое поведение. Главное здесь – личный выбор².

Особенность сегодняшнего дня в России состоит, в частности, и в постепенном переходе от первого из описанных вариантов ко второму. Третий путь представляется гипотетически возможным в «светлом» будущем.

А что же было в прошлом? Каковы же общеисторические закономерности формирования взаимодействия секса и культуры?

Одним из самых ранних свидетельств на заданную тему являются остатки наскальных изображений, относящихся ко времени задолго до принятого сегодня летоисчисления. Отмечена любопытная деталь наскальных сюжетов: чем знатнее изображаемая фигура охотника (вождь, приближенный), тем более внушительных размеров в изображении представлен фаллос. Символическое значение фаллоса и эрекции (как знака доминирования, господства, иерархии, власти) было раскрыто на новом витке истории в XIX и XX вв. Литературные памятники Древней Индии – Веды и Упанишады – это гимны эротической жизни, сексуальной активности. Боги посылают людям наслаждение зачатия, оно уподобляется «искрам огня». На этом огне боги благословляют семя, которое дает новую жизнь. С языческой откровенностью поэтизируется магия совокупления. Позже, в эпоху буддизма, страсть становится сдержаннее, обогащается внутренний мир влюбленного, углубляются его переживания. Иудаизм впервые проявляет некоторую неоднозначность отношения к сексу. В «Песни песней» Ветхого завета любовь предстает как завораживающая, могучая, стихийная сила. Слова, которые используют влюбленные, поэтичны, но в большей степени связаны с чувственным влечением, нежели с высшими душевными движениями. Так, влюбленный уподобляет свою любимую «кобылице в колеснице фараоновой». В то же время подчеркивается индивидуальный выбор и предпочтение: «...что лилия между тернами, то возлюбленная между девицами».

Параллельно с этим в первых пяти книгах Ветхого Завета появляются регламентирующие правила сексуального поведения (запрещается адюльтер, строго осуждается гомосексуальность).

В арабской культуре также можно проследить индивидуальное предпочтение, свободу и загадку личного выбора.

Поэзия отражает озарение чувственного влечения тонкими эстетическими переживаниями.

Тема любви в Древней Греции пронизывает бесконечные похождения и интриги богов, где буйная страсть зачастую полностью затмевает осознанное любовное влечение. Все важные события обусловлены эротическими механизмами: Троянская война начинается из-за Елены, Ахилл совершает подвиги во имя Брисенды, Пенелопа, движимая любовью, годами преданно ждет Одиссея... Гомосексуальная любовь не только допускалась, но и приветствовалась. Подобные отношения между взрослым мужчиной и подростком наделялись функцией сакральной передачи мудрости, смелости, мужества и иных достоинств от старшего к младшему. Древнегреческая драматургия подчеркивает трагичность любви, ее сопровождают мучения влюбленных, предательство, измены, неодолимые препятствия, коварство, смерть.

На заре христианства формируется особое отношение к сексуальности, представлявшее собой смещение взглядов и представлений древних евреев и греков. Христианское учение заимствует у греков разграничение между «эросом», или плотской любовью, и «агапе» — любовью духовной, возвышенной. К концу IV века нашей эры формируется в целом негативное отношение к сексуальности человека, что ярко отразилось в писаниях одного из отцов церкви Блаженного Августина, который полностью отрешился от мирских утех. Он определил вожделение как результат грехопадения Адама и Евы в райском саду, которое отодвинуло людей от Бога.

Существенно более позитивным было отношение к сексу у последователей восточных религиозных доктрин (даосизм, дзен-буддизм, конфуцианство и др.). Примерно в то же время, когда Блаженный Августин писал свою «Исповедь», была создана Камасутра — подробное руководство по сексу. Аналогичные трактаты создавались в Японии и Китае.

Средневековье ознаменовало коренной перелом в мировосприятии человека. Если в античную эпоху мир представлялся монолитным, по сути гармоничным, соединяющим телесную и духовную красоту в одно целое, то мир средневекового христианина был глубоко и трагично раздвоен, дисгармоничен: это мир Бога (духа) и мир дьявола (плоти).

Идеалом становится не красивый атлет, а изможденный, изуродованный «укрошением плоти» аскет. Целомудрие Девы Марии возводится в определенный культ. Девственности придается особая мистическая ценность. Возникает право «первой ночи», которым пользуется высший по социальной иерархии человек, господин. Единственным оправданием половой жизни человека является прокреативная функция, т.е. необходимость продолжения рода в рамках освященного церковью брака. Но и в браке человек был не свободен: существовали запреты на сексуальную жизнь во время многочисленных праздников и постов, запреты на наготу и т.п.

В период европейского Средневековья среди высших слоев общества стали возникать новые обычаи, резко отделявшие реальную жизнь от идеализированной. Появляется стиль «куртуазной любви». Поэтические легенды описывают особую «рыцарскую» любовь, которая создает культ Прекрасной Дамы, возносит возлюбленную на бестелесный пьедестал. Так называемая «чистая» любовь полностью исключает чувственный компонент: женщина в этот период представляется в образе либо Мадонны, либо — Блудницы. Среднего не дано. Это не мешает рыцарю после целых часов рыданий под балконом возлюбленной насилловать простолудинок. Высокая любовь являет собой как бы средство для очищения от собственной греховности.

Пришедшее позже Возрождение и не думало подавлять телесность, чувственность, жизнелюбие. Вновь реабилитируется желание человека быть счастливым в земной жизни, а не когда-то потом, среди лучезарных ангелов. Боккаччо ставит любовь выше всех возможностей человеческой природы. Догмы куртуазной любви теряют свою привлекательность. Сервантес описывает уходящую в прошлое бесплотную рыцарскую любовь на фоне ярких изображений пламенных чувств влюбленных простолудинов. Вершиной Зрелого Возрождения является творчество Шекспира, показавшего неисчерпаемое многообразие любовных переживаний.

Но далее в XVII — XVIII и XIX столетиях нагота и сексуальность вновь становятся неприличными, знаменуя начало Викторианской эпохи.

М. Монтень задавался вопросом: «В чем повинен перед людьми половой акт — столь естественный, столь насущный и столь оправданный, — что все как один не решаются говорить о нем без стыда на лице и не позволяют себе затрагивать эту тему в серьезной и благопристойной беседе? Мы не боимся произносить: убить, ограбить, предать, — но это запретное слово застревает у нас на зубах. Нельзя ли отсюда вывести, что чем меньше мы упоминаем его в наших речах, тем больше останавливаем на нем наши мысли?»

А был ли секс на Руси? Современные идеологи национал-патриотизма уверяют нас в том, что Древняя Русь отличалась каким-то особым целомудрием, которое разрушали (и продолжают разрушать) циничные инородцы.

Что касается «светлого», целомудренного прошлого, оно представляется достаточно гипотетичным. Сложность изучения русской сексуально-эротической культуры определяется прежде всего эффективно работающей цензурой, сначала царской, а вслед за ней — советской. В постсоветские времена первые публикации о русской эротической традиции культуре появились в 1991 г. Понятно, что сегодня знания и представления о российской эротической специфике остаются крайне противоречивыми, фрагментарными и спорными. Именно противоречивость является одной из основных характеристик русской сексуальной культуры как на бытовом, так и на глубинно-символическом уровне. Вечная «вертикаль власти», патриархат в семье, зафиксированный в понятную только в России поговорку: «Бьет — значит любит», сочетаются странным образом с женственностью национального характера («Родина — мать», «Мать — сыра земля» и т.д.).

Разобщенность, а зачастую — противопоставление телесного и духовного отражаются и в общественном сознании, и в индивидуальном поведении, и в обыденной лексике.

Прошло не так уж много времени с тех пор, как прозвучало парализовавшее весь мир заявление о том, что «секса у нас нет», как общество хором признало, что «ЭТО у нас есть». И немало. Хотя, зачастую, глядя на экран телевизора, зритель не всегда успевает сообразить: это еще обнаженное или уже голое? Сегодня у нас нет сложившегося языка, описывающего это явление: секс, хотя явление вроде бы есть. Как наш человек говорит об ЭТОМ, когда у него появляются сексуальные проблемы и он вынужден обращаться к врачу?

Могу выделить три основных варианта.

Первый. Обязательное употребление нецензурных слов. Мол, такое дело, ты же доктор, сам мужик, все понимаешь (условно — мужской вариант).

Второй. Предлагается сюсюкающий язык детского сада с труднопонимаемыми иносказаниями и намеками (условно — женский вариант).

Третий. Это — «зримая» песня, когда основной смысл передается мимикой, жестами, многозначительными интонациями. Поднятая бровь и подмигивание наделены особым информативным смыслом («Доктор, у меня ЭТО»).

Отсутствие общепринятого языка или его неоднозначность всегда свидетельствуют о противоречивости отношения к данной теме в общественном и индивидуальном сознании.

Наше новейшее, советское прошлое пыталось сформулировать определенные «сексуальные» заповеди:

1. Не должно быть слишком раннего развития половой жизни в среде пролетариата.
2. Необходимо половое воздержание до брака, а брак должен заключаться лишь в состоянии полной социальной и биологической зрелости (т.е. в возрасте 20 — 25 лет).
3. Половая связь — лишь как конечное завершение глубокой всесторонней симпатии и привязанности к объекту половой жизни.
4. Половой акт должен быть лишь конечным звеном в цепи глубоких и сложных переживаний, связывающих в данный момент любящих.
5. Половой акт не должен часто повторяться.
6. Не надо часто менять половой объект. Поменьше полового разнообразия.
7. Любовь должна быть моногамной, моноандрической.
8. При всяком половом акте всегда надо помнить о возможности зарождения ребенка — и вообще помнить о потомстве.
9. Половой акт должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специального полового завоевания.

10. Не должно быть ревности.

11. Не должно быть половых извращений.

12. Класс в интересах революционной целесообразности имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов. Половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая³.

Комментарии, как говорится, излишни...

В целом отношение власти к сексу в нашей стране можно условно представить себе в виде пяти этапов.

Первый этап (1917 — 1924) характеризуется резким снижением государственной цензуры, надзора за сексуальным поведением человека, ослаблением института брака, некоторой эмансипацией женщин. Как следствие, этот период сопровождается мощным всплеском числа аборт, ростом проституции и венерических заболеваний. В это время отмечается весьма своеобразное законотворчество, относящееся к сфере секса. Так, известен декрет Владимирского Совета (1918) об объявлении женщин с 18 до 32 лет государственной собственностью с последующим «распределением». В Екатеринодаре в том же 1918 г. особо отличившимся красноармейцам выдавали мандат следующего образца: «Предъявителю сего предоставляется право социализировать в городе Екатеринодаре 10 душ девиц в возрасте от 16 до 20 лет, на кого укажет товарищ».

Второй этап (1924 — 1930) характеризуется началом деэротизации советского общества, поставленной на сугубо классовую, идеологическую основу (см. упомянутую книгу А.Б. Залкинда).

Третий этап (1930 — 1956) связан с укреплением жесткого тоталитаризма, повсеместным контролем государства над частной жизнью человека, отрицанием сексуальных потребностей советского члена общества. С 1937 г. бытовые и семейные неурядицы стали раздуваться до масштаба громких политических «дел». В 1938 г. «Комсомольская правда» сообщала о том, что «враги народа немало поработали над тем, чтобы привить молодежи буржуазные взгляды на вопросы любви и брака и тем самым разложить молодежь политически».

Четвертый этап (1956 — 1986) определяется процессом «оттепели», одряхлением тоталитарной государственной машины и некоторым расширением сферы индивидуальной свободы. Общественное сознание постепенно начинает допускать многовариантность сексуальных переживаний и право личности на индивидуальный выбор.

Пятый этап (с 1986 г. по настоящее время) обусловлен крахом советской власти. Секс выходит из подполья, государственный контроль практически исчезает, человек получает право выбора стиля

сексуального поведения. Отмечаются первые, не всегда удачные шаги по формированию сексуальной культуры. В то же время секс вульгаризируется, становится зачастую назойливым и рекламным, существенно коммерциализируется. В обществе фиксируется определенный раскол по глубинным проблемам сексуального поведения.

Что же происходит сегодня?

Сексуальная революция в постсоветской России... Нарастающее повсеместно увеличение разводов... Крах института семьи... СЕКСПЛУАТАЦИЯ...

60-е – 70-е годы прошлого столетия озадачились вспышками молодежных бунтов университетских центров Европы и Северной Америки. Двадцатилетние молодые люди крушили все вокруг, протестуя против фальшивой и лицемерной структуры общества «взрослых». Бизнес, политика, семья и само общество вызывало у них неприятие. В это время прозвучал лозунг «Биттлз»: «Не занимайтесь войной, занимайтесь любовью!» Секс стал восприниматься как уход от окружающего лицемерия, как своеобразный наркотик, позволяющий отвлечься от реальности, сконструировать приятные ощущения. В это же время прозвучали радикальные призывы разрушить фальшивый институт семьи, где чувства ушли, люди обманывают друг друга, изменяют и т.п. Число разводов было весьма впечатляющим...

Прошло два–три десятилетия. Западное общество пережило кризис, более того, семья становится на сегодняшний день основной ценностью существования человека. Статистика разводов кардинально изменилась к лучшему.

В России о нарастающем вале разводов впервые заговорили в конце 80-х годов, тогда же появилась статистика нарастания количества разводов. При всей социально-политической и культурной изолированности советского общества от Запада динамика сексуального поведения и семейных установок советских людей в основном и главным была той же, что и за рубежом.

И прежде всего речь шла о глобальном процессе изменения и ломки традиционной системы взаимоотношений полов. Сексизм (т.е. неравноправие полов) становится в западном обществе непопулярным и проявляется все меньше, отношения мужчин и женщин становятся более демократичными во всех сферах общественной и личной жизни, стереотипы мужественности и женственности перестают быть полярными и взаимоисключающими.

Понятно, что существенные изменения претерпевает и институт семьи. Прежде всего, это:

1. Изменение системы власти.

Эту тенденцию можно обозначить как процесс перехода от патриархальной семьи к эгалитарной, т.е. более свободной.

2. «Нуклеаризация» современной семьи.

Речь идет о снижении количества членов семьи. Многоколенные семьи встречаются крайне редко, особенно в городах.

3. Фактическое исчезновение понятия «многодетность».

Общий показатель плодовитости в СССР 1958 – 1959-х годов с 2,8 детей на одну женщину снизился за 30 лет до 2,1 в Российской Федерации 1988 г.

За эти годы произошли колоссальные изменения в психологии людей, в их ожиданиях от брака и установках.

В недавнем прошлом семья базировалась на таких, казалось бы, нетленных ценностях, как:

1. Брачность. 2. Сексуальность. 3. Репродукция.

Под брачностью чаще понимали определенные, раз и навсегда взятые обязательства по отношению к супругу, как бы возникающую с браком новую родственность. Всегда считалось, что любовные связи скоротечны, а брак вечен. Сегодня мы зачастую видим более прочные, брачные по сути, узы любовников, нежели связи в формально продолжающемся браке.

Сексуальность также была одной из важнейших ценностей брака. Еще недавно, несмотря на то, что и добрачная половая жизнь и внебрачные контакты были всегда, основная часть сексуальной деятельности человека оформлялась в рамках брака. Сейчас ситуация несколько иная. Мы знаем достаточное количество фактов окружающей нас жизни, когда в браке сексуальная жизнь течет крайне монотонно и блекло, в то время как вне брака – достаточно активно. Более того, учащаются ситуации, когда в браке секс фактически прекращается, но это совсем не свидетельствует об угасших потребностях и возможностях, так как «на стороне» сексуальная жизнь и активность успешно продолжается.

И, наконец, репродукция, т.е. рождение детей, которое еще недавно рассматривалось как основная функция брака. Давно ли считалось позором и проклятием семьи рождение ребенка вне брака? Доля таких детей среди всех новорожденных составляла десятые доли процента. Сегодня в крупных городах речь идет о 7 – 8 %. Общество не только понимает, но и принимает это явление.

В обществе растет число как разведенных, так и убежденных холостяков. Их никто не третирует, хотя в недавнем прошлом холостой рассматривался как ущербный, не совсем нормальный человек. В связи с тем, что личное счастье начинает ставиться выше понятий продолжения рода, союза ради какой-то выгоды и т.п., нарастает количество «проб и ошибок», когда человек не предполагает никаких отрицательных последствий того, чтобы попробовать выйти замуж (жениться) во второй, в третий раз...

Эти изменения и сдвиги в специфике семейно-брачных отношений передаются следующим поколениям. Молодежь, в свою очередь, легко усваивает эти новые ценности и углубляет их в силу того, что сегодня многие полоролевые особенности мальчишеского и девичьего поведения выравниваются, внешний контроль и давление со стороны мира взрослых ослабевают, и половая жизнь благодаря акселерации начинается раньше.

Возникают новые ценности, скрепляющие институт семьи. Это, прежде всего:

1. Адаптация. 2. Интимность. 3. Автономия

Под адаптацией понимается то, что чаще описывается термином «совместимость». Основными видами совместимости является духовная, психологическая, интеллектуальная, совместимость по индексу образования, семейно-ролевая, сексуальная, педагогическая и материально-бытовая совместимость. Понятно, что чем больше в супружеской паре совпадений по уровням совместимости, тем выше адаптация супругов друг к другу.

Под интимностью понимается нечто, известное партнерам (супругам) и неизвестное всем другим, а зачастую скрываемое от них. Так уж повелось в нашем обществе, что под «интимным» чаще всего понимается сексуальное. На самом деле в роли интимного может выступать все, что угодно.

Автономия в браке отражает необходимость для современного человека в психологической свободе, потребность иметь право выбирать и быть выбранным, право экспериментировать и, в случае неудачи, расторгнуть брак.

Понятно, что в силу происходящей смены основных ценностей брака следует ожидать и в ближайшее время достаточно большого количества разводов, но это свидетельствует не о крушении института семьи, а о процессе переориентации ценностей семьи в России конца XX – начала XXI веков.

Что же нас ожидает в ближайшее время? Думается, прежде всего, это:

1. Смена прокреационной модели сексуальности (в которой конечной целью секса является прокреация, т.е. рождение детей) на рекреационную («наслажденческую») цель.
2. Снижение возраста начала половой жизни как у юношей, так и у девушек, связанное целым рядом как социально-психологических и культурных факторов, так и с акселерацией.
3. Отход от многопоколенной семьи к однопоколенной.
4. Изменение семейных ролей с ослаблением традиционных патриархальных стилей.
5. Индивидуализация сексуального поведения.
6. «Сужение сферы запретного» по Д.М. Лихачеву.

7. Рост разводов в связи со сменой глубинных ценностей и ориентаций института брака.

Возникновение новой сексуальной культуры – процесс долгий и непростой. Сейчас мы находимся скорее в стадии отрицания и крушения (не всегда оправданного) старых представлений и ценностей. Поэтому вместо появления спокойного и открытого отношения к сексу сейчас мы чаще видим проявление «дикого» секса в вульгаризированном и коммерциализированном варианте. Вульгаризация и назойливость в этой области вызывают разочарование и раздражение, которое консерваторы и клерикалы используют в целях позиционирования себя в качестве истинных «защитников» морали и духовных ценностей.

Сексуальная культура не может возникнуть или измениться сама по себе. Процесс этот происходит только с помощью своеобразных «островков» в науке, искусстве, общественном сознании. Убежден, что представляемая читателю работа выполняет именно эту роль.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Кон И.С.* Большая медицинская энциклопедия. – М., 1984. Т. 23. – С. 190.

² См.: *Энгельштейн Л.* Ключи от счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX – XX веков. – М.: ТЕРРА, 1996. – С. 338.

³ См.: *Залкинд А.Б.* Революция и молодежь. – М., 1924.

Аннотация

В статье рассматривается влияние фактора культуры на сексуальное поведение человека. Анализируются исторические закономерности формирования взаимодействия секса и культуры, как в мире, так и в России, в том числе в советское время. Автор проводит анализ структурных и функциональных изменений института семьи в современном мире.

Ключевые слова:

Культура, сексуальная культура, сексуальное поведение, ценности, семья, мораль.

Summary

In this article the influence of the cultural factor on the human sexual behavior is analyzed. Author reviews the historical regularities of interaction between sex and culture all over the world and in Russia, especially in the times of the Soviet Union. Author gives the analysis of structural and functional changes of the family institute in the modern world.

Keywords:

Culture, sexual culture, sexual behavior, values, family, morals.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ И НАРЦИССИЗМ

С.Т. АГАРКОВ

Современная наука о человеке становится все более «технологичной». Скоро исполнится десять лет со времени расшифровки генома человека; сегодня эта процедура уже стала быстрой и относительно недорогой. Расшифрованы геномы древних предков современного человека, типовые геномы европейцев и славян, геномы многих животных. Открыт так называемый феномен «ген-нокдауна», позволяющий выключать «плохие» гены, значительно продвинулись генетические исследования соматических и психических заболеваний, а также механизмов старения. Прогресс фармакологии уже сегодня позволяет контролировать многие неизлечимые заболевания. Современные методы визуализации (компьютерная томография, магниторезонансное и ультразвуковое сканирование) не только выявляют минимальные нарушения мозговых структур, но и используются при исследовании реакций мозга в экспериментальной психологии. На очереди внедрение отработанных методик с применением стволовых клеток и нанотехнологий, создание биотехнологических протезов и искусственных органов.

На фоне этих прорывных инноваций возрождение интереса к психоанализу в конце XX – начале XXI веков выглядит странным анахронизмом. Столетие назад психоанализ сам возник как психологический ответ на эволюционную теорию Чарльза Дарвина и поразительно быстро завоевал умы современников. По мере развития и модернизации психоаналитических идей в западной психологии базисные постулаты фрейдизма постепенно оттеснялись новыми направлениями, а с внедрением в психиатрию стандартов так называемой «доказательной» медицины из технологий диагностики и терапии сместились в сферу оттеночных технологий контакта консультанта и клиента. Таким образом, в эпоху тотальной стандартизации и жесткого лоббирования фармбизнесом страховых выплат в психиатрической практике на Западе психоанализ остается одним из немногих, ориентированных на клиента, методов преодоления психологических проблем даже в условиях глобального кризиса. В России, где стандартизация медицинской практики далека от завершения, психоанализ имеет даже больше шансов на существование, несмотря на отсутствие культуры психологического сопровождения проблемных периодов жизни.

Эта особенность психоанализа хорошо прослеживается на модели сексологической практики. Сама научная сексология возникла под непосредственным влиянием фрейдизма и развивалась в непрерывной дискуссии с ортодоксальным психоанализом. Обрыв пуповины и автономизация науки о сексе произошли в 30 – 40 гг. XX в. под влиянием идей синтетической теории эволюции, прояснившей не толь-

ко роль, но и популяционно-генетические механизмы полового отбора, а также широких антропологических исследований, в первую очередь реализованных Маргарет Мид. Собственно, первое стандартизованное параметрирование сексуальности в различных культурах, предпринятое Альфредом Кинзи, было логическим завершением этого цикла. «Точкой невозврата» сексологии в чрево психоанализа оказалась широкая вариация индивидуальных и поразительная идентичность групповых параметров сексуальности у представителей различных рас, национальностей и культур, включая религии и социальный уклад, в разных климатических поясах и геополитических условиях. Отделившись от психоанализа, сексология долгий период оставалась респонсивной к его постулатам и охотно использовала наработки психоанализа в развитии контакта между врачом и пациентом, пока сама едва не оказалась в разряде ископаемых дисциплин.

Ситуация коренным образом изменилась с появлением новых методов стимуляции мужской сексуальности в 90-х годах прошлого столетия, т.е. с появлением «Виагры». С этого момента тренинг отношений и развитие сексуальности в паре все больше вытесняется варьированием дозы и комбинацией новых стимуляторов с половыми гормонами, движимыми завораживающей клиента идеей медикаментозного принуждения к сексу. Место сексологии с ее поведенческими и психосоциальными аспектами занимает так называемая «сексуальная медицина» с расширенным лабораторным «обследованием» и фармакологическим протезированием сексуальности, вплоть до «сексуальной хирургии», т.е. хирургии не столько половых органов, сколько хирургического моделирования сексуальных функций. Успехи в решении сексуальных проблем у мужчин обнажили бессилие медицины перед лицом нарастающих сексуальных проблем женщин. Сексуальная революция на фоне роста экономической и социальной независимости женщин формирует новые сексуальные запросы качественного плана, неразрешимые количественной интенсификацией мужской сексуальности. Хотя некоторые фармацевтические корпорации обещают вскоре создать «женскую Виагру», эти попытки постоянно терпят крах. Поразительно, но никто даже не пытается постичь эволюционную логику женской сексуальности и понять, насколько вообще адекватны и перспективны эти усилия. В синтезе сексологии и эволюционной психологии уже в XXI в. появились ответы на некоторые из этих вопросов.

Современная эволюционная теория, опирающаяся на концепцию различной роли полов в эволюции, объясняет целесообразность полового отбора созданием новых генетических комбинаций с высоким уровнем иммунитета, опережающих эволюцию паразитов (в первую очередь бактерий и вирусов) и обеспечивающих жизнестойкость последующих поколений. Носителем инноваций является мужской пол, более подверженный мутациям и спешащий инвестировать позитив-

ные приобретения в популяционный геном. Решить эту задачу мужской пол может чисто количественным путем за счет увеличения своего потомства и вытеснения из популяции некачественных «чужих» генов. Но природа оставляет прерогативу выбора за самкой, так как она отвечает за качество потомства. Именно она должна распознать позитивные мутации самца и остановить на нем эволюционный, т.е. репродуктивный выбор. Многочисленные исследования на насекомых, рыбах, птицах и млекопитающих показали, что самки предпочитают симметричных, «красивых» самцов, гарантирующих высокий иммунный статус потомства, но имеющих некоторые дезадаптивные черты (яркую окраску, пышное оперение, избыточную вокализацию и т.п.). Вектор этого выбора, именуемый «принципом гандикапа», на языке эволюционного выбора означает, что выжившая, несмотря на плохую маскировку, особь должна обладать серьезным адаптивным потенциалом, т.е. быть «умной», способной выжить самой и обеспечить потомство ресурсами для выживания. Синтетическая теория эволюции подразумевает, что такой отбор непрерывно происходит не на уровне признаков и отдельных особей, а на уровне генов и популяции в целом. В природе рецептивная самка является ограниченным ресурсом и реализует свои «избирательные» права за счет избыточной самцовой конкуренции за самку.

В человеческом обществе все происходит несоизмеримо сложнее, но многие эволюционные закономерности, тем не менее, тоже прослеживаются. Например, стремление к генетическому разнообразию в женском выборе установлено эмпирически при исследовании феномена женских измен, показавшем, что при генетической схожести супругов женщины изменяют чаще и выбирают для этих целей генетически разнородных партнеров. В другом исследовании установлено, что женский выбор бывает двойственным. В частности, для непродолжительных романтических отношений женщины предпочитают мужчин с высоким уровнем тестостерона, т.е. с большей сексуальной энергетикой, но менее отягощенных родительскими намерениями. Для семейных отношений предпочтение отдается более мягким, сочувственным мужчинам с меньшим уровнем тестостерона, но готовых проявлять заботу и активно участвовать в социализации потомства. Кстати, исследование моногамных видов, например, лебедей, показало, что при появлении потомства уровень тестостерона у самцов падает, что помогает им сохранить верность и заботу о потомстве. При введении самцам тестостерона они начисто забывали о «семье» и претендовали на новую самку. Соотношение этих выборов у современных (несомненно, эмансипированных) британских женщин выглядит как три к одному. Высокий уровень тестостерона защищает организм мужчины от ряда обменных нарушений (повышения холестерина, диабета) и сердечнососудистых заболеваний, но подавляет иммунитет и повышает риск развития рака. Мгновенная интуитивная генетичес-

кая разведка осуществляется женщиной по запаху мужского пота, несущему информацию об иммунном статусе мужчины и балансе генетических рисков. Этот процесс успешен при невысоком уровне женских половых гормонов — эстрогенов, а при его повышении, например приеме оральных контрацептивов, разборчивость в партнерских запахах утрачивается и восстанавливается только при отказе от контрацептивов. Современная парфюмерная индустрия сильно затрудняет подобную разведку и дезориентирует женское обоняние. Таким образом, эволюционно женщина запрограммирована на трезвое восприятие достоинств мужчины и пригодности его к выполнению отцовских функций. Опыление сексуальностью снижает критическое восприятие партнера и несет потенциальную угрозу жизнестойкости потомства.

Помимо подобной обонятельной генетической экспертизы чрезвычайно важен статус потенциального отца потомства. Например, самки дикоживущих шимпанзе, особенно немолодые, охотно меняют добываемую самцами мясную пищу на «сексуальные услуги», т.е. вычесывание паразитов и копулятивные провокации. Это понижает для самки риски получения травмы на охоте при сохранении белкового рациона и мотивирует молодых самцов заслужить компетентный выбор опытной, рейтинговой самки. При подобной интеракции существенным оказывается не размер контролируемого самцом ресурса, а «щедрость», способность поделиться существенной долей добычи. Но если самка делает эволюционно мотивированный выбор, она включает весь арсенал соблазнения самца и достигает своей цели. Кстати, в питомнике с избытком пищевых ресурсов подобное поведение утрачивается.

Психологические исследования влюбленности у человека показывают, что сама влюбленность не имеет никакого отношения к собственно любви — ценностному отношению к другому. «Положившая глаз» на субъективно перспективного партнера, женщина должна разбудить в нем самовлюбленного нарцисса, избавить от ужаса остаться невыбранным и бесперспективным. Сама же она должна оставаться, по меньшей мере некоторое время, трезвой и прагматичной, чтобы вовремя исправить ошибку, если таковая всплывет в нарождающихся отношениях. Поэтому не самовлюбленная холодность, а яркая драма влюбленности, неразделенной любви и отвергнутости являются апофеозом нарциссического конфликта. Поэтому и период влюбленности у женщин примерно вдвое короче, чем у мужчин (1 — 2 года против 3 — 4 лет у мужчин), эмоциональная амплитуда куда скромнее, а критические способности в оценке партнера подавляются в меньшей степени. Все эти соображения находятся в вопиющем несоответствии с классическими представлениями о нарциссизме, во всяком случае, о его современном восприятии как разновидности фетишизма собственного тела.

Современная культура целиком пропитана духом нарциссизма. Пиар и самореклама из инструмента электорального состязания давно превратились в самоцель, сигнализирующую об успехе и социальном благополучии. Сегодня не только внешние атрибуты стиля жизни, но и его жизненные основы претерпевают огромные изменения. Культ молодости и сексапильности заставляет миллионы людей сидеть на диетах, прибегать к услугам пластической хирургии, потреблять сомнительные «таблетки от старости». Любой, даже временный неуспех расценивается как крах, вызывает депрессию и отчаяние. Эта обстановка заставляет общество пренебрегать такими исконными ценностями, как любовь, семья и духовное развитие. Любовь все чаще воспринимается как хлопотная и долгая «кредитная» история и подменяется техникой секса. В этих условиях даже религия воспринимается как совокупность ритуалов для сохранения фигуры, которая нужна опять-таки для продвинутого секса. В итоге секс утрачивает сакральные функции эволюционного выбора и быстро превращается в разочаровывающий суррогат, оцениваемый по физическим параметрам. Эту пустоту не могут заполнить ни кожаное эротическое белье, ни «Виагра», ни специально обученные работники коммерческого секса. Пустота зачастую заполняется алкоголем, наркотиками, игровой зависимостью.

Наверное, здоровая доля нарциссизма смогла бы гармонизировать отношения с жизнью, сделать ее ярче во многих отношениях и содержательней. Но этот шанс появляется скорее у тех, кто потерпел крушение в личной жизни и вынужден пересматривать жизненные позиции. И здесь на помощь опять приходит психолог или психоаналитик, способный вернуть человека к вечным ценностям и возродить в нем вкус жизни.

Аннотация

В работе рассматриваются сексологические аспекты феномена нарциссизма. Показана эволюция этого понятия из сферы сексуальных извращений для обозначения влечения к собственному телу, к универсальному механизму трансформации полового влечения во влюбленность. Приведены данные о некоторых нейрохимических и нейро-физиологических механизмах нарциссической влюбленности у человека.

Ключевые слова:

Дарвинизм, психоанализ, сексуальность, научный прогресс, сексология, генетика, эволюционная психология, нарциссизм, любовь.

Summary

The following article analyses the sexological problems of the narcissism-phenomenon. The author describes the evolution of this notion: from the original meaning of love to the person's own body (a sexual deviation) to the meaning of universal mechanism of transformation of sexual desire into infatuation. Some data on neurochemical and neurophysiological mechanisms of human narcissistic infatuation is given.

Keywords:

Darwinism, psychoanalysis, sexuality, scientific progress, sexology, genetics, evolutionary psychology, narcissism, love.

Гендерный подход

ЖЕНСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

М.А. ПРОНИН

Введение

В короткой работе нет возможности охватить все пространство женской сексуальности, да и не к чему. Тайн и загадок в человеке, особенно в женщине, гораздо больше, чем известного и понятного нам. В этом-то и есть та самая прелесть и чудо жизни. Тем не менее, некоторые «удивительные», как мы надеемся, результаты наших наблюдений, исследований и размышлений вашему вниманию будут представлены.

Сексуальность и ее проявления будут рассмотрены с позиции виртуалистики – с позиции виртуального подхода, как его понимает и разрабатывает отечественная школа, связанная с именем Николая Александровича Носова (1952 – 2002) и Центром виртуалистики Института человека РАН (ЦВ ИЧ РАН: 1991 – 2004 гг.), а с 2005 г. – Исследовательской группы «Виртуалистика» Института философии РАН.

С одной стороны, читатель не обязан знать все наши работы и поэтому нам придется делать некоторые, максимально краткие, экскурсии в историю и методологию в виду того, что наш подход обладает выраженной парадигматической спецификой и оригинальностью, но с другой стороны – повторять то, что уже не раз было опубликовано, полагаем, тоже не имеет смысла. Посему, во-первых, ограничимся ссылками на общедоступные ресурсы: на сайте www.virtualistika.ru полностью опубликовано «Введение в виртуалистику» (Пронин М.А., Юрьев Г.П., 2009), включающее обзор всех наших работ за 30 лет. И, во-вторых, приведем лишь наиболее значимые и принципиальные для нашей темы теоретические концепции, конструкты и положения виртуального подхода, без которого фактура, логика и выводы могут не быть восприняты. Но вся теория будет отталкиваться от демонстрации феноменологии, адекватной теме и жанру.

Нетрадиционность нашего взгляда предполагает введение в научный и философско-антропологический оборот нового феноменологического (личного наблюдательного) материала – возможно, чересчур поверхностным «пунктиром», – его осмысление и теоретизацию, или новую интерпретацию и/или обоснование

известных фактов либо мифов, что можно считать третьим существенным моментом настоящего сообщения.

По ходу мы сделаем некоторые выводы (утверждения). В заключение подведем краткие итоги.

Три грации

Общеизвестно, что Хариты (греч. Χαίριτες от χαῖρις, «изящество», «прелесть») — в древнегреческой мифологии три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности. Хариты, как богини изящества, прелести и красоты, были даровательницами вдохновения и приближенными к искусству. Элемент «Харис» включает микенское слово ka-ri-si-jo.

Согласно Гомеру, Хариты — «прислужницы Афродиты». Их жилище расположено рядом с Музами, что подчеркивает их близость. Их культ находится в Орхомене.

Согласно Гесиоду и Ономакриту, Хариты — дочери Зевса и Евриномы.

Упоминаются они и Пиндаром: Аглая (греч. Αγλαΐα, «ликование», либо «красота», «блеск»). Жена Гефеста. Вестница Афродиты. Евфросина (греч. Ευφροσύνη, «радость», либо «благомыслящая»). Таллия (греч. Θαλλία, «изобилие»)².

Подчеркнем также, что Хариты — это цветущие *девственные* (во всяком случае не рожавшие) женщины.

Легко заметить, что с такими именами очень тесно связано простонародное понимание предназначения женщины — жить, любить и радоваться. Легко также заметить, что грация как порожденная целостность (эмергентность в системном подходе) не может быть сведена ни ко одному из элементов — в нашем случае ни к одной из Харит: ни к телу, ни к характеру, ни к уровню мышления женщины, если говорить менее романтично.

Есть и другие имена Харит и их интерпретации, но мы остановились на тех, что в наибольшей степени соотносятся с теоретической моделью виртуального человека и подтверждаются нашим опытом работы с нарушениями — *аномиями* (далее подробнее) женской сексуальности.

В теории виртуалистики, что представлена школой Н.А. Носова, Homo Virtualis — это теоретический концепт, вводящий в онтологию внутреннего пространства (мира) человека, как бы мы его ни называли — антропологическим, психологическим, духовным, субъектным, человеческим.

Virtus (лат.) — особое состояние силы, доблести и мужества у воина в бою, или добродетель как родовое понятие. Видовыми его проявлениями следует рассматривать харизму (для мужчин) и гра-

цию, или хариту, (для женщин). Виртуоз — однокоренное слово (артист — синоним на греческом).

Именно с этой точки зрения нами проводится философско-антропологический анализ женской сексуальности.

Так какова же структура концепта «виртуальный человек» и как она соотносится с тремя грациями?³

Конструкт «виртуальный человек» включает реальности 1) *телесности*, 2) *сознания*, 3) *личности*, 4) *воли* и 5) *внутреннего человека*. Полионтизм — множественность внутреннего мира, внутреннего пространства человека — краеугольная характеристика, закладывающая онтологию его понимания. И все они находятся в динамических отношениях «порождения-порожденности» — в виртуальных отношениях. Порождающая реальность в виртуалистике называется константной, а порожденная — виртуальной.

Нетрудно догадаться, что Евфросина представляет сознание в качестве константной реальности, относительно которой развертываются все остальные реальности. Аглая — реальность телесности, а Талия — реальность «женской» личности, произрастающая из известного места.

Возможно, предложенное соответствие многими читателями тоже воспринимается как очередная интерпретация? Тогда пока примите указанные соотношения как допущение. Для нас же это реальности, обладающие статусом существования, что подтверждено как экспериментально, так и нашими наблюдениями и исследованиями во многих сферах науки и практики, связанных с человеком (объективные инструментальные измерения возможны с помощью эгоскопа Г.П. Юрьева: www.egoscop.ru).

К сожалению, предложенная картина — весьма упрощенная. Ее следует дополнить.

Каждая из вышеназванных реальностей в свою очередь также многомерна. Множественность телесностей, сознаний, личностей, воли и внутренних людей... Приносим извинение за примененные грамматические формы, но опыт показывает, что изрядной доле коллег и пациентов это помогает увидеть и понять идею и модель, ее реализующую.

Отдаем себе отчет, что для многих — для тех, кто не знаком с нашими работами, — такая «накрученность» представления взаимозависимых, взаимообусловленных элементов в системе может показаться на первый взгляд чрезмерной. Но вынуждены констатировать (см. наши работы), что мы рассматриваем *минимально допустимую теоретическую размерность пространства*, относительно которого могут быть смоделированы все феномены женской сексуальности. Модель и ее размерность рассматриваются нами как инварианты. По аналогии проводилась и проводится

теоретизация и других феноменов, таких, как ошибки, аддикции (болезни зависимостей), посттравматические стрессовые расстройства, биоэтические аномии и пр.

При этом каждая из названных субличностей, как можно было бы охарактеризовать грации, если сослаться на достаточно хорошо известные на Западе, но, к сожалению, не у нас, идеи итальянского психолога Роберто Ассаджиоли — также взаимодействуют в виртуальном модусе. И их отношения, их взаимодействие, что легко понять, обладают не модусом вечности, а модусом константности — т.е. некоторой устойчивостью и воспроизводимостью, повторяемостью, равновесной текучестью.

Итак, ситуация усложняется еще раз, когда мы пытаемся увидеть и понять интегральную, «итоговую» женщину. Ведь интегральная реальность конкретной женщины складывается из множества сознаний, телесностей, личностей и волевых проявлений каждой из Харит!

У каждой из названных граций есть своя «метафорическая голова», своя «эмоциональная телесность» и своя «женская (деторождающая) личность». И они находятся в виртуальных отношениях — отношениях взаимного порождения и порожденности... Причем каждая из Харит может быть аномальной, вырожденной, недоразвитой или, наоборот, сверхразвитой — на языке виртуалистики аномичной.

Какой же будет итоговая, интегральная Богиня? На этот вопрос мы постараемся получить некоторые ответы.

Пока же давайте припомним одну из ранних картин Рафаэля — «Сон рыцаря».

Отсылающий к древним текстам «Сон рыцаря» символизирует собой выбор между Палладой и Венерой, т.е. между *добродетелью* — согласно Цицерону — «особым состоянием доблести и мужества у воина в бою», — и удовольствием. Рыцарь — мечтательный юноша изображен на фоне прекрасного пейзажа. Он исполнен грации, может быть, еще недостаточно мужественной, но уже сочетающейся с каким-то внутренним равновесием, душевным спокойствием. Он спит, и рядом с ним стоят две женщины. Одна с мечом и книгой — Паллада, а другая — с цветами... — Венера.

Так что в таком выборе не все однозначно... Кто выбирает и кого выбирают? И как?

Но теперь необходимы несколько слов о массовом понимании виртуальности и об определении таковой виртуалистикой.

Homo Virtualis — per se

История понимания природы человека устремлена к выделению его основного качества — прямохождения, разумности, со-

циальности, игры... Сейчас говорят о Homo Virtualis — о виртуальном человеке.

Большинство формирует это понятие по аналогии и сводит содержание такового к «компьютерам» и Интернету. Это преобладающая сторона обывательского и научного «мэйнстрима» — вала, общепринятых и даже уже банальных суждений и очевидностей.

В этом случае вполне уместен тезис: компьютерная (техническая) виртуальность не работала бы, если бы не работала *виртуальность природная* — природа человека. Вполне уместно специалистам, анжированным компьютерной виртуальностью, задаться этим вопросом — осмыслить, в чем состоит природная виртуальность человека: Homo Virtualis per se — в чистом виде?

Вторая сторона рассмотрения Homo Virtualis как человека киберпространства — всевозможные «страшилки» или предсказания о виртуализации человека, его сознания, общества. Образы, для особо продвинутых — симулякры, — вот тенденция и интенция развития человека. Видимость (не кантовская, обывательская), слышимость и кажимость — новая планета бытия человека. Образ заменит все! Да уж. Образ метро заменит метро. Образ хлеба — сам хлеб. Образ философии — саму философию... Нас, виртуалистов, такая тенденция, конечно, «радует». Вульгарный идеализм — современное оружие оголтелого интеллигента от науки, — рефлекторно пришел на смену прошлого материализма.

Здесь следует обратить внимание на одно интересное несоответствие западного и отечественного мэйнстрима, оперирующих компьютерной виртуальностью. Если в русскоязычной литературе киберпространство чаще противопоставляют реальному, действительному миру, то в западной литературе cyberspace противопоставляется meatspace — «мясопространству», миру из плоти и крови. Западная научная мысль обычно воспроизводит схоластическое средневековое понимание антитезы виртуальный — субстанциальный.

Виртуальная реальность, согласно виртуальному подходу, обладает четырьмя признаками¹: *порожденности, актуальности, автономности и интерактивности*.

Не все реальности находятся в виртуальных отношениях, когда одна из них — порождающая (константная), а вторая — порожденная (виртуальная). Есть виртуальные реальности, порожденные психикой — это психологические виртуальные реальности.

Виртуалистика сегодня сфокусирована на решении фундаментальных теоретических проблем установления онтологической структуры внутреннего пространства человека: как бы мы его не называли — психологическим, антропологическим, духовным, субъектным и т.д., и т.п.

Т.В. Носова сформулировала 8 субъективных признаков попадания в виртуальную психологическую реальность⁵. Давайте рассмотрим их на примере оргазма.

Оргазм как виртуальная реальность

Сексуальность, как и человеческая жизнь, безбрежна. Но все же есть некоторые ориентиры, заложенные самой природой человека — это удовольствие и деторождение.

Рассматривая первичные, функциональные расстройства в данных сферах (первичные — это значит, что у женщины нет ни врожденной патологии, ни тех или иных хронических соматических заболеваний, которые могут осложняться бесплодием или аноргазмией), мы утвердились в том, что оргазм следует рассматривать как виртуальное состояние или событие, как виртуал.

«Виртуальная реальность — психологическая, т.е. порожденная психикой человека, включает в себя три типа событий: консуетал, гратуал и ингратуал. Последние два имеют родовое имя «виртуал». Можно выделить восемь его свойств, описанных Т.В. Носовой, о чем говорилось выше. Итак.

Непривыкаемость. Сколько бы раз данное событие ни возникало, каждый раз оно переживается как необычное и непривычное.

Спонтанность. В своих описаниях никому не удастся точно зафиксировать момент возникновения данного события. Нет временной границы довиртуального и виртуального режима, как, впрочем, и нет грани виртуального и послевиртуального режима. Всегда идет речь о себе уже в новом режиме. Виртуал возникает неожиданно и ненамеренно, процесс не контролируется сознанием и не зависит от воли (намерений и желаний) человека. Другими словами, переход из консуетала в виртуал и обратно не фиксируется человеком — он либо «здесь», либо уже «там».

Фрагментарность. У человека, находящегося в виртуале, появляется ощущение какой-то отделенности частей его тела от него самого (в таком случае обычно говорят, что руки не слушаются или же, наоборот, руки все делают сами). Поскольку виртуал есть отражение лишь данной текущей деятельности, индивид описывает не всего себя целиком (например, «я испугался», «я обрадовался» и т.п.), а лишь те части самого себя, которые участвуют в выполнении данного акта («жар в голове», «руки опережают мысль» и т.п.), хотя само переживание захватывает человека целиком.

Объективированность. О чем бы человек ни говорил — об изменении деятельности, наплыве чувств, затемнении сознания и т.п., он говорит о себе не как об активном начале, от которого исходят эти события, мысли, действия, а как об объекте, который охватывают мысли, переживания, действия. Рассказ идет о

том, что происходит с человеком, о том, чему он оказывается подвластным.

Первые четыре признака характеризуют виртуал с внешней точки зрения — это признаки попадания в виртуал. Следующие четыре описывают его изнутри: как человек чувствует себя, находясь в виртуале.

Измененность статуса телесности. Фактически виртуал есть обретение другой телесности. В результате реальность, в которой человек не действует, расширяется и переживается как весьма привлекательная, аттрактивная. В ингратуале человек замыкается на каком-то отдельном фрагменте собственной деятельности, переживая эту реальность как неприятную.

Измененность статуса сознания. В виртуале меняется характер функционирования сознания. В гратуале сфера деятельности человека расширяется — человек легко схватывает и перерабатывает весь необходимый объем информации. В ингратуале информация схватывается и перерабатывается с трудом. У человека, находящегося в гратуале, сохраняется предельная ясность сознания, обостряются способности к прогнозированию и т.п. В ингратуале сознание сужается, темнеет; мышление становится при этом вязким, внимание рассеянным и т.п.

Измененность статуса личности. В виртуале человек совсем иначе оценивает себя и свои возможности. В гратуале, при сверхэффективной и чрезвычайно легкой текущей деятельности, возникает ощущение, что человек может преодолеть все препятствия, свернуть горы. В ингратуале же, при очень трудно текущей деятельности, у индивида появляется чувство бессилия, ощущение подавленности.

Измененность статуса воли. В виртуале меняется роль воли. В гратуале деятельность совершается без волевых усилий со стороны человека, как бы самопроизвольно, кажется текущей сама собой. В ингратуале, наоборот, осуществление деятельности возможно только с помощью напряжения волевых усилий, «деятельность “не идет”, “сопротивляется”, тело человека “не слушается” его и т.п.»⁶

Конечно, приведенное определение носит обобщенный характер и для многих коллег, возможно, выглядит неожиданно.

Понимание связи оргазма (его обусловленности как события) с измененностью стольких реальностей внутреннего человека проливает свет на причины его нарушений — на причины первичной фригидности и аноргазмии.

Но из приведенного можно сделать и некоторый методологический вывод. Уровень качественного разнообразия модели (концепта) виртуального человека превосходит любые другие модели,

имеющиеся в психологии, т.е. это качественное разнообразие характеризуется более высоким уровнем системной реализации.

Кроме того, следует заметить, что когнитивные, эпистемологические подходы к описанию внешнего мира — дискретного евклидова пространства, — не адекватны виртуальным объектам внутреннего мира (пространства) человека, характеризующегося непрерывностью. Но это, что называется, телеграфно.

Тем не менее мы вынуждены перейти к такой области, как патология виртуальной образности или к рассмотрению аномалий оргазмических виртуалов.

Для этого нам предстоит уточнить, что такое консуетал и виртуал («Словарь виртуальных терминов» полностью размещен на сайте www.virtualistika.ru).

Консуетал — ощущение в самообразе субъективной нормальности протекания, осуществляемой человеком деятельности. Консуетал переживается, ощущается человеком как обычное событие, относящееся к тому типу психологической реальности, в которой «в норме» живет человек. Консуетал — это нормальное, естественное, неререфлексируемое состояние человека, такое же нормальное, как и ощущение давления атмосферного столба. Следует подчеркнуть, что консуетал — это не обязательно спокойное состояние. Консуетальным может быть любое психическое переживание, каким бы сильным или важным самим по себе оно ни было. В отличие от консуетала, виртуал переживается как необычное психологическое событие. Дело не в интенсивности, а в том, что виртуал всегда переживается как выход за рамки обычной жизни, а все, что не выходит за эти рамки, является консуетальным, даже если переживания свергли человека в обморок.

Виртуал, в отличие от других психических производных, типа воображения, характеризуется тем, что человек воспринимает и переживает его не как порождение своего собственного ума, а как реальность. Виртуал обладает следующими свойствами, которые мы уже коротко разобрали: непривыкаемость, спонтанность, фрагментарность, объективированность, измененность статуса телесности, сознания, личности и воли.

Итак, чтобы оргазм возникал тогда, когда надо и на сколько это надо женщине по силе и по продолжительности, женщина должна быть не аномичной, а синомичной (гармоничной) — Богиней. Аномичность — одна из главных причин женской фригидности. В каком пространстве «размещается» аномия — дисгармония (понятия аномия и синомия по содержанию шире дисгармонии и гармонии)?

В некоторых источниках, что также общеизвестно, Харит совмещают с орами, с которыми они близки по облику и предназ-

начению, тогда их насчитывают четыре и именуют Ауксо («приумножающая»), Карпо («плодоносящая»), Талло («цветение») и Гегемона («руководительница»). Иными словами, хочется сказать, что реальность воли тоже обладает своей грацией — Гегемонией.

Что ж, возникла еще одна реальность, ускользающая от нашего внимания в произведениях искусства, олицетворяющих женский «триумвират» — его согласие или синомию (в противоположность аномии). Проза и чудо жизни состоят в том, что эту задачу чаще всего решает не сама женщина. Отнюдь не добродетельной реальностью, управляющей и умиряющей грации, для большинства обычных женщин становится ее мужчина. Или не становится. Самый обычный, но мужчина.

Попав в такое благотворное пространство они — грации — «расслабляются» и перестают друг с другом договариваться. Буквально. Незачем.

Но тут-то и рождается казус женской логики. Ведь эмоциональной голова не нужна. Правильной — гениталии. Настоящей женщине не нужны правила и условности. Правда, и этика у нее там, где жизнь — деторождение и ребенок, высшая ценность в семье.

Правильная не позволяет другим получать удовольствие! А если у правильной половые органы девственницы, хотя де-факто казус этот наблюдается у рожавшей женщины, уже дважды выдвигшей замуж?.. Не смешно. И не дико: все это встречается сплошь и рядом.

В такой конфигурации «множества внутренних женщин» и сокрыта тайна женской — девичьей — логики.

В зависимости от степени развитости виртуса — добродетели, меняется казус — проявления: девиантный, незрелый, либо в виде «неземной женской красоты». Именно женской, но не девичьей!

Надеюсь, увидели.

Что в таких случаях делать? Проводить диагностику виртуальную и аретею — коррекцию.

Диагностика включает определение внутреннего разнообразия — всего спектра живущих в женщине личностей. Их строение — у какой нет «головы», у какой эмоций — рожать-то она уже рожала, а удовольствие от «этого места» получать не умеет. У какой этика «зашкаливает» и мешает жить, любить и радоваться... И т.д. и т.п.

Коррекция аномий в сфере сексуальности

Итак, оргазм — порожденное состояние, или виртуал.

Мы не занимаемся заменой или подменой слов. Дело в том, что виртуал — это родовое определение. Оргазм — его видовое проявление. Такое же, как виртуал запоя, бронхоастматического приступа, посттравматического стрессового расстройства и пр.

Виртуал может быть аномичным. Как правило, дисфункции в оргазмической области связаны с автономными виртуальными образами. Аномиями виртуалов занимается аретея.

Аретея, согласно все тому же «Словарю виртуальных терминов», — «область практической работы с виртуальными объектами: консуеталами, виртуалами и *собью* (смотри ниже). Специфика аретеи определяется двумя принципиально важными обстоятельствами: а) аретея основывается на виртуальных моделях, т.е. полионтичных, включающих в себя минимум две онтологические реальности, б) аретея основана на вполне определенной онтологии (философии), строится на соответствующих онтологии теоретических моделях и соответствующих теоретическим моделям экспериментальных исследованиях. Таким образом, аретея — тип практики, имеющий философское и научное (теоретическое и экспериментальное) основание.

Аретея не имеет предметной отнесенности, так же, как и виртуалистика.

Термин «аретея» имеет два смысла. Первый — тип практики, практическая часть виртуальной психологии, второй — собственно практическое воздействие. Тот человек, который осуществляет аретею, называется *аретевт*, тот человек, который подвергается аретее, называется *аретент*. Есть три вида аретеи: *аттракция*, *девиртуализация* и *синомия*. Рассмотрение конкретных видов аретеи выходят за рамки настоящей работы.

На только что приведенной в статье теоретической базе и строится практическая работа с женской сексуальной виртуальной образностью. Но, к сожалению, аретея — это еще одна тема или еще один разговор не на один авторский лист.

Понимая, что вполне возможно ожидать недовольства коллег, коснемся двух важных моментов: этики и соби.

Без работы с личной системой ценностей женщины девиртуализация аномий в оргазмической и детородной сфере и их коррекция — синомия (гармонизация) — невозможны. Если «правильная» женщина «захватила» гегемонию, то она не дает другим получать удовольствие — испытывать оргазм.

Мы уже отмечали, любимый мужчина — лучший из «природных» виртуализаторов оргазмической соби и лучший «этический оператор» для аретеи ее нарушений. Ведь только будучи или замужем, или с любимым человеком «этим» заниматься — можно и этично.

К сожалению, ограничение *можно* — *нельзя* зачастую «стоит» не в голове, а в пространстве соби, которое обычно не рефлексивируется.

Собь, согласно все тому же словарю, — «виртуальная реальность, посредством которой человек самоидентифицируется».

Собь состоит из множества отдельных виртуалов, ставших консуеталами. В нашем обсуждении — это три грации и их Гегемона, что образуют собь Богини — или добродетель женщины неземной красоты.

Таким образом, собь — виртус — должен быть синонимично сформирован как 1) у женского места: на поверку при аноргазмии у рожавшей женщины виртус женского места недоразвит, иными словами, такой, как встречается у 6-летней девочки, так и 2) при отдельных функциональных состояниях, таких, как оргазм, — иначе состояние оргазма будет достигаться как в первый раз.

И еще раз этот же момент, но уже в общем виде.

Виртуал порождается как разворачивание одного образа в целую реальность, собь образуется совокупностью имеющихся у человека виртуалов, ставших консуеталами, а поэтому не переживаемых как особые реалии. Примером соби являются виртуальная реальность телесности, виртуальная реальность сознания и пр. Виртуалы переживаются как события на фоне консуетальных состояний, собь — как естественное качество человека: тело, сознание, личность и т.п. Понятие виртуала фиксирует акт необычного функционирования образа, понятие соби — результат генезиса реальности.

Вот какой пример образования соби приводит Н.А. Носов в своей «Виртуальной психологии» (2000). Обучаясь печатанию на машинке, человек сначала овладевает движениями каждого пальца: первоначально правильное, отработанное движение пальца доставляет гратуальные переживания, затем вся совокупность движений пальцев становится консуетальной — образуется «машинная» собь человека. После этого человек начинает получать гратуалы уже не от каждого пальца в отдельности, а от работы этой соби.

Итак, аноргазмия как феномен, или нозологическое состояние, если говорить медицинским языком, может рассматриваться как патология виртуальных состояний, которые неотъемлемо присущи природе человека. В противном случае никакие технические виртуальные реальности просто не воздействовали бы на человека.

Вынуждены констатировать, что есть очень сложные случаи аномии соби с патологической виртуальной сексуальной образностью, которые обычными «жизненными приемами» не снимаются. Виртуальный подход и методы аретеи позволяют с ними справляться так же, как и с функциональным женским бесплодием. Но это уже задачи *аттракции* и *девиртуализации*, рассмотрение которых требует большей терминологической и теоретической погруженности.

Заклучение

Если бы мы назвали статью «Оргазм как виртуальная реальность» ожиданий от такого заголовка у читателей скорее всего было бы больше. Но полагаем, что рассмотренного уже достаточно для того, чтобы понять очевидность перспективы дальнейших исследований. Теоретическая ясность и адекватность подхода налицо. Отдаем себе отчет, что кому-то не хватило практических примеров. Сожалеет, но это тема скорее для научных медицинских журналов. А в последних, скорее, ждут традиционной физиологической и биохимической «конкретики», а не нового взгляда на данную проблематику – новую философию в понимании нами природы человека и его сексуальности.

Надеемся, данная публикация хоть как-то поможет преодолеть этот разрыв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Носов Н.А., Генисаретский О.И. Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора // Авиационная эргономика и подготовка летного состава / Тр. Государственного ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательского института гражданской авиации. – М., 1986. Вып. 253. – С. 147 – 155.

² Хариты // Википедия. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Хариты.html>

³ Носов Н.А. Виртуальная психология // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 6. – М.: Аграф, 2000.

⁴ См.: Носов Н.А., Генисаретский О.И. Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора.

⁵ См.: Носова Т.В. Психологические признаки виртуального состояния в деятельности пилота // Авиамедицинские и эргономические исследования человеческого фактора в гражданской авиации. Тр. ГосНИИГА. Вып. 294. – М., 1990.

⁶ Носов Н.А. Психологическая виртуальная реальность // Человек. Философско-энциклопедический словарь. – М.: Наука, 2000. – С. 292 – 296.

Аннотация

Виртуалистика как парадигматический подход позволяет по новому взглянуть на онтологию внутреннего пространства, внутреннего мира человека. Человеческая добродетель (лат. *virtus*) и ее женское проявление – грация, женский оргазм и его нарушения рассматриваются как виртуальная реальность.

Ключевые слова:

Виртуалистика, добродетель, грация, виртуальная реальность, оргазм, аномии, аретейя.

Summary

Virtualistics as the paradigmatic approach allows on new to look on ontologia of a internal space, of a private world of a person. Human virtue (in Latin language – *virtus*) and its female display – grace, female orgasmo and its infringements are considered as a virtual reality.

Keywords:

Virtualistics, virtue, grace, a virtual reality, orgasmo, anomies, areteya.

КРИЗИС ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

О.Н. ПАВЛОВА

В современном мире понимание «женской субъективности» затруднено, оно может быть определено как *диффузное, не имеющее явных и выраженных бытийных контуров и очертаний*, лишенное экзистенциального собственного содержания. Традиционный консервативный стереотип патриархального понимания женского опыта и предназначения женщины эволюционно пережит, или, по крайней мере, отживает свое. Одновременно идеалы деловой женщины, социально и политически ангажированные феминизмом и новые модели существования женственности не находят всеобщего признания.

Одной из серьезных научных попыток исследовать женскую природу в междисциплинарном контексте на базисе философского методологического аппарата можно по праву считать «Второй пол» Симоны де Бовуар¹. Но с середины прошлого столетия многое изменилось в отношении женственности, как в науке, так и в стиле и образе жизни общества. Это требует нового пересмотра в философии вопроса о женской идентичности. Многие стороны этого вопроса остаются в тени. Мало кто пытался *исследовать женскую природу и сущность с акцентом на ее чувственно-эмоциональных сферах*.

Нужно учесть и такое обстоятельство. В настоящее время за рубежом (в нашей стране, к сожалению, мы пока еще не имеем таких школ и сообществ) в противовес феминистскому движению набирает силу антифеминистская волна. Лидеры антифеминистского движения (Камилла Пагля, Кристина Хоф Соммерс, Джин Бетке Елстиан и Елизабет Фокс-Женовиз и др.) характеризуют феминизм как деструктивную силу, которая подвергает опасности, прежде всего, институт семьи². Анализируя женщину и сопряженные с ней феномены в современном обществе, нельзя пройти мимо бросающихся в глаза социальных трансформаций женской половой роли, которые можно было бы охарактеризовать как *нарциссизм современных женщин*. Стремление к нарциссическим ценностям (слава, власть, богатство) и девальвация объектных ценностей (семья, дети, любовь) ставит перед женщиной определенные культурно обусловленные цели и идеалы, к которым она должна стремиться и которым она должна соответствовать. Овидиевский миф о Нарциссе и Эхо, включающий центральную идею женского существования как комплементарного к мужскому (что имело место на протяжении всего существования человечества как патриархального сообщества, поскольку предположения о существовании эры матриархата, выдвинутые И. Бахофеном, по-прежнему научно не доказаны) в современном

обществе трансформировался до неузнаваемости. Современная женщина пытается подавить мужчину, отвоевывая территории его активности. Она сама стремится стать Нарциссом, превращая его в «голос без плоти». Эта проблема женского «лидерства» в отношениях мужчина – женщина оборачивается печальными последствиями для них обоих. Рухают семейные традиции, женщина не стремится иметь семью и детей, реализуя себя в карьере. Влияние женщины на мужчину велико, никто не будет оспаривать это, хотя, надо отметить, мужчинам трудно признавать это прилюдно.

О мужских проблемах, вытекающих из сложившейся в настоящее время ситуации с «женским», можно сказать следующее. Мужчины страдают множеством патологий сексуального характера, что сказывается на деторождении и воспитании здорового подрастающего поколения.

«Женское» внутреннее и внешнее

Гендерные исследования, проявляющие наибольший интерес к проблемам женской идентичности, широко пользуются психоаналитическими выводами и инструментарием. Меня в данном контексте исследования в большей степени интересует эмоционально-чувственная сфера. З. Фрейд полагал, что анатомия – это судьба и, прежде всего, говоря о мужественности и женственности, мы должны отметить биологические факторы, которые основываются на том, что субъект обладает теми или иными сексуальными признаками. Хотя, как показывают более чем столетние психоаналитические исследования, основанные на обобщении клинических материалов, этих биологических признаков недостаточно для понимания и определения психосексуального поведения и основанной на нем психологической оценки пола индивидуума. Кроме того, эти феномены могут быть рассмотрены с точки зрения их социологического значения, чем собственно и занимается гендерная психология. Например, Д. Гилмор в своей книге «Становление мужественности» пишет: «Культурные концепты маскулинности» определяет мужественность как одобряемый обществом способ быть взрослым мужчиной в любой конкретной культуре»³. Фактически, в гендерных исследованиях по аналогии с этим определением детерминируется и женственность. В парадигме психоанализа акцент в изучении дихотомии человеческой природы ставится на психосексуальном развитии и решающее значение при оценке полового поведения, основанного на внутриспсихической гендерной природе с точки зрения мужественности – женственности «имеют те глубинные фантазмы, которые может обнаружить лишь психоаналитическое исследование»⁴.

Итак, в психоаналитическом пространстве женщины, наконец, могут свободно, без оглядки и цензуры, не стыдясь, не вызывая раз-

дражения, никого не эпатируя, говорить о своем сугубо женском опыте и как пациенты (выражая себя, находясь в поиске себя, изменяя себя) и как психоаналитики (помогая первым, становясь первопроходцами в новых научных мирах и создавая в них новые теории, осваивая новые практики). Нужно отметить, что этот путь был необычайно долог и труден на протяжении всех веков существования человечества (не случайно, наверное, З. Фрейд на закате лет посетовал, что женственность для него остается по-прежнему «черным континентом»). Из психоанализа мы знаем, как значим генезис и как важно, говоря языком фрейдовской археологической метафоры, «вскрывать глубокие и самые ранние культурные слои».

Античная философия (в основном медицинская – философские труды Аристотеля) заложила на долгие времена базис восприятия женщины мужчиной. Отголоски этих учений звучат в средневековом трактате «Молот ведьм», а в Новое время – в учениях Ч. Ломброзо, О. Вейнингера и др. Суммируя опыт веков, можно сказать, что в глазах мужчины реальная женщина выглядела как воплощенное зло. Проспер Мериме использует в качестве эпиграфа к своей «Кармен» эпиграмму древнегреческого поэта Паллада: «*Всякая женщина – зло; но дважды бывает хорошей – Или на ложе любви, или на смертном одре*»⁵.

Обобщенный сугубо негативный психологический портрет реальной женщины, собранный мной из множества философских, психологических, теологических и даже психоаналитических трудов, включает самые неприглядные эпитеты – слабая, трусливая, лишенная души, дефицитарная, в том числе и интеллектуально, дефектная телесно и психически в сравнении с мужчиной, зависимая от мужчины и в то же время бесстыдно использующая его самого и то, что он имеет, сексуально расторможенная и ненасытная, оскверненная, демоническая. С другой стороны, мужчины создавали в искусстве прекрасные, легендарные образы героических женщин и женщин-богинь, личностные и душевные характеристики которых тоже содействовали знанию о женском и влияли на формирование представлений о женщине. Женщина оказалась расщепленной вдвойне: с одной стороны, в восприятии мужчины – на негативную реальную и идеализированную, но существующую лишь в фантазии, с другой стороны, она была такой, какой ее видели или хотели видеть мужчины, внутри себя же она имела возможность быть самой собой, что, естественно, приходилось тщательно скрывать. Еще одним важным аспектом, определяющим женскую психическую природу можно назвать ее способность к отражению: «Женщина веками играла роль зеркала, наделенного волшебным и обманчивым свойством: отраженная в нем фигура мужчины была вдвое больше натуральной величины»⁶.

Георг Зиммель (философ, судя по его текстам, глубоко уважав-

ший женскую половину человечества, и в этом плане — единственный и весьма почитаемый современными гендерными исследователями) в своей программной работе «Женская культура» пытался исследовать и выявить женский тип переживания пола, с акцентом на психическом «женском», отличном и не выводимом из мужского, а также донести до своих читателей его ценности и неповторимые особенности. Живя фактически в одно время с З. Фрейдом, он мыслит, намного опережая свое время. В своих работах он отмечал, что «почти все дискуссии, посвященные женщинам, сосредоточены на их ценностном сравнении — в социальных достижениях, в качестве мышления — с мужчинами, но никто не задается вопросом, что они есть сами по себе»⁷. В своих текстах Зиммель прямо говорит, как это трудно сделать, потому что наша культура всегда была и остается мужской, а «в высшей степени оригинальная и специфическая женская деятельность возникает как бы в пробелах, оставленных мужчинами». Еще одним важным аспектом, на котором Г. Зиммель первым в истории сконцентрировал свое внимание, было то, что именно женщина обладает устойчивым и ярко выраженным чувством своего пола, и ее никогда не оставит отчетливое и в то же время неясное чувство, что она — женщина, в отличие от мужского постоянного стремления и необходимости подтверждать свою маскулинность⁸.

Основные критерии кризиса женской идентичности

Поднимая вопрос о кризисе женской идентичности, как новой, неизученной и неизученной теме научного поиска, я пытаюсь провести аналогию с кризисом идентичности в подростковом возрасте (Э. Эриксон), имея в виду тот самый важный момент становления, когда личность человека испытывает, и довольно длительно, очень сложные и болезненные трансформации, которые в норме должны привести этого индивидуума к взрослому состоянию, характеризующемуся, в отличие от детского зависимого способа, жить автономно, независимо, быть способным заботиться о себе самом, а также о других, самостоятельно и благополучно жить как в физическом, так и в психическом плане⁹.

Можно предположить, что женская личность в филогенезе, подобно личности в онтогенезе, росла и «взрослела» из «детских», инфантильных, зависимых от мужской личности форм к своему конечному состоянию сформированности в качестве целостной и интегрированной автономной единицы. Поэтому сегодня мы наблюдаем всевозрастающую женскую активность в социуме, вытесняющую мужчин из их исторически сложившихся сфер деятельности, переходящую все чаще и чаще в наступательную (если не сказать завоевательную) стратегию. Женщины все могут сами: зарабатывать деньги, воспитывать детей, делать карьеру, водить

машину, строить дома. Все громче звучит в сообществе их вопрос: зачем нам мужчина, который в данной ситуации воспринимается многими такими «женщинами» как чемодан без ручки, который «и нести тяжело и бросить жалко». Женщина эволюционно «выросла» и пытается «освободиться» от взрастившего ее мужского контура, в котором она «вызрела», как ребенок, стремящийся ощутить себя личностью, а не частью и продолжением своих родителей, пытается освободиться от их опеки. Здесь стоит отметить также сопротивление этим процессам «мужской среды», как в случае подростковых перемен в семье такое сопротивление оказывают родители. Именно эти, предполагаемые мной женские филогенетические эволюционные трансформации приводят к обострениям во внешнем плане, повышая конфликтность в отношениях *мужчина — женщина*, обостряя обстановку в социуме и создавая серьезные последствия для цивилизации в целом.

В качестве критериев кризиса современной женской идентичности можно предложить следующие шесть основных ключевых пунктов, которые были выделены мной по аналогии с критериями переломного подросткового этапа в формировании личности.

Критерий 1. *Диффузность женской идентичности*. Мы все равно можем констатировать факт неопределенности, размытости в определении и понимании женской идентичности.

Критерий 2. *Размывание границ между полами*. Пример «унисекс», соединяющий в себе мужское и женское начало. Здесь ситуация с женским и мужским очень похожа на неопределенность в половой ориентации в подростковый период, в данном возрасте порой бывает трудно определить какого пола этот подросток — не мальчик и не девочка или мальчик и девочка.

Критерий 3. *Разрушение магически-мифологической структуры мира женской идентичности*. В патриархальном сообществе женское бытовое существование столетиями было обусловлено традициями и обычаями, передававшимися из поколения в поколение. Жизнь женщины была предельно ритуализирована: святочные гадания, свадебные обряды. Каждый возрастной интервал в жизни русской женщины заканчивался своеобразной мини инициацией и сопровождался обязательными по этому случаю событиями. В день отлучения девочки от груди перед ней раскладывали веретено, пальцы, челнок и разрешали ей взять любой из этих предметов, символизировавших женское начало: к какому из этих предметов девочка потянется рукой, в том деле и будет особенно искусна. В 7 лет волосы девочки заплетали в косу, а поверх рубахи надевали сарафан. Этот ритуал отмечал новый этап в ее жизни: теперь она принадлежала к женскому сообществу и под руководством матери начинала готовиться к роли «доброй жены». Множество обрядов на протяжении всей жизни женщины, и даже задолго до ее рождения, были призваны наставить девочку на истинный путь, подготовить ее к будущей семейной жизни¹⁰. Отживание патриархальной системы приводит к разрушению старых стереотипов, предлагаемые идеалы деловой женщины,

равной мужчине, способствуют нарастанию и преобладанию нарциссических репрезентаций в личности.

Критерий 4. *Нарастание нарциссических тенденций.* Усиление нарциссических тенденций, проявляющее себя в стремлении к нарциссическим ценностям взамен эмоциональных. Предпочтение объектов душевного мира объектам мира материального приводит к формированию искаженного (патологического) внутреннего объекта женственности, оторванного от реальных женских целей и предназначений. Основные вектора, относительно которых выстроен идеал женского Я – респектабельность, совершенство, элегантность, элитарность, эмоциональная закрытость. Небольшой пример: «Это запах дорогой кожи, шерсти, кашемира. Так пахнет в лобби дорогих отелей и в салонах роскошных авто. Это запах цвета шоколада, слоновой кости, капучино. Это классический стиль: дорогие часы, сумка и обувь. Это ухоженная и уверенная в себе женщина. Она безупречно воспитана, ее эмоции спрятаны глубоко, а внешне она – невозмутима, дружелюбна и спокойна».

Критерий 5. *Борьба за автономность и независимость.* Феминизм и женское движение могут быть восприняты посторонним наблюдателем как освободительная война, направленная на противостояние «многовековому мужскому засилью и геноциду (женоциду)», а также на огульное отрицание всего «мужского»¹¹. В свете обсуждающегося подобия процессов, имеющих место в подростковой и женской идентичностях, может быть и можно было бы экстраполировать идею М. Понтера, и сделать предположение, что женщина, как нимфа Эхо, исторически не имела своей идентичности, являясь всего лишь «частью» мужчины, как в физическом, так и в психическом плане. Неоспоримые факты, которые дают нам возможность выдвинуть эту гипотезу, зафиксированы исторически как минимум в двух «краеугольных камнях» культуры двух различных эпох, разделенных достаточно большим временным интервалом – античном Домострое Ксенофонта и древнерусском варианте Сильвестра.

Долгие годы существовавшая как нарциссическое продолжение мужчины, в настоящий момент женщина пытается освободиться от оков, которые она по необходимости носила, и которые были удобны и для мужчины. Если быть внимательным наблюдателем, вполне можно уловить некое подобие в отношениях зависимости раннего детства и женско-мужских отношениях, когда мать всевластна над ребенком и определяет его «судьбу» сама из своих внутренних предпочтений и критериев, и лишь подростковый период окончательно кладет конец этим жестким связям доминирования – подчинения.

Мужчина довольно часто на бессознательном уровне воспринимается или ожидается женщиной как материнское начало, именно в нем она ищет «лучшую мать, чем у нее была». За примерами далеко ходить не надо: это и известный нам миф о Психее и его более поздний ремейк – любимая всеми нами детская сказка С.Т. Аксакова «Аленький цветочек»¹².

Критерий 6. *Манифестирующая и первезная сексуальность.* Современные женщины стремятся и создают для себя идеалы, наполненные сексуальными стимулами, которые не вызывают у мужчин сексуального отклика, а, скорее, пугают их. Соблазн современной женщины оказывается по своей сути направленным «в никуда».

Последствия «женского кризиса»

Женщина всегда оказывала мощнейшее влияние на жизнь мужчины и через него – на состояние общества и культурные феномены, влияние гораздо большее, вероятно, чем это могут предположить мужчины, которые организуют и творят нашу культуру. Кризис женской идентичности нарастает с началом процесса эмансипации женщин, связанным с индустриализацией европейской цивилизации, порождая многие проблемы женщин и мужчин, которые имеют серьезные последствия для всего цивилизованного мира.

Дисбаланс, вызванный изменениями в «женском» человечества, можно лучше всего представить себе в виде метафоры путешествия на лодке. В какой-то момент в лодке, где вместе плывут мужчина и женщина, у каждого из которых есть свои определенные функции и роли по управлению, женщина как от балласта, избавляется от кажущегося ей тяжким бременю женских прерогатив. Она постепенно выбрасывает за борт лодки почти все, что было накоплено веками традиционно женского – заботу о доме, свое особое женское место в отношениях с мужчиной, культуру тела, традиционную сексуальность, желание иметь детей и удовольствие их растить и многое-многое другое. Мужчине трудно определить свое новое положение в лодке относительно женщины, ведь, то, что происходит, для него в некоторой степени неожиданно и от него никак не зависит. Но он поставлен в такие условия, что будет вынужден переместиться и занять новое место, иначе лодка перевернется.

Как следствие этих метафорически представленных изменений, мы имеем реально наблюдаемые проблемы. Данные тенденции в трансформированной женской идентичности, в искаженном «женском» психическом, в первую очередь обуславливают проблемы в бытии самих женщин. Они открывают дверь в пространства разнообразных форм «патологии» женского существования. К старым известным психическим расстройствам прибавляются нарциссические нарушения – «новые болезни нашего времени» – как их назвала Ю. Кристева¹³. Все эти нарушения женского психического существования как в сексуальном плане, так и в психическом, обусловленные влиянием культуры как среды (нездоровые и странные формы воспитания девочки в семье, несоответствующие женскому предназначению социумные нормы и идеалы, первверзные сексуальные отношения и т.д.), приводят к неспособности женщин переживать сексуальное удовольствие, строить отношения любви, взаимного уважения и привязанности, создавать семью и иметь детей. Медики отмечают рост инвалидизации среди женщин, связанный с депрессиями, психосоматическими и физическими заболеваниями. Как следствие, страдают институты семьи и брака.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бовуар С. де. Второй пол: Т. 1 – 2. – М.; СПб.: Прогресс; Алетейя, 1997.
- ² Ellis. B.J. et al. Does father absence place daughters at special risk for early sexual activity and teenage pregnancy? (PDF)// Child Development. 2003. 74 (3). – P. 801–821. <http://ag.arizona.edu/fcs/fshd/people/ellis/CD%20Ellis%20et%20al.%202003.pdf>.
- ³ Гилмор Д. Становление мужественности: Культурные концепты маскулинности. – М.: (РОССПЭН), 2005. – С. 10.
- ⁴ Лаплати Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. – М.: Высш. шк., 1996. – С. 232.
- ⁵ Паллад Александрийский. Эпиграммы // Византийский временник. Т. XXIV. – М.: Наука, 1964.
- ⁶ Woolf V. A room of one's own. (2004) eBooks@Adelaide, <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/2.1/au/>
- ⁷ Simmel G. Das Relative und das Absolute im Geschlechter Problem // Philosophische Kultur. –Leipzig, 1919.
- ⁸ Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. Избранное. В 2-х т. – М., 1996.
- ⁹ Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис/ Пер. с англ., общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996.
- ¹⁰ Шангина И.И. Русские девушки. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – С. 9.
- ¹¹ Гюнтер М. «Если он не узнает себя» – любовные отношения и отношения в обществе в позднем подростковом периоде// <http://www.psychoanalyse.ru>, 2007.
- ¹² Аксаков С.Т. Аленький цветочек. – М.: Малыш, 1985.
- ¹³ Кристева Ю. Новые болезни души. Душа и мысленное представление // Антология современного психоанализа. Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А.В. Россохина. – СПб.: Питер, 2005. – С. 149.

Аннотация

Изучения женской природы с акцентом на ее чувственно-эмоциональных сферах – неоткрытая страница в истории науки, обозначающая новую эру в философском осмыслении женской субъективности. Современное время, сформировавшее «новоиспеченные стереотипы» женского вносит коррективы в вопросы изучения женской сущности, ставит в фокус другие неисследованные ранее важные проблемы, одной из которых можно назвать кризис женской идентичности.

Ключевые слова:

Чувственная природа женской субъективности, кризис женской идентичности, психоаналитический подход, дисбаланс «мужского» и «женского», внутреннее символическое пространство женственности, нарциссизм.

Summary

The investigations of female nature with accent at the emotional sphere is a not open page in the history of the science, the page that defines a new era in philosophic realizing female subjectivity. The present time having formed “newly made” stereotypes of femininity brings us a sharp necessity to correct questions of woman’s essence and focuses at other previously unexplored questions yet. The important problems where the crisis of female identity is one of them.

Ключевые слова:

Sensual nature of female subjectivity, crisis of female identity, psychoanalytical approach, misbalance of masculinity and femininity, narcissism.

Философское измерение

САМООБОСНОВАНИЕ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В.А. СУЛИМОВ

Предлагаемые заметки являются продолжением темы когнитивного самоощущения и самообоснования человека в интеллектуальном пространстве постсовременности, начатой статьями в ФН за 2008 и 2009 гг.¹

Самообоснование человека-в-культуре как особый род когнитивно-интеллектуальной и аксиологической деятельности имеет постоянный, непрерываемый характер и составляет (вместе с усилиями по социальному устройству мира) существо интеллектуальной истории. Любая последовательно построенная история развития моделей и форм сознания, состоящая фактически из пересмысленных фрагментов отдельных «индивидуальных» интеллектуальных историй или историй самостроительства индивидуальных сознаний существует в виде набора текстов разных жанров и типов, основным из которых (наиболее информационно емким) является литературный текст. Именно литературный текст сохраняет и воспроизводит в наибольшей степени когнитивные характеристики индивидуального сознания не только как феномен культуры вообще, но и как собственно антропологический феномен².

В текущую эпоху под воздействием литературного «вала», электронных СМИ и Интернета сложилась ситуация «большого скачка» в когнитивном статусе личности³. Этот скачкообразный переход представляет собой переход к активным способам понимания. Он связан с резкими изменениями структуры языкового сознания, вынужденного увеличивать свой интерпретационный ресурс за счет концентрации и парадоксализации компонентов знания, новых технологий текстовой деятельности (управления пониманием), использования гипертекстовых «знаниевых» структур, усиления эмоционально-символических средств воздействия. Главные когнитивные проблемы (понимания и интерпретации), обычно связанные с нарушениями герменевтических процедур, все больше выходят за рамки герменевтики – в социокультурное пространство. Комбинации модифицированных утверждений покрывают все пространство современной текстовой деятельности, участники которой «обмениваются» не когнитивно-обоснованными

ми интерпретациями, а утверждениями с опущенными информационными и аксиологическими составляющими⁴.

Тенденция увеличения логико-когнитивной неоднозначности высказывания/текста отмечалась еще Л. Витгенштейном в его размышлениях о предельных случаях тавтологии и парадокса (своеобразной языковой презентации истинности). Л. Витгенштейн показал основные директории реализации смыслов (тавтологическую, или *идеологическую* и парадоксальную, или собственно *креативную*), в пространстве *Между* которыми (в пространстве противоречия) размещаются возможные текстообразующие (осмысленные) высказывания⁵.

На невозможность построения тождественной системы «смысл – текст», в которой совпадали бы знаки, их референты и дескрипции, указывал С. Крипке. Он обратил внимание на парадокс, когда несинонимичность имени и дескрипции имени приводит к ситуации «множественности определений». Тогда для определения десигнатора и дескриптора необходима *интерпретация признаков*, имеющих случайный характер в силу стремительно расширяющегося интертекстуального («знаниевого») пространства. Другими словами, в сфере коммуникации (а, значит, в литературном тексте) происходит естественная инициация *непонимания* – одного из наиболее распространенных когнитивных актов современности. Для «правильного, истинностного» восприятия текста становится неизбежной его стандартизация, роль которой часто играет идеология как установленная (данная) модель когнитивной трансформации «смысл – текст». Парадокс истинности/ложности делает, кроме всего прочего, парадоксальным сам процесс поиска истинностного (стандартного, закрепленного) смысла⁶.

Для субъекта современной культуры *стремление к пониманию* становится когнитивной проблемой, и, одновременно, комплексом действий по компенсации «недостатка в реальности». Индивидуум вынужден заниматься перманентным культурным само-строительством: моделированием мира-для-себя, созданием/вос-созданием модели мироустройства, разрушающейся под воздействием информационного пресса. Выбранная им модель должна компенсировать усиливающийся когнитивный дискомфорт. Она должна быть удобна не только для восприятия мира, но и для моделирования своей позиции в мире в соответствии с быстро меняющейся ситуацией⁷.

Поэтому проблема интеллектуального самоопределения системно связана с *новизной*, выражающей себя в виде попыток креативного восприятия мира и способностью найти соответствующий «язык представления знания». Не только литературное творчество, но и повседневная коммуникативная деятельность стали напоми-

нать процесс текстопорождения с заданными свойствами, отражающими *ситуации когнитивного погружения*: (а) ситуацию погружения в бытие через эпистемологически построенный мир (мир – Эпистему), (б) ситуацию погружения в бытие через креативно построенный мир (мир – Модель), (в) ситуацию погружения в мир через субъектно построенный мир (мир – Я), (г) погружения в континуальный мир смыслов (мир – Языковой континуум).

Ситуации когнитивного погружения (добровольного или вынужденного, насильственного) требуют не только самостоятельных и осознаваемых интеллектуальных усилий, но и практических действий по вхождению в когнитивно-семиотические общности (глобальные, групповые, профессиональные, образовательные). *Человек-в-культуре* как субъект самоопределения осуществляется, выстраивается, само-осмыляется и само-активируется в точках *актуализации*. Их можно схематизировать в последовательности *Узел интеграции* (человек-в-культуре) – *Система миров* (мир – Эпистема /мир – Модель/ мир – Я/ мир – Языковой континуум). Полученная схема будет не только отражением когнитивно-логического или образовательно-референциального аспекта самообоснования личности, но и, в силу информационного характера эпохи, – социокультурного самоопределения личности.

При этом происходит предсказанная Ю.М. Лотманом интеграция человека в текст: человек-в-культуре – главная фигура процесса порождения/восприятия текста и *понимания* смысла – оказывается внутри текста, проявляясь как интеллектуальная *воля к интеграции*, закрывающая, компенсирующая исторически сложившийся когнитивный зазор (разрыв *Между*), проявляющий себя как *невозможность понять текст*. Именно поэтому новую основу само-бытия личности составляет, по нашему мнению, сознательная интеллектуально-интегративная деятельность, в которую идея само-определения и само-строительства уже включена. Человек-в-культуре, представленный как воля к интеграции миров существования своего сознания, есть энергетический ступок (реактор) не только когнитивно-интеллектуальных усилий по преодолению энтропии мира через его осмысление, но и нравственных усилий по личностному *принятию смыслов, преодолению духовной инертности сознания*, включению обязательной аксиологической доминанты в состав интегративного суждения⁸.

Скачок в когнитивном статусе личности, позволяющий использовать индивидуальное сознание в виде «реактора смыслов», постоянного информационного датчика оказывается серьезным препятствием для человека массы – массовой культуры, повседневного опыта, линейной логики и семантики стандарта. Это обусловлено целым рядом причин, главная из которых, на наш

взгляд, — ощущение страха перед информационной глобальностью, резким увеличением объема и изменением способов «упаковки» информации, «взрывной» сменой кодов культуры. Новое ощущение страха смерти — чувство разрыва *Между* — приводят повседневное и даже интеллектуальное сознание к полной или частичной автоблокировке, отказу от аналитических и иных мыслительных операций, автоматическому использованию консервативных, стандартизирующих (нон-креативных), идеологических (мифопоисковых) и иных защитных действий. Происходит (хорошо наблюдаемое в литературных текстах) возрастание ощущения информационно-интеллектуального и нравственно-аксиологического бессилия, чувства «выхода ситуации из-под контроля», возникновение апперцепции неудачи, трагического исхода, препятствующей процессу познания, понимания: «Человек способен познавать истину, способен любить, но если ему — не телу его, а ему как целостной личности — угрожает превосходящая его сила, если он при этом испытывает страх и ощущает себя бессильным, тогда и его разум подвергается всем этим неприятным воздействиям, функции его расстраиваются и парализуются»⁹. Ощущение исчезающей реальности, вхождения в *Иной мир* без прекращения бытия, интеллектуального и чувственного самонаблюдения распада личности обладает *когнитивно-наркотизирующим* воздействием, *интрасуггестией*, взламывающей и деформирующей процесс социокультурного самоопределения личности.

Испытывая сопротивление предельно усложненного интеллектуального пространства и действие разрывных тенденций в сознании, индивидуум осуществляет неполную, «рваную» самоидентификацию в интеллектуальном пространстве современности. «Новая» экзистенциальная (интеллектуальная) венаходимость реализуется в двух основных способах, которые можно назвать *не-самоидентификация* и *само-не-идентификация*. В первом случае (не-самоидентификации) речь идет о таком способе самоидентификации, при котором индивидуум формирует свой идентификационный образ в культуре (идентификационный код) в рамках коммуникативно-когнитивного стандарта, «чужого текста». Из общей схемы самообоснования личности удаляется фундаментальный элемент Мир-Я (пространство субъектности), что приводит к деформации трех остальных элементов, выхолащиванию из них деятельностной, смысловой и аксиологической сторон. Процессуальная **схема социокультурного не-самоопределения личности** принимает следующий вид. *Узел интеграции* (человек-в-культуре) деградирует до позиции в социальной структуре, до «места бытия»; *Система миров* (теперь трехчастная) деградирует до инструкции, сценария, бреда или фарса вместо интеллектуально насыщенного

Мира-Эпистемы, до повседневной технологической (заданной) деятельности вместо креативного Мира-Модели и до директивного словаря вместо изменчивого Мира-Языкового континуума.

Не-самоопределение личности, как мы думаем, есть сознательный или бессознательный *отказ от когнитивного скачка* на любом этапе индивидуальной биографии, что означает одновременный отказ от нарратива интеллектуальной жизни, преобразующегося в *нарратив присутствия, наблюдения, со-стояния*. Результат такой тавтологической по существу деятельности обязательно теряет информационную новизну, активность индивидуума уходит из пространства социального в пространство гедонистического, мистического, виртуального проживания времени, семиотическая деструкция личности становится неизбежной. Само-сознание преодолевает барьер Чужого, входит и разделяет себя с мирами отчуждения, фантазии, абстракции и, в конце концов, абсурда.

Позиция само-не-идентификации образуется в результате исключения из структуры интеллектуального бытия (повседневной интеллектуальной деятельности) процедуры моделирования мира, самостроительства мира (дома человека-в-культуре). Этот отказ от моделирования мира (означающий отказ от какого бы то ни было плана-мотива индивидуальной креативной деятельности), есть, как правило, отказ сознательный, он означает *уход*, социально-культурное самоустранение. Занимая позицию самосохранения, индивидуум переносит активность из социальной в повседневную бытовую сферу, из системы метафоризированных сложных текстов культуры в систему картинок (иллюстраций, фрагментов, схем и метонимических обобщений). Проявление само-не-идентификации в художественном творчестве выражает себя в создании текстов «вторичности», прекращении производства сложных смыслов в угоду легко «читаемым» значениям, в науке — в выдвижении гипотез, не имеющих интеллектуальной новизны, в переходе от фундаментальных к прикладным, периферийным, классификационным и уточняющим исследовательским действиям. Позиция само-не-идентификации выдвигает особый общественный субъект — персонаж-симулякр, пародирующий личность, отказавшийся от права выбора (всегда налагающего бремя ответственности). Наступает семиотический ступор, прекращающий производство/воспроизводство знаковых систем и, следовательно, порождение текстов культуры (социально-культурный семиозис). Процессуальная **схема социокультурного само-не-определения личности** принимает следующий вид: *Узел интеграции* (человек-в-культуре) деградирует до информационного прагматического канала «обеспечения существования в...», а *Система миров* (вне креативного поля модельности) интегрируется, «схлопывается» в гипертрофированном язы-

ковом поле высказываний-мнений, создающем основу бесконфликтности, позитивности и социальной рутинности.

Современные литературные тексты достаточно точно реагируют на результаты самоидентификационной практики человека постсовременности, интериоризируя интеллектуальное и чувственное в структуру и смысл, создавая новое – логико-когнитивное – измерение художественной практики.

Герой романа *Д. Глуховского* «Сумерки 2012», профессиональный переводчик, увлеченно работая над переводом наполненной мистикой исторической хроники, трансформируется в действующее лицо этой хроники, а затем – в элемент сознания умирающего больного. Эта двойная трансформация – ассоциативно-образный вариант *не-самоидентификации*, «отчуждения от...». Само-навязанная игра отчуждения вполне удается – герой остается на границе *Между* (бытием и не-бытием) в состоянии бесконечного ожидания: «Человеку, приходящему в мир на срок лишь немного более долгий, чем тот, что отведен бабочке-однодневке, дано схожее с ней утешение: легкомыслие и неведение. Эта нелепая иллюзия бессмертия – все, что ему предложено взамен отнятой вечной жизни в райских кущах»¹⁰.

Иной способ отказа от самоидентификации – само-не-идентификацию – выбирает герой романа *А. Кабакова* «Беглец». Форма сознательного не-бытия, представленная как выход-в-безысходность, своеобразный переход из жизни в со-жительство с неперсонифицируемыми *Иными* в точке разрыва свободы и ответственности весьма точно соотносится с названием романа. Крах России 1917 года оказывается предопределен массовым социальным явлением само-не-идентификации, что хорошо отражается в истории героя, «соскальзывающего» в не-бытие через сознательный отказ от нравственного выбора: «Боже, почему все несчастны рядом со мною? Почему все вообще несчастны вокруг? Почему в пропасть падает бедная наша Россия, почему тянет она за собою – в этом я не сомневаюсь, весь мир? Да ведь знаю, почему. Даром только богохульствую. Потому что таких, как я, с усталыми душами, живущих не по заповедям и не в неведении заповедей, а пренебрежении ими, в прощении, данном себе за все грехи сразу и наперед, - таких стало много и становится все больше. И это мы все губим»¹¹.

Варианты самоидентификации, их когнитивно-семиотические особенности парадоксальны, но неустранимы. Они хорошо усвоены современным литературным текстом, выступая в виде одного из блоков их метафорически-образной интеллектуальной платформы. Сочетание объективно существующих вариантов самоидентификации личности в интеллектуальном пространстве современности создает то системное разнообразие, которое всегда характеризует *живой* и потому *развивающийся* мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Сулимов В.А. Персонологическая вертикаль и тексты постсовременности // Философские науки. 2008. №12; Сулимов В.А. Персона как вызов // Философские науки. 2009. № 12; Люсый А.П. Бренд и трофей // Философские науки. 2009. №3.
- ² См.: Кондаков И. От истории литературы к поэтике культуры // Вопросы литературы. 1997. № 2. – С. 49.
- ³ Воздействие СМИ и Интернета ощущается повседневным сознанием не только (и не столько) как информационный источник, но как «информационный пресс», обладающий громадной избыточностью.
- ⁴ Информационная и ценностная пустота хорошо видна в «коммуникации» участников блогосферы.
- ⁵ См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Серия «Памятники философской мысли». – М.: 2008. – С. 123, С. 126
- ⁶ См.: Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII /под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Радуга, 1982. – С. 365.
- ⁷ См.: Пузько В.И. Необходимость и возможность множественности способов понимания текста и самопонимания человека в современном культурном контексте // Гуманитарные и социально-экономические науки. №2 (45). 2009. – С. 77.
- ⁸ См.: Егоров А.Д., Егоров И.Д. Феномен возникновения: От реальности к смыслу. – М.: Изд-во физико-математической литературы, 2009. – С. 457.
- ⁹ Фромм Э. Человек для самого себя. Революция надежды. Душа человека. – М.: АСТ, 2009. – С. 697. Интересно, что этот вывод, сделанный Э. Фроммом для ситуации политического и социального давления, политического тоталитаризма оказался справедливым для информационного тоталитаризма, его мощного возмущающего воздействия на структуры индивидуального сознания.
- ¹⁰ Глуховский Д. Сумерки 2012. – М.: Астрель, 2010. – С. 377.
- ¹¹ Кабаков А. Беглец. Дневник неизвестного. – М.: АСТ, 2009. – С. 94.

Аннотация

Статья посвящена проблеме самоидентификации личности в интеллектуальном пространстве современности. Высказывается идея эпистемологического сдвига, приводящего к парадоксальным формам самоидентификации. Формируя новую логику понимания себя, человек изменяет когнитивные параметры сознания.

Ключевые слова:

эпистемологический сдвиг, самоидентификация личности, человек-в-культуре, интеллектуальное пространство.

Summary

Social dynamics of culture as for now shows signs of disintegration and increasing of entropic processes. It is related to the features of destruction of semiosis (to cognitive models, deformation of logic and value priorities).

Keywords:

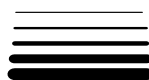
cognitive models, identity, culture, person.

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Педагогический поиск

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЗНАНИЕ

А.О. КАРПОВ

Современная культура, основанная на знаниях, опирается на когнитивные способности человека к созданию нового в научной и технической сферах. Ядро проблемы сосредоточено в сферах генерации, технологизации, обмена и присвоения знания и непосредственно влияет на выработку мировых экономических стратегий. В.С. Степин в фундаментальном труде «Теоретическое знание» пишет, что «наука революционизирует не только сферу производства, но оказывает влияние на *многие другие* сферы человеческой деятельности, начиная регулировать их, перестраивая их средства и методы»¹. Доминантой социальной стратификации жизни «общественного» человека все более становятся особенности *ментального* функционирования, причем в значительной степени когнитивная предрасположенность к разным способам оперирования разными *типами* знания.

Современные учебные программы функционируют как трансформативные познавательные системы с открытыми проблемами и открытые проблемам. Структурирование проблемной ситуации с вычленением проблем и их связей предполагает наличие способностей видеть проблемы и понимать проблемы *до их решения*. Эти способности к выспрашиванию действительности опираются на *интуитивную* функцию *rsuche*, действующую отлично от дискурсивного мышления, которое культивируется традиционной педагогией.

Интуитивные формы познания лежат в основе создания нового знания, именно они опосредуют *принцип трансценденности научного познания*². Так, Л.А. Микешина в своем труде «Философия познания» пишет: «По-видимому, радикальные изменения в сфере обучения и образования в целом, формирующие новый интеллект, – это в значительной мере программы, разрабатывающие приемы и операции преобразования коренной интуиции»³.

Однако, чтобы интуитивное познание, фундамирующее исследовательские формы обучения, состоялось, оно должно опираться на когнитивно-комфортное учебное действие, учитывающее *индивидуальные* психические предустановки личности к познавательной активности, т.е. к способам и условиям познания.

Когнитивно-комфортное обучение определяет осуществимость индивидуальных притязаний ученика на построение целостной когнитивной структуры личности, детерминирует рост *когнитивного разнообразия* сначала в учебном коллективе, а в перспективе – в когнитивно-активной части социума. Особой, гуманистической задачей современного образования является создание *психически комфортных* учебных условий для *разных* когнитивных типов личности в *родственном* им социокультурном окружении. Решение этой задачи не представляется возможным без понимания того, как формируются и функционируют когнитивно-активные типы знания. Данная статья – вклад автора в эту проблематику.

Мы будем различать два типа когнитивно-активного знания – *интегрированное и инновационное* знания.

Степень интегрированности знания отражает глубину опирающихся на него операциональных возможностей. Иначе говоря, большее включение знания (конкретного) в действующее психические структуры создает большую свободу в его инструментарном использовании. Интегрироваться способно как техническое знание водопроводчика, так и теоретическое знание ученого. При этом интегрированное знание становится незаметным для делающей и думающей личности в процессе своего использования⁴.

Однако интегрированное знание может существовать как знание механистическое, нетворящее, действующее в ограниченных рамках фиксированной инструментарной ситуации. Инновационное знание – это качественно более высокий уровень психической организации интегрированного знания, когда оно обретает способность к созданию нового знания⁵. Если становление интегрированного знания определяет рост субъективного знания, то инновационная «вакцинация» дает возможность этому субъективному знанию преодолеть стандартную логику когнитивной ситуации, жесткость проблем, устойчивость структур данных.

Рассмотрим более подробно эти два типа когнитивно-активного знания.

Развитие инструментарного знания – это вопрос развития компетентности в тех областях практической жизни, где люди что-либо делают самостоятельно (в том числе и думают), это вопрос их личного успеха в трансформации действительности. Можно постоянно сверяться с образцом и инструкциями, а можно действовать так, будто образец этот воплощается в идеальных формах, производимых самой личностью. В последнем случае мы имеем дело с интегрированным знанием. В том или ином деле это знание может формироваться в любой отрезок жизни человека. Первичные модели такого знания закладываются в *rsuche* в подростково-юношеский период с 12 до 18 лет, что обусловлено особенностями психического развития человеческой личности⁶.

В современной науке получен ряд экспериментальных фактов и теоретических представлений, которые говорят о существовании некой целостной структуры, интегрирующей с разных позиций человеческий опыт. В теории функциональных систем П.К. Анохина создание интегрированного знания может быть соотнесено с наслоением паттернов индивидуального опыта на изоморфные структуры, соответствующие более поздней активности, при этом поведение формируется в результате деятельности структур разного возраста. В теориях когнитивного развития в качестве основы знания выделяется базовый конструкт, обозначаемый в терминах: «сердцевина», «ядро», «антиципирующая схема»⁷. В экспериментах Э. Рош в области психосемантики визуальное опознание типичных символов происходило в результате иденти-фикации некоторой целостной формы, даже если она составляла лишь 10% изображения прототипа⁸. В 1979 г. М. Поттером было сформулировано положение о третьей амодальной системе семантических кодов, которая представляет собой иной, невербальный и необразный способ отображения информации⁹.

В качестве структур интеграции знания, обеспечивающих процесс его психического усвоения и принятия личностью, определим психические уровни, детерминирующие ассимиляцию знания в сознании и в бессознательном личности, а также временные этапы, опосредующие его развитие. При этом следует иметь в виду, что в реальной жизни индивида в состоянии активности и подвижности разной степени интенсивности находятся все структурные звенья интеграции знания.

Анализируя экспериментальные и практические данные психологических источников, можно выделить на бессознательном уровне следующие структуры внерационального знания: автоматизированное, имплицитное, интуитивное и реликтовое.

Автоматизированное знание — основа моторной активности, которая проявляется в способности человека к воспроизведению однотипной последовательности действий. Поражающая воображение фантазия человеческих существ в искусствах танца, любви и живописи, наша неутолимая страсть к говорению, писанию, передвижению были бы невозможны без определенным образом внутренне запрограммированных цепочек простейших действий. В «Когнитивной психологии» Р. Солсо дается обширный перечень теоретических представлений, в той или иной степени объясняющих автоматизированную активность. Так, К. Лэшли (1951) говорит о существовании механизмов мозга, действующих иначе, чем петля «стимул-реакция» с обратной связью, Пью (1974) — о многоуровневой обработке с когнитивным контролем, М. Нейледж (1970) — о формировании паттернов мускульных программ¹⁰.

Подходы к проблеме *имплицитного знания* можно найти в теориях обучения начала и середины прошлого века, где оно репрезентировалось в понятии имплицитного обучения и имплицитной структуры личности. После исследований Д. Бери и Д. Бродбента, результа-

ты которых были опубликованы в 1995 году¹¹, появились достаточные основания говорить о специальном типе знания — *имплицитном*, которое является результатом практических действий индивида, его научения, но не осознано. Имплицитное знание образуется в личном бессознательном и проявляется, например, в приобретенных навыках управления сложными многопараметрическими системами, когда индивид, опираясь на предшествующий опыт, интуитивно находит решение по оптимизации функционирования системы.

В проявлениях автоматизированной и имплицитной активности мы наблюдаем смесь того, как формируются модели предполагаемой ситуации и будущих событий (согласно идее П.К. Анохина об опережающем отражении) и как они обрабатываются, т.е. синтез ситуативной (декларативной) и процедурной составляющих. Ситуативную компоненту автоматизированного знания можно представить в виде фрагмента киноплёнки, вмонтированного в бессознательное, при этом с прогнозируемым событием «сопоставляются» только начальные кадры. В имплицитном знании формируются многослойные и вариативные конфигурации настоящего и будущего. С этой точки зрения, скажем, эвристика представляет собой манифестации декларативных структур имплицитного бессознательного. Далее, процедурная компонента при автоматизации — это детерминированный алгоритм (программа) запуска отрезков моторной активности (фрагментов киноплёнки). Та же составляющая в имплицитном знании, следует предположить, в ряде случаев не может быть описана даже вероятностным алгоритмом, а реализуется через динамические паттерны, содержащие, например, интеракционные и прогностические конструкты, продукции прямого и минующего восприятия, прототипы органической активности. Таким образом, в автоматизированном знании модели будущих событий жестко детерминированы и по содержанию, и по последовательности. В имплицитном же знании такие модели прогнозируются и формируются исходя из динамических когнитивных паттернов, в которых фиксируется и модифицируется познавательный опыт разной длительности как стандартный, так и ситуационный.

В свое время немало копий было сломано в спорах о моделировании интуитивных и творческих процессов средствами эвристического программирования. Из предложенной объяснительной схемы можно заключить, что в эвристическом программировании нашли «смешение» компоненты разных видов психической активности, так как эвристики — суть продукты декларативной составляющей имплицитного знания, алгоритмы же — процедурная часть автоматизированного знания. Такая эклектика репрезентировала скорее теоретические конструкции авторов эвристических программ, а не объективные психические механизмы мышления.

С имплицитным часто смешивается *интуитивное знание*, однако различие между ними существует. Оно связано с тем, что интуитив-

ное знание интегрируется на уровнях личного и коллективного бессознательного, в отличие от имплицитного, которое располагается только в личном бессознательном. Например, педагогическое искусство обусловлено пониманием и ощущением ситуации посредством «схватывания» ее реликтовыми формами коллективного бессознательного через комплекс таких архетипов, как «ученик», «учитель», «ребенок», «дом», «родитель», «великая мать», «целитель» и др.

В своих работах, опубликованных в 60 – 70-х гг. прошлого столетия, Я.А. Пономарев исследовал базальный уровень психики, ассоциируемый им с бессознательным. Он представил не только убедительные экспериментальные демонстрации существования знания, которое мы сегодня называем имплицитным, показав возможность его вербализации (Берри и Бродбент приписывают этому знанию невербальный характер), но и предположил существование глубинно-внутреннего знания, связывая его с творчеством и активацией слоев бессознательного, продуцирующих интуитивные действия¹². Именно глубинное внутреннее знание мы позиционируем здесь в качестве интуитивного, что ясно позволяет различать его с имплицитным знанием, поскольку интуитивные действия, как понимает их классическая аналитическая психология, – это манифестации коллективного бессознательного.

Образец *реликтового знания* приводит К.Г. Юнг в описании «вероятно утонченного инстинкта размножения» у бабочки *Pronuba yaccasella*: «Как известно, цветы юкки распускаются только на одну ночь. Эта бабочка собирает пыльцу с одного из цветков и лепит из нее маленький шарик. Затем она перелетает на другой цветок, продельывает отверстие в пестике, откладывает яйца между семяпочками и, в завершение процедуры, затыкает воронкообразное отверстие в пестике заготовленным ею шариком из пыльцы. Только раз в своей жизни бабочка производит эту сложную операцию. Такие случаи трудно объяснить с помощью гипотезы научения и упражнения»¹³.

Реликтовое знание, одинаковое у всех особей одного биологического вида (например, человека), представляет собой содержание наследуемых форм коллективного бессознательного – архетипов и инстинктов, продуцирующих особый вид практической активности. У человека он проявляется, например, в интуитивных действиях при экстремальных ситуациях, в инстинктивных проявлениях в периоды микро- и макросоциальных коллизий, в «стандартной» системе неконтролируемых отношений к ребенку, в семье, в социальной группе.

Интегрированное знание репрезентирует формы синтеза знания рационального, интуитивного и реликтового. При этом глубина и степень требуемой интеграции зависят от профессиональной деятельности субъекта. Так, педагог, художник, композитор в своих интуитивных действиях постоянно обращаются к глубинам коллективного

бессознательного, в то время как инженер и математик, деятельность которых более рациональна, достаточно длительные периоды опираются на личное бессознательное и когнитивные структуры, расположенные между личным и коллективным бессознательным. Psyche последних проникает в реликтовые слои психики в актах творчества, рождающих инсайт, глубинное воображение, интуицию.

Временное развертывание структур интеграции знания протекает от этапа актуализации знания через его активацию к формированию собственно интегрированного знания.

Сделать знания *актуальными* для личности, т.е. перевести их из состояния иллюзорной возможности в состояние реальной действительности – значит (i) связать их с системой интересов, затрагивающих личность; (ii) дать его прочувствовать витальность этих связей; (iii) спроецировать созданные представления на психический строй личности, т.е. ассимилировать идеи, касающиеся личных интересов, в сознательном и бессознательном индивида. Внутренняя интерференция этих компонент приводит к формированию ментальной конструкции, которую личность идентифицирует как цель активности, и которая, как указывает аналитическая психология, обладает особой витальностью: «... жизненно важный элемент интеграции – ощущение цели. Частью целостности является ощущение, что жизнь имеет смысл, и наличие склонности делать что-то, когда это не так»¹⁴.

Обращаясь к началу интеграционных процессов у личности, к периоду школы, следует отметить, что научно-практический метод обучения позволяет осуществить сегментацию предметных знаний по основным областям человеческой деятельности, связать предметные знания со специальными, касающимися будущей профессии и жизни за пределами школы, установить транс- и междисциплинарные, профессиональные и социокультурные связи. Цель учителя и профессионального наставника станет достижимой, если внутри этой познавательной сети будут всплывать островки интереса, которые катализируют процессы рефлексии. Таким образом, сочетание предметных знаний и методов обучения через науку, включающих исследовательскую, социокультурную и профессиональную практику, позволяет «привязать» чисто школьные знания к тем явлениям, которые учащийся встречает и с которыми столкнется в повседневной жизни в своей будущей профессиональной деятельности.

Проблема усвояемости и долговечности знаний тесно связана с осознанием их актуальности для личности. Как показывает Е.П. Ильин в своем труде «Мотивация и мотивы», формирование внешкольной системы оценивания в той или иной форме осознанных и естественных форм мотивации к получению знаний наблюдается у современных старшеклассников и существенно влияет на их успеваемость¹⁵.

Следующее звено в цепи интеграции знания – *активация знания*, предполагает перевод знаний из статического состояния в динами-

ческое посредством различного рода манипуляций со знанием как практического, так и теоретического характера. В результате таких действий в *psyche* формируются и укореняются динамические модели, представляющие знание в процедурном виде. Ментальные процессы, имеющие место при создании таких моделей – *via regia*¹⁶ к образованию интегрированного знания.

В процессе обучения можно выделить следующие уровни активации знания: инкубационный, развивающий, специализирующий, интегрирующий.

Инкубационный уровень предполагает внутрипредметные и межпредметные способы активации знания – это уровень традиционной педагогики. *Развивающий* уровень связывает школьные дисциплины с «живым» знанием, как правило, в одностороннем порядке: от предмета к его следам в окружающем мире. Дело это *компетентно* практикуют лишь педагоги-энтузиасты и редкие образовательные учреждения; первые движимы своими внутренними профессиональными мотивами, а вторые качественно удовлетворяют тот небольшой *действительный* спрос, что имеется. Собственно говоря, это максимум, что может дать сегодня массовая средняя школа, пребывающая в своей вневременной отрешенности.

Следующие два уровня требуют серьезных экзогенных реконструкций в системе отношений «школа – общество», предполагающих включение в орбиту школы институализованных и индивидуальных носителей специального знания. *Специализирующий* уровень обеспечивает опосредованную активацию предметных знаний в процессе решения четко сформулированной задачи или проблемы в специализированной среде (профессиональной или социальной). *Интегрирующий* уровень включает в себя технологии активации знания в проблемной среде, комбинирующий моно- или полипрофессиональный и социокультурный статусы, и предполагает манипулирование специальными, общими и внутриличностными знаниями.

Дадим характеристику третьего этапа интеграции знания и собственно интегрированного знания. Представление о знании как активном начале в деятельности человека, которое проявляется через его личностные особенности, восходит еще к Аристотелю. Функциональная несостоятельность знания, не проведенного через личный опыт, отмечалась Л.С. Выготским¹⁷. Проблема интегрированности знания находит свое отражение в объяснении процессов научения с позиции концепции системогенеза личности в монографии В.Д. Шадрикова «Деятельность и способности»¹⁸. Интеграция знания протекает при взаимодействии сознания и бессознательных слоев психики в результате наполнения содержанием архетипических форм, возникновения интуитивных представлений об объектах и окружении, их внутриличностного отождествления и принятия. Это путь к творчеству, инсайту, интуиции. Различные стадии интегрированности знания опреде-

ляют ступени постижения мастерства. Дезинтеграция знания, как правило, – результат противоречий с действительностью. Примерами проявления интегрированного знания в обыденной жизни и профессиональной практике служат: теоретическая и экспериментальная работа ученого, искусство художника и инженера, педагогический дар учителя. В каждой из этих деятельностей можно выделить определенные стороны, охватывающие область сознания и бессознательного, в которых напряженная связь с жизнью растворяется в целостном, интегрирующем личностном акте, нерасчленяемом в процессе осуществления на отдельные эпизоды. Интегрированное знание может быть противопоставлено различным степеням диссоциации личности: действиям по шаблонам и образцам, бездумному растворению в жизни, нравственному безразличию к ее проявлениям.

Основываясь на проведенном анализе, можно дать следующее определение.

Интегрированное знание – это синтезированный в познавательной практике комплекс амбивалентных продуктов рационального и вне-рационального мышления и восприятия, который ассимилируется психикой в виде целостной системы с согласованной структурой и межобъектной динамикой, и проявляется как пропущенное через личность единство теоретического и практического опыта человека в его внутренней и внешней, сознательной и бессознательной активности.

Обратимся к рассмотрению инновационного знания. Движение к обществу знаний имеет своим осевым направлением вектор инновационного развития; последнее предполагает, что общество способно: (i) интенсивно производить новые знания как фундаментального, так и прикладного характера, а также (ii) эффективно трансформировать необходимую часть этих знаний в *производящий* экономический или социальный продукт. Инновация есть новшество, имеющее непосредственное отношение к становлению действительности, т.е. новация, нашедшая свое функционально-временное воплощение. Имплицитная философия инновации – в том, что «знание должно быть способно создать самое себя». Два модуса инновационности знания суть выражения его отношения к собственной творческой функции и к творческой функции рождающего его *psyche*. Творческая функция знания как такового конституирует особую инструментальную включенность знания в структуры практической деятельности, когда, будучи произведенным, знание неуклонно стремится к своему воплощению в новых теоретических или технических системах; и эта постоянно усиливающаяся ригористическая настроенность производимых людьми знаниевых конструкций все более присуща развитию современного общества.

Творческую функцию *psyche*, производящего знания, которое способно создавать иное новое, мы обозначим как *инновационность знаниевого комплекса* индивида, т.е. такого инструментального психического комплекса личности, который функционально соотносит с

действительностью когнитивные способности индивида, способности оперировать структурами интегрированного знания. Инновационность знания есть культурная необходимость для творческой функции *psyche* современного индивида. Она обязывает значительную часть работников общества обладать такими знаниями, которые готовы к росту и употреблению в постоянно обновляемых процессах социального производства, публичной и частной жизни.

Таким образом, современная культура знаний конституирует особое качество творческой функции знания, обозначаемое как инновационность. *Инновационное знание* — это знание, способное производить новое знание. Концепт «инновационное знание» соотносится с понятием «инновационный контекст», который в работе Б. Бернштейна определяется как место, «где ребенка поощряют к экспериментам и воссозданию своего мира на собственных условиях и по собственному образцу»¹⁹, и с понятием «учебно-научная инновационная среда»²⁰.

Концепт «инновационное знание» отражает *сильные критические начала*, на основе которых современный познающий субъект строит свои отношения с образовательными системами. Предъявляемые им требования демонстрируют нам факт создания не просто собственной нормативной теории над знаниевым комплексом, а очень дифференцированной и ригористичной системы оценочных суждений, прагматика которой отвергает всякую искусственность, недосказанность и неподтвержденный на деле авторитет. В данной субъективной ценностной системе полезность знания — это норма, которая властвует над формулируемыми теоретическими пропозициями в рамках понимаемой расположенности знания и возможностями пользования знанием. Это уже не та слабенькая и эклектичная нормативная теория, которой довольствовался обучающийся субъект в предшествовавшем сегодняшнему дню образовательном времени, и которая находила себя через классическую триаду «восприятие — усвоение — закрепление». К иным, аподиктическим модальностям прибегает сегодня человеческое мышление, когда надо утвердиться на новых, неизведанных еще территориях. Мы можем говорить об этапе *освоения*, когда нам следует ответить на вопросы — «что есть полезного (потенциально и реально) на этих территориях?» и «как располагаются эти полезности относительно наших интересов и других объектов?»; следующий этап — этап *овладения* ставит перед нами задачу реализовать акт собственности над этими полезностями; далее — *интеграция* делает из знания инструмент, обеспечивающий его *аутентичное* функционирование в социокультурных контекстах и в профессиональном использовании; творческий этап — *креативизация*, придает знанию качество инновационности, включающее субъекта в познавательные стратегии инновационного социума.

К.Р. Поппер в своем труде «Объективное знание» выделяет характерные черты познавательного действия, посредством которого «мы

поднимаем себя за волосы из трясины нашего познания»²¹. Этот акт самоотрансцендентности выводит нас за границы нашего пространственного и временного окружения, за пределы нашего опыта. Процесс познания по Попперу состоит в *критике, использующей творческое* воображение, в критике, подвергающей сомнению универсальность и структурную необходимость того, что нам может казаться «данным» или «привычкой»²².

Таким образом, инновационность есть та целостная конструкция личного знания, соразмеряющая его с сегодняшним миром, которая, с одной стороны, делает возможным для индивида его аутентичное использование, с другой стороны, позволяет окружающему миру заявить о себе и сделать себя доступным.

Предыдущее изложение позволяет нам выделить в качестве размерностей инновационного знания такие познавательные композиты, как полезность, диспозициональность и инструментарность.

Полезность позволяет оценивать грядущие применения знания, это отсылание знания к миру и его ценностная ориентация в нем, ориентация, созданная его практическим пробованием. Присуждение знанию субъективных градаций полезности — динамично и многоаспектно, т.е. разворачивается во времени и в системе оценочных координат, в которых интенция индивида через знание соотносится с объектами неиндифферентной ему реальности. Здесь полагается, что принимаемая индивидом полезность знания не то же самое, что его субъективная *значимость*, поскольку знание, неоцениваемое в модусах полезности, может быть значимым в силу, например, принуждающего действия культурных традиций, учебных требований, социальных установок.

Диспозициональность — это соотнесение знания с внешним, создание «карт» нахождения знания в окружающем мире, в том числе понимание расположения знания по отношению к предметным сторонам деятельности, например, в социальных и профессиональных структурах, в междисциплинарной соотнесенности и более широко — в доступной знаниевой системе общества, в многозначной интерпретируемости и семантической диффузности. Но в то же время диспозициональность — это герменевтически субъективный синтез, проходящий через осмысление этого знания в системе личного внутреннего понимания себя и действительности, через структурирование внутренней и внешней целостности, и несущий расширение возможного понимания самого себя.

Всякое субъективное знание диспозиционально, замечает К.П. Поппер. Из его диспозиции к действию вытекает стремление к пробному приспособлению к действительности. Тогда мы те, кто ищет и кто способен ошибаться. Следовательно, диспозициональность несет в себе потенциал знания быть понятым и интерпретированным²³.

Инструментарность — это приспособленность знания для употребления, открывающаяся через опыт его применимости; она предполагает прежде всего готовность использовать знание в контекстно-аутентичных ситуациях и самостоятельно получать новые знания. Данное свойство принципиально иного плана, нежели то, что предполагал Аристотель, когда возводил подражание в ранг орудия умственного воспитания, и чему так усердно, явно или тайно следовали многие педагогические концепции.

Инновационность знания, понимаемая через такие познавательные композиты, как полезность, диспозиционность и инструментарность, конституирует в современных образовательных системах новые технологические аспекты, которые развиваются через исследовательскую деятельность и интегрированный проект. И в то же время такое положение дел требует выделения в этих образовательных системах наряду с традиционным учебным компонентом особой структурной части — *учебно-научной инновационной среды*, которая должна обеспечивать новый познавательный технологизм, построенный на основе методов, свойственных науке.

Создание учебно-научной инновационной среды предполагают соединение учебного процесса на разных стадиях подготовки — университетской и школьной — с научным поиском и творческой деятельностью с целью решения практических и теоретических задач, в том числе, при создании новой техники, технологий, изделий и услуг, при исследованиях в области фундаментальных наук, при изучении окружающей среды — природной и социальной. Учебно-научная инновационная среда есть безусловная необходимость для развития современных форм научно-ориентированного образования молодежи, в основу которого заложено стремление к получению полезного и практического результата, как в прикладных, так и в теоретических областях деятельности, что позволяет воспитывать кадры высокой квалификации, способные создавать научную продукцию, преобразующую мир. И, кроме того, это образование воздействует на культуру, делая общество способным к восприятию новых научных результатов, к ассимиляции новых знаний, к изменениям окружающей действительности.

Сегодня научные знания явственно проступают в сферах социально данного, вследствие чего по отношению к массовому индивиду можно говорить о проблеме формирования в его сознании *правильных знаний о знаниях*; именно такой «надстроечной» системой является инновационная структура знания. Эта проблема имеет большой эмпирический объем, поскольку знание, чтобы стать знанием, должно пройти через функционально сложный этап *добывания*. Технологическая же вплетенность этого знания сегодня в обыденную и профессиональную жизни делает его орудием *повседневной практики*, формируя через субъективную инструментарность структуры осмысляющих связей над знаниевым комплексом индивида. Следова-

тельно, создание не фрагментарной, а тотальной субъективно правильной структуры *знаний над знаниями* в познающей психике становится насущной задачей образования и представляет новый *когнитивный* аспект развивающейся образовательной ситуации, который по-своему репрезентируется сегодня в таких понятиях, как транс- и междисциплинарность, познавательная ценность, научная картина мира, знаниевая приложимость и т.п.

Инновационность знаниевого комплекса не может быть создана у индивида только в процессе профессиональной деятельности, она должна закладываться в виде культурных форм и опыта в психический фундамент *растущей* личности в результате социальной практики посредством таких агентов влияния, как семейное окружение, группы общения, дворовый, городской и сельский социумы, школьное сообщество. Образование есть область упорядоченной социализации²⁴.

В традиционной школе знания указывают лишь на себя, объективируются лишь в себе вместо объективации в социальном мире; создают в качестве знаниевых конструктов индивида чистую вещь, обладающую лишь абстрактным существованием. Однако такая традиция вполне уживалась ранее с существовавшим миропорядком, поскольку вхождение в окружающую жизнь и обретение обыденного психического инструментария осуществлялось взрослеющей личностью в значительной степени минув школьные знания, а именно, в семье, в кругу сверстников, на улице. И школа, давая знания абстрактные, совершенно не несла ответственности ни за этот инструментарий, ни за эту жизнь.

Сегодня, как и ранее, обыденное знание усваивается по большей части контекстно, но «научная» его часть может быть освоена лишь организованно. Следовательно, стиль научного мышления может вырабатываться школой только в сопряженности научного знания с миром человеческих потребностей, делая это знание готовым к повседневному употреблению в условиях роста культуры знаний, иначе говоря, инновационным знанием. И это последнее накладывает требования такой инновационности и на образовательную среду, и на учебный технологизм действующей школы. Именно образование контекстной научно-детерминированной инструментарности знаниевого комплекса индивида есть вызов, обращенный к современной школе от имени наступающего общества, основанного на знаниях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — С. 45.

² См.: Карпов А.О. Принципы научного образования // Вопросы философии. 2004. № 11. — С. 96 — 98.

³ Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — С. 246.

- ⁴ См.: Карпов А.О. Научное познание и системогенез современной школы // Вопросы философии. 2003. № 6. – С. 37 – 53.
- ⁵ См.: Карпов А.О. Становление новой научно-познавательной парадигмы при обучении школьников // Народное образование. 2007. № 5. – С. 133 – 138.
- ⁶ См.: Карпов А.О. Научное образование в обществе знаний // Инновации в образовании. 2007. № 5. – С. 37 – 63.
- ⁷ См.: Сергиенко Е.А. Когнитивное развитие // Современная психология. – М.: ИНФРА-М, 1999. – С. 428.
- ⁸ См.: Блинные И.В., Сафуанова О.В. Психосемантика и процессы семантической обработки // Современная психология. – С. 233.
- ⁹ См. там же. – С. 220.
- ¹⁰ См.: Солсо Р.Л. Когнитивная психология. – М.: Тривола; М.: Либерея, 2002. – С. 377 – 381.
- ¹¹ См.: Ушаков Д.В. Мышление и интеллект // Современная психология. – С. 249.
- ¹² См.: Пономарев Я.А. Психология творчества и педагогика. – М.: Педагогика, 1976. – С. 128 – 130, 148 – 180.
- ¹³ Юнг К.Г. Инстинкт и бессознательное // Сознание и бессознательное. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 61.
- ¹⁴ См.: Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы. – М.: ЧеРо, 1997. – С. 153.
- ¹⁵ См.: Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2000. – С. 260.
- ¹⁶ Королевская дорога (лат.)
- ¹⁷ См.: Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – С. 52.
- ¹⁸ См.: Шадриков В.Д. Деятельность и способности. – М.: Логос, 1994. – С. 11, 128.
- ¹⁹ Bernstein B. Social Class, Language and Socialization // Power and Ideology in Education. N. Y.: Oxford University Press, 1977. – P. 481.
- ²⁰ См.: Карпов А.О. Научные исследования молодежи // Вестник Российской Академии наук. 2002. Т. 72, № 12. – С. 1069 – 1071.
- ²¹ Поннер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Эди-ториал УРСС, 2002. – С. 147.
- ²² См. там же.
- ²³ См. там же. – С. 72, 49, 117.
- ²⁴ См.: Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб.: РХГИ, 2004. – С. 147 – 148.

Аннотация

В контексте становления исследовательской педагогической парадигмы рассматриваются два типа когнитивно-активного знания – интегрированное и инновационное. Особенности генезиса и функционирования когнитивно-активного знания детерминируют создание психически комфортных условий обучения для разных когнитивных типов личности.

Ключевые слова:

Интегрированное знание, инновационное знание, исследовательское обучение.

Summary

Two types cognitive-active knowledge – integrated and innovative – are considered in the context of research pedagogic paradigm formation. The peculiarities of genesis and functioning of cognitive-active knowledge determine the creation of an education environment that is mentally convenient for different personality.

Keywords:

Integrated knowledge, innovative knowledge, research education.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАТАЛИЮ СЕРГЕЕВНУ АВТОНОМОВУ!

Редакция журнала поздравляет **Натاليю Сергеевну Автономову** с присуждением ей премии Андрея Белого в номинации «Гуманитарные исследования»*. Об этом было объявлено 4 декабря 2009 г. на книжной ярмарке non/fiction в Центральном доме художника в Москве. На суд жюри было представлено научное исследование «Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров» (М.: РОССПЭН, 2009).

Премия Андрея Белого была учреждена в 1978 г. ленинградским самиздатским журналом «Часы» и является первой в России регулярной негосударственной наградой в области культуры.

Ниже мы публикуем речь Н.С. Автономовой, зачитанную на церемонии вручения премии.

Речь на вручении премии Андрея Белого

Дорогие друзья,
Дорогие коллеги,
Дамы и господа.

Обстоятельства научной жизни (в данном случае – мое участие в конференции по проблеме межкультурного перевода, проводимой в эти дни в Иерусалиме) не позволяют мне сейчас быть среди вас, разделить с вами мою радость.

Присуждение премии Андрея Белого в номинации «гуманитарные исследования» для меня – высокая честь.

Скажу откровенно: когда кто-то из знакомых поздравил меня по электронной почте с включением в «короткий лист» премии, я решила, что это недоразумение. Но когда 4-го декабря, вернувшись с заседания международного научного комитета по оценке работы Дома наук о человеке в Париже, я нашла в своей электронной почте другое сообщение – на этот раз о присуждении мне премии Андрея Белого – я поняла, что это не сон. На всякий случай, я включила компьютер и увидела в интернете сообщения различных агентств о том, что в 18 часов вечера (то есть двумя часами раньше, когда я как раз подлетала к Москве) это решение было оглашено на Ярмарке интеллектуальной книги non-fiction. На этом мои сомнения закончились. Однако удивление – осталось.

Все это значило, что кто-то увидел мою книгу, купил ее, прочитал, по-настоящему заинтересовался ею. А ведь это, по-моему, не так просто. Название книги – «Открытая структура: Якобсон – Бахтин –

* Подробности о конкурсе см. на сайте <http://belyprize.ru/?pid=129>

Лотман – Гаспаров» – указывает одновременно и на конкретных людей, и на общую проблему. Насколько я могу судить, до сих пор этот квартет великих русских филологов еще ни разу не попадал под общую обложку и не рассматривался с той точки зрения, которую я предлагаю. Для меня Якобсон, Бахтин, Лотман, Гаспаров – самые крупные филологи XX века, перешедшие вместе с нами в XXI век, а сам вопрос о структуре (и об открытой структуре) со всеми трансформациями в его постановке тоже охватывает собой весь XX век. Когда-то мне довелось вводить в русскую (тогда – советскую) культуру произведения Фуко, Лакана, Деррида, а вместе с ними целый веер вопросов, которыми стали в России предметом массового интереса лишь двадцать лет спустя, уже в 1990-е годы.

Сейчас принято считать, что структура и структурализм давно умерли, что их место заняли другие подходы, что стремление к объективному познанию в гуманитарной области – это пустая архаика. Напротив, поиск развлечений, разнообразных впечатлений, прежде всего аудио-визуальных, отвлекающих от навязчивой дискурсивности и артикулированности логически собранных текстов, – становится атрибутом современного, точнее, постсовременного, человека, который стремится порезче отмежеваться от всего, что может напоминать ему о порядках и закономерностях, и теснее сблизиться со всем тем, что этому противоречит.

Конечно, воображение, интуиция, всевозможные фантазии в человеческой жизни очень важны. Но мой акцент – иной. Он – на том, что сейчас затаптывается. Отождествлять познание с тоталитаризмом – это нелепо, винить познание человеческих явлений в том, что оно лишает нас непосредственных радостей чтения поэзии или восприятия живописи – по меньшей мере, смешно. Судьба современного человека повернулась так, что воспринимать ценности свободы он еще как-то способен, но вот видеть чудо или фундаментальный смысл в самой возможности познания человеческих явлений, в поиске закономерностей за причудливой игрой бессознательных сил – это уж увольте!

Сейчас в мире идет борьба актуализаций, каждый выдвигает свою точку зрения. Мое представление об актуальности связано с идеей открытой структуры. Мысль об открытой структуре заставляет нас по-новому отнестись к уже привычному расчленению наук на гуманитарные и естественнонаучные, на объясняющие и понимающие. Мне представляется более важным такое объединяющее представление о науке, которое ставит целью изучение объекта вне нас, когда, учитывая нашу собственную историчность, мы, тем не менее, стремимся понять объект в тех его характеристиках, которые не нами определяются, – а они есть и в естественном, и в гуманитарном познании.

Всем моим героям было свойственно это мощное эпистемофилическое влечение – это стремление к познанию. Все они, интуитивно или сознательно, шли тем путем, на котором в западно-европей-

кой культуре сложилась опора на науку (и само стремление к объективности) как важнейшее культурное завоевание: без него отныне невозможны не только «факты», но и «ценности». Если разрушить этот фундамент, под сомнение будут поставлены и нынешнее бытие европейской культуры, и ее будущие шансы в мире.

Все мои герои были наделены удивительной интуицией культурного целого и вместе с тем способностью улавливать его многоуровневую динамику. Якобсон – лингвист, которому ничто языковое не было чуждо (это был его девиз) – мог одинаково восхищаться мордовскими говорами и поэзией Пастернака: общее и индивидуальное, малое и великое не разделялись у него стеной или пропастью, как это происходит сейчас у тех философов, кто, обращаясь к литературе, считает объектом, достойным внимания, лишь две дюжины великих писателей. Лотман восхищался разными формами искусства, но стремился вести филологию от «ненауки к науке». В свою очередь, Гаспаров, который, казалось бы, целиком подчинил свою жизнь выяснению формальных закономерностей поэзии, умел нарушать эти закономерности так талантливо, что даже самые смелые постмодернисты тушевались перед яркими выходками его «Записей и Выписок» или «Экспериментальных переводов».

Конечно, структура, которая может быть открытой, – это не та архаичная, догматичная, статичная, тотальная и тоталитарная структура, о которой обычно ведут речь ее противники. Но ведь такое убожество свойственно не структуре, но лишь нашей устаревшей мысли о структуре. Та структура, которую я имею в виду, открыта истории, она взаимодействует с самыми разными проявлениями неструктурности, что и обеспечивает ее динамику. Об этом много размышляли и Роман Якобсон, и Юрий Михайлович Лотман. Структура есть не только то, что выявляют и описывают мои герои, но и то, что связывает в некое культурное целое их самих. В этом смысле общую структуру образуют не только «структуралисты», но и те, чьи взгляды антагонистичны идее структуры; в данном случае это – Михаил Михайлович Бахтин. Без Бахтина как представителя иной – историко-гуманистической – тенденции в познании человека нет и целого, а потому он, поначалу бывший для меня лишь фоновым персонажем, постепенно стал необходимым звеном для понимания всего остального, всех остальных.

Структура для меня не есть нечто субстанциональное и вещное: это динамический каркас подвижных возможностей смыслопорождения. При этом как филолог я вижу, что в основе всякой структуры лежит ситуация (и проблема) многоязычия и, соответственно, проблема перевода – между языками и культурами, между обществом и индивидами, между обыденными мыслями и научными теориями. Перед нами открывается огромное многомерное поле междисциплинарного перевода как главной опоры культурного и социального взаимопонимания и взаимодействия. Именно поэтому я полагаю (вопреки мнениям очень и очень многих), что главным понятием гума-

нитарных наук является не диалог, который в последнее время стал восприниматься как отмычка ко всем дверям, но именно перевод: без выработки общего языка в процессе перевода никакой диалог не возможен.

Открытая структура предстает перед нами не только в познании. Мы живем в обществе, которое тоже представляет собой открытую структуру: во всяком случае, оно в очередной раз в своей истории открылось вовне, проявило желание осмыслить себя, понимая другого и других. Мне хочется думать, что честная работа в культуре, отказ от халтуры и конъюнктуры позволят восстановить — и в обществе и в научном сообществе — значимые вехи, опоры, критерии, без которых все разрушается, потому что «все дозволено». Теперь нам приходится вновь утверждать значимость интеллектуального усилия, которое не зависит от внешних похвал и порицаний, но определяются внутренним чувством и разумением каждого.

Я завершаю мое выступление словами благодарности комитету премии Андрея Белого — тем людям, которые оказали мне внимание и выразили мне символически значимую поддержку. Я считаю, что путь, которым я следую, ведет к реабилитации отечественного интеллектуального наследия, к распространению идей и достижений, впервые сформулированных на русском языке. На языке, который — и для меня как филолога и философа это особенно важно — пережил периоды интеллектуальных и смысловых дефицитов и теперь находится в процессе выработки своих собственных концептуальных возможностей, укрепляя, тем самым, свои будущие шансы среди других языков и других культур.

Еще раз всем Вам — большое спасибо.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзоры, объявления, сообщения

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ: АРХАИЧЕСКОЕ, ТРАДИЦИОННОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ НАЧАЛА.*

Москва — Белгород, 22 — 25 мая 2009 г.

Н.Д. ШМЕЛЕВА

Цель конференции — выявление специфического и универсального во взаимодействии временных пластов в российском самосознании, а также определение стратегий дальнейшего развития России в связи с особенностями соотношения архаического, традиционного и инновационного в российской истории, культуре и самосознании.

Конференция состоялась в рамках проекта «Проблемы российского самосознания»¹, инициативу в организации и проведении которого взял на себя сектор философии культуры Института философии РАН. Руководитель проекта — зам. директора ИФ РАН, заведующий сектором философии культуры, д. филос. н. *С.А. Никольский*. Особенностью формата этого проекта является организация конференций как в Москве, так и в одном из регионов России с целью создания в стране единого пространства диалога.

На пленарном заседании в Москве выступили В.Г. Федотова и А.А. Кара-Мурза, на выездной части конференции — С.А. Никольский, В.И. Аршинов, Р.Г. Апресян, дальнейшее обсуждение проблематики проводилось в рамках серии круглых столов, включавших доклады отдельных участников.

В докладе *В.Г. Федотовой* (д. филос. н., ИФ РАН) «Архаика, традиция, инновация в российском развитии» была дана критика почвеннических тенденций в русской интеллектуальной традиции, которая проявляется в поисках исконно российского, прежде всего, в архаике. Автор отметила, что даже славянофилы-классики искали основу традиции в эпохе Ивана III, которая уже была вовсе не архаической, а содержала вполне эксплицитно множество инновационных элементов, не вредящих исконной традиции. Традиционный строй, а имен-

* Обзор первой и второй всероссийских конференций, организованных в рамках проекта «Проблемы российского самосознания», опубликован в журнале «Философские науки» (2008. № 7). Обзор третьей конференции — в ФН (2009. № 4).

но такой, в котором инновации были ограничены традициями, по мнению автора доклада, сохранялся вплоть до XIX в., даже до правления Александра II, т.е. включал в себя эпоху и Петра I, и Екатерины II – несмотря на их бурные инновации и связи с Западом, несмотря на начавшуюся вестернизацию (не как всегда присутствующую часть модернизации, а как ее специфическую модель). Только начиная с правления Александра II Россия вступает в современную фазу, в общий с Западом ход истории, где инновация доминирует и допускает традиции, не препятствующие инновациям.

В докладе *А.А. Кара-Мурзы* (д. филос. н., ИФ РАН) были показаны как специфика соотношения инновационного и традиционного в русской культурной истории, так и особенности осмысления этого соотношения противоположными культурно-философскими течениями, а также намечена возможность положительного синтеза и в осмыслении, и в самой культурной практике России. В докладе указывалось, что одна из главных и давно осознанных проблем русского исторического неустройства – это крайне болезненные отношения «традиции» и «новации», их неорганичное сочетание и взаимное отталкивание. В итоге такого взаимодействия традиционность вырождается в охранительство, и затем – в реакцию, а искусственно сдерживаемая новация, в свою очередь, «вырываясь», радикализируется и, отрываясь от национальных корней, также вырождается – в нигилизм и революционаризм. В результате этого в российской истории часто взаимодействуют уже не традиция и новация как таковые, а *реакция* и *революция*, то есть два вида радикализма. Беда, неустройство и смута, по мнению автора, тогда и приходят в Россию, когда вместо позитивного синтеза двух начал происходит синтез негативный.

Развивая основную тему конференции, *В.Б. Власова* (к. филос. н., ИФ РАН) поставила вопрос о необходимости философского осмысления традиции как важнейшего культурного механизма, обеспечивающего основные условия существования любой социальной общности. Основные функции традиции, названные автором, это, прежде всего: обеспечение преемственности деятельности сменяющих друг друга поколений; обеспечение непрерывности развития содержания и форм культуротворчества в течение длительного исторического периода и приобщение индивидов и групп людей к определенному общественному целому; установление относительной (или превращенной) согласованности, однопорядковости действий людей одного и того же поколения, принадлежащих к разным общественным группам и др.

Особое внимание было обращено на неправомочность часто встречающегося противопоставления традиции и инноваций. Новация противостоит не традиции в целом, а стабилизирующим ее компонентам, составляя вместе с ними конституирующее традиционную регуляцию диалектическое единство.

Е.А. Антонова (д. филос. н., БелГУ) обратила внимание на то, что содержание понятия «российское самосознание» многомерно и не поддается линейному упорядочению, поэтому для точной и тщательной

реконструкции русского национального самосознания периода формирования нации при переходе от феодализма к капитализму требуется особое синергетическое видение этого процесса. При этом докладчик считает необходимым выяснить, «каким классам, общественным слоям осознание национального единства, национальным интересам было свойственно в той или иной мере». Отмечается особая роль крестьянских масс, старообрядцев и славянофилов в указанном процессе.

Русская идея как фактор формирования российского самосознания – основной тезис, с которым выступил *И.П. Корнеев* (к. филос. н., БелГУ). Она возникает в русской философии в начале XIX в. и оформляется в виде славянофильского и западнического вариантов. В русской истории побеждает западнический вариант социалистического толка, который господствует в России до 90-х годов XX в. Россия нуждается в национальной идее и сформулировать ее можно только на философско-теоретическом уровне, но содействовать этому должны прикладные научные исследования. В докладе выражается уверенность, что, лишь определившись с национальной идеей, Россия войдет в ряды ведущих стран мира.

Развивая актуализированное М.Ю. Лотманом в современной научной парадигме представление о русской культуре как о системе «жестких» бинарных оппозиций, приводящей к регулярной «взрывной» инверсии ценностей, *С.М. Климова* (д. филос. н., БелГУ) уделяет особое внимание описанию базового словаря интеллигенции, который не только представлял собой основу специфического способа рефлексии, но и передавал *личностное переживание идей*, ставшее первоосновой всего механизма «смены вех» субъективным принципом перекодировки и переосмыслений всех культурных и аксиологических понятий. Этот базовый словарь и субъективные переживания (личностная теургия), по утверждениям автора, привели к константности в самоописании интеллигенции в рамках бинарной оппозиции славянофильства/западничества. В то же время в докладе указывался альтернативный способ описания реальности – диалогический – появившийся перед Серебряным веком и прерванный революционными и последующими событиями, вновь актуализированными бинарную оппозицию в описании ценностной картины мира.

Н.З. Бросова (д. филос. н., БелГУ) в докладе «Народ как соблазн идеей: немецкий проект и русская традиция» отметила, что тема народа является одной из центральных тем в истории России; она приоритетна и в контексте западноевропейского идейного дискурса, где важное место занимает немецкий опыт ее освоения. Автор рассматривает смысловой контрапункт двух истолкований этой темы: в философии М. Хайдеггера (работы 30-х годов) и у авторов знакового сборника «Вехи». При этом отмечается, что для обоих источников оказывается значимым библейско-христианский идейный контекст. Хайдеггеровские интуиции и поиски «веховцев» намечают принципиальные проблемные направления для современного философского рассмотрения темы народа; среди них: соотношение «народа» с

властью и ее институтами, значимость для него контекста культуры и религии, «становление» народа и его идентичности, вопрос ответственности народа и т.п.

М.В. Пулькин (к. ист. н., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН) рассматривал происхождение и классификацию девиантных проявлений на Севере России – в Олонецкой губернии. Девиантность представляется автору сочетанием архаических проявлений человеческой психики, агрессивности и кровожадности, а в конечном итоге – формой регрессии. Кроме того, девиантность связана с традиционными формами реагирования на сложные ситуации и с поисками креативного решения возникающих проблем. Традиционность открывала путь для коллективных проявлений девиантности, большей сплоченности индивидов и повышала вероятность безнаказанности. На этом фоне инновации (преимущественно в социально-экономической сфере) становятся существенным фактором возникновения девиантных проявлений, но одновременно и способом их преодоления. Тем самым инновации приобретают дополнительные защитные функции.

Т.В. Наумова (к. филос. н., ИФ РАН) отметила, что в процессе сохранения и развития научного знания в современных условиях большое значение приобретает вопрос взаимоотношения традиционных и инновационных форм поддержки науки. В качестве традиционной формы поддержки науки автор указывает на государственное бюджетное финансирование, в качестве инновационных форм – на отечественные и зарубежные научные фонды, которые выделяют средства для поддержки науки в виде грантов.

* * *

В Белгороде конференция приобрела в большей степени социокультурную и этическую направленность, что не исключало обсуждения вопросов, касающихся анализа традиционных и инновационных процессов в обществе, поднятых докладчиками в Москве. Основная высь на местном и региональном материале, на результатах социологических исследований, проведенных в Белгороде и Белгородской области, многие докладчики заострили свое внимание на проблемах развития региона.

С основным докладом «Общественное развитие: механизмы, возможности и препятствия» выступил **С.А. Никольский**. Он подчеркнул, что составными частями общественного развития и самосознания индивида и общества выступают архаика, традиция и инновация, при этом у каждой из этих частей есть свое специфическое предназначение, своя роль.

Инновации – наиболее подвижная часть триады – представляют собой совокупности непрерывно возникающих в общественном развитии и сознании индивидов модулей разного рода новых элементов и вариантов их взаимосвязей. Однако после их существование возможно лишь во взаимодействии с традиционными (уже работающими

ми) элементами и их сочетаниями вплоть до их полного развития в качестве таковых или же, что также не исключено, до полного уничтожения (отторжения). В процессе этого взаимодействия некоторые инновации благополучно инкорпорируются, становятся частью, дополнением работающей системы традиций. Одни инновации заменяют отдельные элементы (связи) системы традиций на новые. А другие отторгаются и исчезают как неприемлемые. Таким образом, по отношению к инновациям существующая система традиций выступает как главный фактор искусственного отбора. Но и элементы традиционного не вечны, некоторые из них закрепляются в архаике. Архаика – это наиболее давние, широко распространенные и укорененные традиции.

Инновационное, традиционное и архаичное можно представить как три существующие и взаимодействующие между собой плоскости развития, лежащие одна на другой, но движущиеся с разными скоростями. Не испытывающее насильственного воздействия общественное развитие естественным образом продуцирует в себе и из себя инновации, обеспечивает их взаимодействие с традицией и передает их отдельные образцы, элементы и связи на нижний, базовый уровень архаики.

Проблема ценностей является одной из актуальнейших проблем становления современной цивилизации. **В.И. Аришинов** (д. филос. н., ИФРАН) в своем докладе представил один из вариантов синергетического подхода как «мышления в сложности», ориентированного преимущественно на сетевой, рекурсивно-коммуникативный подход к ценностным феноменам культуры, рассматриваемым в контексте исторической динамики их самоорганизации в сопряжении с современным технологическим развитием.

В настоящее время мы находимся в третьей, критической (или «хаотической») фазе макродвижения, динамика которого репрезентируется тем, что в синергетике именуется параметром порядка. И именно на этой фазе, когда человеческое общество достигает пределов своей стабильности, оно становится сверхчувствительным и остро реагирует на малейшие флуктуации.

Аутентичный синергетический подход в данном случае рекурсивным образом отклоняет траекторно-точечное, линейное-причинное описание связи событий, заменяя это описание герменевтическим пониманием пути как сети.

В докладе **Р.Г. Апресяна** (д. филос. н., ИФ РАН) «Репроблематизация Другого в этико-прикладных исследованиях» было показано, как удивительным образом в ходе развития современной постклассической этики и независимо от него в этико-прикладных исследованиях оказываются частично восстановленными архаические моральные представления. В современной философии это – репроблематизация Другого, который теперь определяет Я. В прикладной этике, в частности в экологической этике, это – нон-антропоцентризм, который кардинально расширяет предмет моральной ответ-

ственности, распространяя ее и на не относящиеся к человеческому роду особи, а также на сообщества и системы живых организмов.

Рассматривая современные проблемы управления и финансирования научной деятельности, **С.Л. Колесников** (к. т. н., доцент, Управления профессионального образования и науки департамента образования, культуры и молодежной политики Белгородской области) по аналогии с известными культурно-философскими течениями выделил два соперничающих подхода, условно называемых социальный реализм и социальный номинализм. Первый определяется преобладанием «целого» над «частным», а второй ставит во главу «частное», которое обеспечивает успех развития «целого». По мнению докладчика, в современной России продолжают избыточно действовать принципы социального реализма, что проявляется, например, и в искусственной, часто ненаучной иерархизации и сокращении научных учреждений, и в перечислении денежных средств по грантам на счета организаций, а не руководителей проектов.

Анализируя мифы как реально существующую символическую форму идеологии, **В.П. Римский** (д. филос. н., БелГУ) выделяет в эпохе Модерна стержневые «классические» мифы-идеологии – либерализм, социализм и консерватизм. Все остальные рассматриваются как эклектические, гибридные и даже мутантные. В описании современных постмодернистских мифов-идеологий автор поддерживает представление о всеобщем доминировании субкультурных, ситуативных эрзац-мифов, «идеологических фаст-фудов». Характерной особенностью русского сознания и самосознания автор считает исключительно вторичные гибридные и мутантные формы, обусловленные спецификой постоянно догоняющей модернизации. Среди мифов выделяются: «русская идея», включающая и гибридную форму евразийства, и мутантную сталинского большевизма; идея возрождения России; идея возрождения Православия; идея этнокультурной идентичности России и национально-консервативный мутант либерализма питерской команды.

Доклад ироничен по композиции, последовательно и нарочито противоречив. Так, единый пассионарный миф представляется одновременно как желанный и невостребованный, как невозможный и срочно необходимый. Мифы докладчик понимает как иллюзорно-символические образования, опровергаемые, однако, социальной практикой.

Обсуждая особенности современного мировоззренческого кризиса и проблемы, возникающие на возможных путях его преодоления, **В.Н. Шевченко** (д. филос. н., ИФ РАН) рассмотрел истоки нынешнего мировоззренческого кризиса в различных культурных явлениях современности. Это и внутренние проблемы научного знания (непомерная дифференциация и узкий позитивизм), и специфика состояния секулярного сознания в целом (кризис аксиологических систем, необходимость общественных идеалов), и особенности истории Церкви и религиозного сознания в России (религиозная реакция, оп-

равданная десятилетиями официального атеизма), и негативные традиции разрешения идеологических споров в нашей стране (неотработанность механизма общественных дискуссий). По мнению докладчика, в этих условиях особую роль в разрешении культурных мировоззренческих проблем может и должна сыграть философия, которая способна восстановить утерянное единство научной картины мира и содействовать установлению традиции рационального обсуждения наиболее общих, фундаментальных для общественного сознания тем.

Анализируя традиционные стратегии и тактики, применяемые участниками современной социальной аргументации, **Е.Н. Мотовникова** (к. филос. н., БелГУ) на примерах отдельных эпизодов текущих дискуссий по социально-политической и социально-познавательной проблематике показывает непродуктивность устаревших приемов ведения дискуссий, тактик авторитетного давления и игнорирования оппозиционных точек зрения, уклонения от обсуждения болезненных, острых тем. По мнению автора, господствующие в российском социальном диалоге формы разговора *не* нацелены на достижение более глубокого понимания собеседника, оппонента обсуждаемой проблемы, а преследуют в основном цели самоутверждения и победы в споре над противником. Эта ситуация может быть терпима или безразлична для относительно стабильного, сплоченного общества, но современное российское самосознание, с точки зрения автора, остро нуждается в более эффективных формах организации социального диалога, в более откровенном обсуждении ценностных установок и последствий социального знания и социального действия.

Развивая основную тему конференции, **В.В. Липич** (БелГУ) отмечает особую роль А.С. Пушкина в процессе формирования национального самосознания, настаивает на необходимости тщательного культурно-философского анализа и осмысления различных аспектов взаимодействия творчества поэта и самосознания русского общества. Развивая известные представления об ученичестве русского искусства XVIII в., автор считает, что литература XIX в. начинается там, где «свое» и «чужое» поняты как проблема. Только после этого русская литература начинает резко противопоставлять себя тому, что ею же было воспринято со стороны. Она начинает мыслить себя как некий субстрат, остающийся от столкновения с иноязычными культурами.

Синкретический характер пушкинской поэтической системы, обусловленный эпохой пересекающихся философско-литературных направлений, требует последовательного выделения составных элементов этого синкретизма.

С.Д. Домников (к. ист. н., ИФ РАН) в своем докладе рассмотрел некоторые аспекты концепции «нарративной (повествовательной) идентичности», выдвинутой Полем Рикёром. Обращаясь к проблеме идентичности, Поль Рикёр проводит различие двух разных смыслов, вкладываемых в это понятие: идентичности как *тождества* и идентичности как *самости*. Различным типам идентичности соответствуют в языке метаописания разные типы дискурсов. Онтологичес-

кая эволюция от «тождественного» к «самостному» и их диалектическая взаимосвязь в динамическом развитии личности, по Рикёру, представляется центральной в рамках проблематики личностного самоопределения как в процессе индивидуального, так и в процессе культурно-исторического онтогенеза. Если в дискурсе первой степени, описывающем структуры различия на общем фоне неразличимости человека и вещи и затрагивающем уровень отношений «тождественности» и «самости», господствует аналитико-описательный статус различия между личностями и вещами, то на уровне второго дискурса преобладает этический статус указанного различия.

Исследование проблем российского самосознания начала XXI в. осложнено утратой преемственности. *П.А. Ольхов* (к. филос. н., БелГУ) сосредоточил внимание на анализе наследия Н.Н. Страхова как «желанного собеседника» едва ли не всех русских мыслителей своего времени. Докладчик исследует специфические пути русского самосознания середины XIX столетия, отмечая при этом «самоумаление», «свободомысле» и «традицию» в качестве наиболее важных, на его взгляд, смыслообразующих концептов дискурса той эпохи.

Рассмотрение проблемы диалога, диалогического мышления сегодня становится как никогда актуальным, так как диалог в области гуманитарного знания раздвигает границы общения между народами, государствами и способствует познанию собственной национальной культуры и пониманию собственной самоидентификации. *Т.И. Липич* (БелГУ) отмечает, что прежние подходы к проблеме диалога претерпевают изменения и требуют более глубокого исследования. Все более актуальными, как было отмечено, в этом направлении являются идеи «универсального диалога» М.С. Кагана, «диалога культурных миров» Г.С. Померанца, «полилога культур», как формы диалога множества культур. Представленная в последние десятилетия диалогическая тематика должна быть осмыслена в рамках широкого культурного контекста эпохи, которая характеризуется развитием толерантных поведенческих установок, межконфессиональным, межкультурным диалогом.

По мнению *В.Н. Шилова* (д. филос. н., БелГУ), все более очевидной становится необходимость формирования общегражданского национального самосознания населения России, которое должно приобрести доминирующий характер по отношению к локальным этнокультурным различиям. В настоящее время ставка делается на формирование единой российской нации, где гражданско-территориальный аспект преобладал бы над этническим. В России ставится задача вывода этничности из сферы политики, чтобы этническое начало не выступало как фундамент каких-либо политических движений. В РФ запрещено формирование политических партий на этнической, равно как и на конфессиональной основе. В целом, как показывают исследования общественного мнения, процесс становления гражданской российской нации приобретает все более устойчивый характер.

Рассматривая традиционные, модернистские и постмодернистские образы пола и любви в отечественной культуре, *А.М. Страхов*

(д. филос. н., БелГУ) отмечает, что любовь и пол привлекают все большее внимание исследователей, прежде всего, в социально-гуманитарном знании. Одни исследователи выделяют идеалы и нормы любви, другие анализируют семейно-брачные отношения, третьи рассматривают стереотипы любовных отношений. Было подчеркнуто, что в современном отечественном социокультурном пространстве наряду с постмодернистскими присутствуют традиционные и модернистские образы пола и любви. Для нравственного оздоровления общества необходимость полового воспитания не подвергается сомнению, дискуссии идут вокруг методов и форм его реализации. Традиционная традиционность России оставляет надежду на духовное и нравственное оздоровление.

В.Е. Пеньков (БелГУ) посвятил свой доклад критике креационизма как одного из проявлений стремительной клерикализации общественного сознания. Автор считает научный креационизм неудачной, эклектичной, внутренне не последовательной и почти мошеннической попыткой примирения религиозного и научно-материалистического мировоззрений.

Основываясь на работах Данилевского и Леонтьева, *Т.В. Перминова* (БелГУ), рассмотрела православие как базовую традицию и русскую национальную культуру, и русского национального характера, которая, с одной стороны, связывает русскую ментальность с древней духовной мощью, а с другой — является единственно возможным, по мнению исследуемых автором русских мыслителей, основанием органичных инноваций и выхода страны из общественно-политического, экономического и духовного кризиса.

В.Н. Мусолов (БелГУ, студент) представил результаты социологического исследования, проведенного среди профессорско-преподавательского состава БелГУ, отметив сложность изучения интеллигенции в связи с отсутствием однозначного определения объекта и указав на весьма ограниченную степень репрезентативности. Автор исследования сообщил, что проведенные наблюдения позволяют прийти к выводу, что, несмотря на все исторические и социально-статусные изменения, некоторые базовые ценностные характеристики интеллигенции остались такими, какими они были описаны еще в «Вехах»: негативное, подозрительное отношение интеллигенции к власти и внешняя, идеологическая религиозность.

В заключение хотелось бы отметить то тепло и дружелюбие, с каким белгородская сторона принимала московскую делегацию. Незабываемы встречи с учеными и преподавателями Белгородского государственного университета и Белгородского университета потребительской кооперации, с представителями Правительства Белгородской области, впечатления, связанные с уютом г. Белгорода и его окрестностей. А проект «Проблемы российского самосознания» движется дальше и расширяет свое дискуссионное поле. Впереди у него пятая конференция и еще один российский регион.

Памятные даты

К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА ЕРМАКОВА К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕРЫ ШМИДТ

3 апреля 2010 г. в Московском городском психоэндокринологическом центре, где расположена штаб-квартира МОО «Русское психоаналитическое общество», в рамках юбилейных заседаний Русского психоаналитического общества (20-летие Российской Психоаналитической Ассоциации, 15-летие Русского Психоаналитического Общества, 5-летие МОО «Русское Психоаналитическое Общество») прошло заседание, посвященное 135-летию со дня рождения Ивана Дмитриевича Ермакова (1875 – 1942) и 120-летию со дня рождения Веры Федоровны Шмидт (1889 – 1937).

Основными темами заседания были:

- история образования и развития первого психоаналитического общества России Русского психоаналитического общества;
- творческое наследие первого Президента Русского психоаналитического общества Ивана Дмитриевича Ермакова (1875 – 1942);
- творческое наследие ученого секретаря Русского психоаналитического общества (1927 – 1930) Веры Федоровны Шмидт (1889 – 1937).

На заседание выступили почетные гости, родственники И.Д. Ермакова и В.Ф. Шмидт.

Давыдова Милитриса Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, почетный член МОО «РПО», дочь И.Д. Ермакова в своем выступлении «Жизнь и наследие И.Д. Ермакова» рассказала о жизни Ивана Дмитриевича, научной деятельности и представила уникальные художественные произведения, написанные ее отцом в разные годы жизни.

О творческом наследии В.Ф. Шмидт в своем выступлении «Краткий биографический очерк Веры Федоровны Шмидт» рассказала ее внучка **Вера Владимировна Шмидт**, врач-педиатр высшей категории. Она остановилась на научных интересах, уникальной и полной увлекательных встреч с известными западными психоаналитиками жизни Веры Федоровны. Своими воспоминаниями о Вере Федоровне Шмидт поделились ее родственники: **Сигурд Оттович Шмидт** (доктор исторических наук, академик РАО), **Федор Владимирович Шмидт** (заслуженный врач, врач высшей категории, зам. главного врача ЦКБ Управления делами Президента РФ, внук В.Ф. Шмидт), **Олег Николаевич Яницкий** (доктор социологических наук, племянник В.Ф. Шмидт), **Кирилл Алексеевич Левинсон** (кандидат исторических наук, правнук В.Ф. Шмидт).

На заседании прозвучали полные интересных научных фактов выступления **В.М. Лейбина** «История становления и признания Рус-

ского психоаналитического общества», **А.А. Парамоновой** «Развитие детского психоанализа в России в начале XX века в произведениях И. Ермакова и В. Шмидт», **И.Е. Жмурина** и **Н.А. Скоробогатовой** «Психоанализ в Москве в начале XX века: историко-географический экскурс», **Д.Ю. Гребенкина** «Фотограф и бухгалтер: психоаналитическая феноменология профессий у И.Д. Ермакова», **Т.Н. Шикаловой** «Вера Федоровна Шмидт: психоаналитические принципы воспитания», **М.Л. Мельниковой** «Схема оценки раннего младенчества Эрнеста Фрейда как основа для контекстного анализа дневника матери В.Ф. Шмидт», **И.Н. Чирковой** «Дневник матери В.Ф. Шмидт в контексте проблемы привязанности», **С.Ф. Сироткина** «Письма западных психоаналитиков В.Ф. Шмидт» и **В.И. Рождественского** «Мать и ребенок: символическое рождение в языке».

После выступлений прошла презентация книг представителями Издательского дома «ERGO» (г. Ижевск):

- **Ермаков И.Д.** Опыт органического познания ребенка. Серия: Архив проф. И.Д. Ермакова. 2009.
- **Ермаков И.Д.** Психоаналитические работы 1913 – 1924 гг. Серия: Архив проф. И.Д. Ермакова. Том II. Готовится к печати.
- **Шмидт В.Ф.** Дневник матери: первый год жизни. Т. 1. Серия: Психоаналитические и педагогические труды В.Ф. Шмидт. 2009.
- **Шмидт В.Ф.** Дневник матери: второй и третий годы жизни. Т. 2. Серия: Психоаналитические и педагогические труды В.Ф. Шмидт. 2010.

В заключении Президент МОО РПО **А.Н. Харитонов** отметил возросший интерес современных психоаналитически ориентированных специалистов к истории психоанализа в России, о влиянии психоанализа в России начала XX века на мировое психоаналитическое движение, о значимости вклада И.Д. Ермакова, В.Ф. Шмидт в становление методологической и клинической составляющих мирового психоанализа и поблагодарил почетных гостей и участников заседания.

*И.Е. Жмурин,
руководитель экспертной
аттестационной комиссии по прикладному психоанализу
МОО «Русское психоаналитическое общество»*

Издательский проект

АРХИВ ПРОФЕССОРА И.Д. ЕРМАКОВА

Издательский проект «Архив проф. И.Д. Ермакова» имеет своей целью введение в научный и культурный оборот идей и текстов одного из основоположников русской психоаналитической традиции И.Д. Ермакова.

Иван Дмитриевич Ермаков (1875 – 1942) – психиатр, психоаналитик, художник, литературовед. Психиатр по образованию, ученик В.П. Сербского, свои первые научные публикации посвятил проблематике психических заболеваний. Труды И.Д. Ермакова по психоанализу появляются в 1913 г., а в послереволюционный период он занимается научно-исследовательской деятельностью, активно пишет сам и является научным редактором многотомного выпуска «Психологической и психоаналитической библиотеки» (1922 – 1925 гг.)

В 1921 г. под руководством И.Д. Ермакова был организован Детский дом-лаборатория – учреждение для изучения и воспитания психоаналитическим методом детей от года до 4-летнего возраста. Примерно в это же время он организывает и является председателем Русского психоаналитического общества (г. Москва).

С 1923 по 1925 гг. Ермаков возглавлял Государственный психоаналитический институт.

В 1919 – 1921 гг. работал в Третьяковской Галерее, организовывал лекции, вел широкую просветительскую деятельность среди населения, стараясь приобщить его к Искусству. Позднее принимал участие в этнографических экспедициях, привозил множество иллюстративного материала (зарисовок).

С конца 1920-х гг. И.Д. Ермаков работал как консультант различных клиник, занимался частной практикой и писал свои многочисленные тексты, которые так и остались неопубликованными. В частности, в Архиве И.Д. Ермакова сохранился ряд документов, относящихся к концу 30-х – началу 40-х гг., вероятно, являющихся набросками к большой книге литературно-психологических эссе. В них присутствуют острая наблюдательность, юмор, лиризм. В 1941 г. И.Д. Ермаков был арестован и погиб в тюрьме в 1942 г.

Исследование деятельности И.Д. Ермакова имеет значение как в плане историческом – позволяет реконструировать процесс развития отечественной психоаналитической традиции начала XX столетия, так и в плане обогащения науки эффективными, оправдавшими себя на практике, пусть и в иной хронологический период, способами решения исследовательских задач. Сама личность И.Д. Ермакова представляется весьма интересной – он был не только опытным врачом, квалифицированным психоаналитиком, но также писал картины и стихи.

Личный архив И.Д. Ермакова содержит большое количество рукописных, а также печатных материалов, включая тексты И.Д. Ермакова и некоторых его сотрудников. Помимо текстов, в архиве хранятся фотоматериалы, а также его художественные работы.

Совместно с хранительницей Архива Милитрисой Ивановной Давыдовой, дочерью Ивана Дмитриевича, ведется работа по подготовке к изданию материалов Архива.

Поскольку русские психоаналитические архивы немногочисленны, необходима планомерная работа по сохранению этого фактического материала и живой истории становления психоаналитической мысли в России. Поэтому в настоящее время ведется полная оцифровка материалов Архива, их систематизация, подробное описание.

Цель проекта заключается в изучении научно-практической, художественно-исследовательской деятельности первого председателя Русского психоаналитического общества Ивана Дмитриевича Ермакова.

Результатом проекта станет систематизация и введение в научный оборот ранее неопубликованных работ И.Д. Ермакова, а также издание полного собрания его трудов.

Содержание данного издательского проекта выходит за рамки традиционного собрания трудов, что отражает его название – «Архив проф. И.Д. Ермакова». Помимо работ самого И.Д. Ермакова, издатели намерены включить материалы и документы, хранящиеся в личном архиве Ермакова или примыкающие к нему. Это не только собственно научные произведения, но и официальные документы, а также тексты, написанные другими лицами. Кроме того, данное издательскому проекту название перекликается с названием выпускавшейся «Психологической и психоаналитической библиотеки под ред. проф. И.Д. Ермакова». В определенном смысле эта перекличка названий – дань уважения и памяти И.Д. Ермакову, а также свидетельство преемственности его усилий по развитию психоаналитической мысли в России.

В качестве принципа отбора материала и композиции томов данного проекта был выбран тематико-хронологический подход. Ко всем публикуемым текстам даются комментарии, касающиеся содержания текста, его истории, упомянутых имен и фактов.

ПРИМЕРНЫЙ СОСТАВ ТОМОВ:

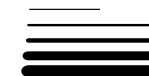
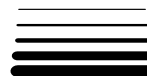
Том 1.	Ранние психиатрические работы 1907 – 1917 гг.
Том 2.	Психоаналитические работы 1913 – 1924 гг.
Том 3.	Лекции по общей психологии и психотерапии (1920 – 1921 гг.)
Том 4.	Опыт органического познания ребенка: тексты 1921 – 1930 гг.
Том 5.	Гипнология и сновидения (1921 – 1924 гг.)

Том 6.	Слова и символы (1922 – 1924 гг.)
Том 7.	Протоколы литературного кружка (1923 – 1924 гг.)
Том 8.	Психоанализ творчества Н.В. Гоголя (1913 – 1925 гг.)
Том 9.	Психоанализ творчества А.С. Пушкина (1923 – 1930 гг.)
Том 10.	Психоанализ творчества Ф.М. Достоевского
Том 11.	Психология изобразительного искусства: тексты 1917 – 1923 гг.
Том 12.	Органическое понимание искусства: тексты 1922 – 1923 гг.
Том 13.	Этюды о русских художниках: статьи и материалы
Том 14.	Этюды о художественной литературе
Том 15.	Исследования орнаментов: материалы экспедиций
Том 16.	Размышления о творчестве: статьи, заметки, материалы (1913 – 1941 гг.)
	etc

На сегодняшнем этапе работы представляется, что намеченный состав издания должен охватить разнообразные стороны жизни и творчества И.Д. Ермакова. Однако издатели предполагают, что по мере расширения научных разработок, касающихся личности и трудов И.Д. Ермакова, возможно некоторое расширение заявленного перечня томов.

Презентация проекта «Архив проф. И.Д. Ермакова» состоялась в Москве на заседании Русского психоаналитического общества 3 апреля 2010 г., посвященного истории психоанализа в России.

С.Ф. Сироткин,
ответственный редактор журнала
«Ежегодник истории и теории психоанализа»,
Издательский дом ERGO (Ижевск)

АНАТОЛИЙ СОЛОМОНОВИЧ КАРМИН

28 марта 2010 года на 79-м году ушел из жизни видный ученый-философ, специалист по теории познания, методологии науки, психологии творчества, культурологии, психологии сознания доктор философских наук, профессор Анатолий Соломонович Кармин.

А.С. Кармин родился 23 июля 1931 в Киеве. Окончил философский факультет Ленинградского государственного университета в 1953 г., и физико-математический факультет Ульяновского педагогического института в 1966 г. Преподавал философию и психологию в Ульяновском педагогическом институте. С 1975 г. возглавил кафедру философии в Ленинградском институте водного транспорта. В 1985 г. перешел работать на кафедру философии, а затем (1990) на кафедру психологии и социологии Санкт-Петербургского государственного института инженеров путей сообщения, преобразованного в Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения, где и трудился до последних дней своей жизни. В больницу его отвезли на машине «Скорая помощь» прямо с лекции.

Студенты и аспиранты нескольких поколений с восхищением вспоминают его блестящие лекции по теории познания, особенностям интуитивного мышления, проблемам культурологии, психологии, конфликтологии.

Поражает широта и вместе с тем философская глубина научных исследований А.С. Кармина. Докторская диссертация «Конечное и бесконечное как философские категории» защищена в 1974 г. На протяжении нескольких десятилетий А.С. Кармин регулярно публикует серьезные исследования по проблемам природы философского знания, категориального аппарата философии науки, методов научного исследования, философского анализа физики и математики, а также по проблемам социокультурных аспектов познавательной деятельности человека, творческой интуиции, конфликтологии, культурологии, даже психологии рекламы.

Можно без преувеличения сказать, что Кармин обладал энциклопедическими познаниями и глубоким аналитическим мышлением. В этом смысле А.С. Кармина можно сопоставить только, пожалуй, с философами Античного мира и с творцами эпохи Возрождения. Его перу принадлежат полноценные учебники сразу по трем различным научным дисциплинам: философии, культурологии (многократно переизданные) и конфликтологии, которые признаны специалистами одними из лучших в своих областях научного знания.

А.С. Кармин развивает и обосновывает понимание философии как особой сферы интеллектуального творчества, в которой выявляются и формируются исходные, наиболее общие идеи, принципы, установки человеческого сознания (культуры). Философские категории рассматриваются как язык, на основе которого строятся знания человека о мире и о себе.

Совместно с В.П. Бранским и В.В. Ильиным Анатолий Соломонович разрабатывает «атрибутивную модель» объекта познания, которая выступает в качестве обобщенной схемы описания любых объектов. Вводит новые представления о некоторых процедурах построения научного знания в

их логической структуре, предлагает систему оценок методов исследования (по параметрам общности, продуктивности, рациональности). Исследует логику развития проблемы конечного и бесконечного, раскрывая значения этих понятий и их взаимосвязь; строит философскую концепцию реальной бесконечности и обосновывает несводимость последней к математическим определениям; показывает недоказуемость и непроверяемость идеи бесконечности мира в науке.

А.С. Кармин анализировал различные подходы к определению творчества и их соотношение; рассматривал диалогическую структуру творческого мышления и его основные операции (генерация и селекция), разрабатывал пятифазное описание творческого процесса; развивал концепцию творческой интуиции как «скачка» от абстракций к наглядным образам (эйдетическая интуиция) и от наглядных образов к абстракциям (концептуальная интуиция).

В 2009 г. он подготовил монографию «Интуиция», издание которой уже не увидит. Его телевизионная передача, посвященная интуиции, имела один из самых высоких рейтингов на пятом канале Санкт-Петербургского телевидения.

Из богатого наследия А.С. Кармина укажем наиболее значимые его работы: *К постановке проблемы бесконечности в современной науке // Вопросы философии. 1965. № 2; Конечное и бесконечное. [В соавт.]. — М., 1966; Творческая интуиция в науке. [В соавт.]. — М., 1971; К вопросу о генезисе теоретического мышления // Проблемы диалектики. Вып. 4. — Л., 1974; Интуиция и ее механизмы // Проблемы методологии науки и научного творчества. — Л., 1977; Методологическое значение принципа единообразия природы в индуктивных рассуждениях // Материалистическая диалектика и структура естественнонаучного знания. — Киев, 1980; Познание бесконечного. — М., 1981; Научное мышление и интуиция: эйнштейновская постановка проблемы // Научная картина мира. Киев, 1983; Проблема субъекта и объекта в кантовской теории познания // Кантовский сборник. Вып. 8. — Калининград, 1983; Диалог в научном творчестве // ФН. 1985. № 4; Диалектика материального мира. — Л., 1985; Поиск и оценка методов исследования // Теория и методология. — М., 1987; Драматургия творчества // Ноосфера: духовный мир человека. — Л., 1989; Специфика социального познания // Естественнонаучное и социогуманитарное знание: методологические проблемы. — Л., 1990; Лекции по философии. — Екатеринбург, 1992; Интеллектуальная элита в структуре научного сообщества // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 1. — СПб., 1993; Философия. Учебник для вузов. — СПб., 2009; Культурология: Учебник. — СПб., 2006; Конфликтология. — СПб., 1999; Психология рекламы. — СПб., 2004.*

Анатолий Соломонович был прекрасным, обаятельным, порядочным человеком, щедро делящимся своими знаниями и интеллектуальным потенциалом со студентами, аспирантами и коллегами. Он навсегда останется в нашей памяти.

Е.А. Гусева,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского инженерно-экономического университета.

Г.Г. Бернацкий,

доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Наши авторы

Автономова Наталия Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, лауреат премии Андрея Белого.

Агарков Сергей Тихонович — доктор медицинских наук, сексолог, генеральный секретарь Регионального общественного движения в поддержку сексуальной культуры «Культура и здоровье», член-корр. Международной Академии Информатизации, профессор кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Визгин Виктор Павлович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем науки Института философии РАН.

Карпов Олег Александрович — кандидат физико-математических наук, руководитель НОЦ «Инновационная педагогика в техническом университете», начальник управления «Образовательные и научные молодежные программы и проекты», Московский государственный университет им. Н.Э. Баумана.

Кашенко Евгений Августович — доктор социологических наук, профессор Московского института экономики, политики и права (МИЭПП), ученый секретарь Российского научного сексологического общества.

Корсаков Сергей Николаевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, доцент кафедры философии Тверского государственного университета.

Павлова Ольга Николаевна — кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии социальной работы Национального института им. Екатерины Великой, психотерапевт психоаналитической ориентации, руководитель комитета клинического психоанализа Русского психоаналитического общества (РПО).

Петросян Юлия Станиславовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тверского государственного университета.

Пронин Михаил Анатольевич — кандидат медицинских наук, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика» ИФ РАН, ученый секретарь Института философии РАН.

Пружинина Аврора Александровна — кандидат философских наук, ответственный секретарь журнала «Философские науки».

Старовойтов Владимир Васильевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

Сулимов Владимир Александрович — кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии Коми государственного педагогического института, академик Международной Академии наук (Русская секция).

Шмелева Наталья Дмитриевна — младший научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН.

Щеглов Лев Моисеевич — доктор медицинских наук, профессор, ректор Института психологии и сексологии Санкт-Петербурга.

CONTENTS

PANORAMA OF THE WORLD PHILOSOPHICAL THOUGHT

Foreign Philosophy. Modern View ■

Three silhouettes in the light of double star – life and culture

V.P. VIZGIN	Life as philosophical idea: Diltey – Nietzsche – Bergson. On the statement of problem	5
-------------	---	---

HUMAN SCIENCES

Psychoanalysis: Anatomy of Creation ■

N.S. AVTONOMOVA	Psychoanalysis Dictionary. Conceptual languages and translation problem	16
V.V. STAROVOITOV	Psychoanalysis and arts creation	35

From the History of Psychoanalysis:
the unknown past ■

A.A. PRUZHININA	Aron Salkind. Manifest of sexual revolution	43
S.N. KORSAKOV	New facts about A.B. Salkind A.B. Salkind: Autobiography, Personal leaf, Testimonial	51 56
YU.S. PETROSYAN (Tver)	“Little man” without case (Graphological portrait)	63

Phenomenon of sexuality ■

THE EDITORIAL	Is Sexology a science?	74
E.A. KSHCHENKO	Sexual culture	76
L.M. SHCHEGLOV (St. Petersburg)	Eros in the mirror of culture	84
S.T. AGARKOV	Evolutionary theory and Narcissism	94

Gender Approach ■

M.A. PRONIN	Femail’s sexuality: philosophical and anthropological essay	99
O.N. PAVLOVA	Crisis of feminine identity	111

Philosophical dimension ■

V.A. SULIMOV (Syktyvkar)	Self-substantiation in modern intellectual sphere	119
--------------------------	--	-----

EDUCATION AND SOCIETY

Pedagogical search ■

A.O. KARPOV	Modern education and knowledge	126
-------------	--------------------------------	-----

OUR CONGRATULATIONS

N.S. AVTONOMOVA	Welcoming speech by presentation of Andrej Bely prize	139
-----------------	--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Surveys, Announcements
and other Information ■

N.D. SHMELEVA	Problems of Russian Self-consciousness: Archaic, Traditional and Innovational principles	143
---------------	---	-----

Memorable dates ■

The 135 th birthday of I.D. Ermakov	152
The 120 th birthday of V.F. Schmidt	152

Editorial Project ■

Archives of Prof. I.D. Ermakov	154
--------------------------------	-----

Memoria ■

Anatoly Solomonovich Karmin	157
-----------------------------	-----